Годъ 15-й. Кн. LVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1903, № 2.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1903.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сказка съ двѣнадцатью персонажами[1]).

II.

Двѣнадцать дочерей морского царя.

Съ сюжетомъ о двѣнадцати ученикахъ я кончилъ и перехожу къ другимъ сюжетамъ тоже о двѣнадцати персонажахъ, но связанныхъ въ группу другимъ мотивомъ. Начну съ русской сказки, которая ближе другихъ стоитъ къ разсмотрѣнной сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ Оха. Въ ней также двѣнадцать персонажей, но это не ученики, а двѣнадцать дѣвицъ, изъ которыхъ нужно выбрать невѣсту. Выбираетъ или самъ женихъ, или его товарищъ. Какъ и въ сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ, пришедшій брать невѣсту не знаетъ, которую изъ двѣнадцати дѣвицъ слѣдуетъ взять.

Въ одномъ великорусскомъ варіантѣ эти двѣнадцать дѣвицъ называются дочерями водяного царя[2]) или морского царя[3]), въ другомъ это двѣнадцать плѣнницъ чорта[4]), или двѣнадцать заклятыхъ дѣвушекъ, находящихся у чорта[5]). Онѣ являются въ обращенномъ видѣ: въ видѣ двѣнадцати колпицъ[6]), двѣнадцати утокъ[7]), двѣнадцати голубицъ[8]); число двѣнадцать иногда замѣняется другимъ, наприм., встрѣчаются три голубицы[9]), три лебе-

---

1) См. „Этнографическое Обозрѣніе“, кн. LVI.
2) Афанасьевъ, № 125, *a*.
3) Афанасьевъ, № 125, *d*.
4) Афанасьевъ, № 126.
5) Афанасьевъ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ № 125 (стр. 75).
6) Афанасьевъ, № 125, *a*.
7) Афанасьевъ, № 125, *b*.
8) Афанасьевъ, № 125, *d*.
9) Афанасьевъ, № 125, *f*.

душки [1]), семьдесять семь утокъ [2]); въ русско-сибирской сказкѣ Иванъ, крестьянскій сынъ, выбираетъ изъ семи дочерей бабы-яги, которыя не обращены въ животныхъ, но похожи другъ на друга, какъ одна, „башмакъ въ башмакъ, ликъ въ ликъ"; въ другой царевна Маранда избирается изъ двадцати дѣвицъ, похожихъ другъ на друга [3]).

Здѣсь, какъ и въ сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ Оха, заблаговремнно дѣлается указаніе на жестъ или на примѣту, по которымъ можно узнать дѣвицу, подлежащую выбору. Какъ въ сказкѣ объ Охѣ ученикъ, котораго нужно взять, самъ же и дѣлаетъ это указаніе, такъ и здѣсь необходимое указаніе дѣлаетъ та самая дѣвица, которую нужно взять въ невѣсты. Иногда, впрочемъ, это новое лицо, какъ, наприм., въ нѣкоторыхъ великорусскихъ варіантахъ—баба-яга [4]), въ другихъ старушка [5]), въ третьихъ Пьятинка [6]), въ бѣлорусскомъ—сопливая баба [7]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ женщинѣ, выдающей эту тайну, не придается предательскаго характера; она выставляется въ индифферентномъ свѣтѣ. Можно даже подозрѣвать, что и въ этихъ случаяхъ это та же женщина, которую слѣдуетъ взять, но временно принявшая невзрачный видъ, видъ старухи или сопливой бабы.

Жесты и примѣты, которыя выдаютъ невѣсту, какъ будто заимствованы изъ сказки о двѣнадцати ученикахъ. Напримѣръ, въ одномъ варіантѣ, когда дѣвицы выйдутъ въ первый разъ передъ женихомъ, невѣста топнетъ ногой, когда онѣ выйдутъ во второй, взмахнетъ платкомъ [8]); въ другомъ варіантѣ въ первый разъ она взмахнетъ платкомъ, во второй—платье поправитъ, въ третій—надъ ея головой будетъ летать муха [9]); въ третьемъ ва-

---

1) Романовъ, 21.

2) Афанасьевъ, № 125, *g*.

3) Записки Красноярск. подъ-отдѣла Вост.-Сиб. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества по этнографіи (Русскія сказки въ Сибири). т. I, вып. 1 (Красноярскъ, 1902) стр. 66 (№ 36) и стр. 89 (№ 45).

4) Афанасьевъ, № 125, *a*, *f*, *g*.

5) Афанасьевъ, № 125, *d*.

6) Афанасьевъ, № 125, *e*.

7) Роман., 21, *б*.

8) Афанасьевъ, № 125, *g*.

9) Афанасьевъ, № 125.

ріантѣ въ первый разъ она выйдетъ дѣвицей, покрытой прыщами, во второй—одѣтою въ черное, въ третій—она выставитъ ногу [1]); въ четвертомъ—сначала выѣдутъ три кобылицы, у невѣсты будетъ блестка потухшая; потомъ выйдутъ три голубицы, невѣста взмахнетъ крыломъ; въ послѣдній разъ выйдутъ три дѣвицы, невѣста взмахнетъ платкомъ [2]). Въ пятомъ варіантѣ невѣста узнается потому, что въ правомъ глазу у ней будетъ сидѣть мошка [3]), въ шестомъ—въ лѣвомъ ухѣ мошка [4]), въ бѣлорусскомъ—муха на лбу [5]).

Во всѣхъ перечисленныхъ варіантахъ какъ сказки о выбираемой невѣстѣ, такъ и сказки объ ученикахъ колдуна, за немногими исключеніями, лицо, которое выдаетъ тайну, только сообщаетъ примѣту подлинной невѣсты, но нигдѣ оно не указываетъ ее собственнымъ дѣйствіемъ. Только въ двухъ русско-сибирскихъ сказкахъ мы имѣемъ случаи, когда лицо, которое нужно взять, указывается собственнымъ дѣйствіемъ лица, открывающаго тайну. Въ сказкѣ объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ, ему предстоитъ задача узнать, которая изъ семи дочерей бабы-яги старшая; тайну открываетъ конь Ивана; онъ обращается въ муху, влетаетъ въ окно и садится старшей дочери на щеку. Въ другой сказкѣ нужно узнать, которая изъ двадцати дѣвицъ царевна Маранда; женихъ пріѣхалъ съ шестью товарищами, каждый гораздъ въ какомъ-нибудь особомъ родѣ; одинъ изъ нихъ „угадчикъ": онъ можетъ угадать, которая Маранда; чтобъ указать на нее жениху, онъ обращается въ муху и садится Марандѣ на носъ [6]). Въ этой сказкѣ лицо, открывающее тайну, принадлежитъ къ составу товарищей жениха, пріѣхавшаго за дѣвицей; эти товарищи по своему мѣсту не соотвѣтствуютъ двѣнадцати ученикамъ колдуна; они окружаютъ не то лицо, которое нужно взять, а то, которое пришло взять. Къ поискамъ такого лица, которое бы одновременно соединяло въ себѣ и выдачу тайны, и принадлежность къ

---

1) Аѳанасьевъ, № 125, *e*.
2) Аѳанасьевъ, № 125, *f*.
3) Аѳанасьевъ, № 126.
4) Аѳанасьевъ, № 125, *b*.
5) Шейнъ, № 136.
6) Русскія сказки въ Сибири въ Запискахъ Красноярск. подъ-отдѣла Географ. Общества по Этногр., т. I, в. 1, стр. 90.

свитѣ лица, которое нужно взять, благопріятнѣе относится та бѣлорусская сказка о двѣнадцати ученикахъ колдуна, въ которой одиннадцать учениковъ, обращенные въ пѣтуховъ, щиплютъ двѣнадцатаго пѣтуха [1]), и такимъ образомъ выдаютъ товарища. Тутъ тайну выдаетъ не то лицо, за которымъ пришли, а выдаютъ его другіе, выдаютъ собственнымъ дѣйствіемъ и принадлежатъ они къ свитѣ выдаваемаго, но разница съ предыдущими случаями въ томъ, что во всѣхъ другихъ образцахъ выдаетъ тайну одно лицо, здѣсь же цѣлая компанія товарищей.

Отецъ или тотъ, въ плѣну котораго или во власти котораго находились двѣнадцать дѣвицъ, несмотря на успѣхъ троекратнаго выбора, неохотно отпускаетъ дѣвицу, и молодые люди принуждены въ бѣгствѣ искать свое счастье. За ними посылается погоня. Дѣвица оказывается владѣющей вѣщимъ знаніемъ; она умѣетъ перекидываться, какъ и ученикъ Оха, и другихъ перекидывать. Погоня до трехъ разъ догоняетъ бѣглецовъ, но дѣвица обращаетъ мужа, коней и себя въ такой видъ, что погоня не узнаетъ ихъ и всякій разъ возвращается съ пустыми руками.

Въ одномъ варіантѣ она скрываетъ себя и мужа отъ погони, когда погоня достигла ихъ въ первый разъ, подъ видомъ колодезя, ковшика и старика, во второй подъ видомъ попа и ветхой утвари, въ третій подъ видомъ рѣки, селезня и утицы [2]); въ другомъ варіантѣ превращенія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

---

[1]) Не отвѣчая двѣнадцати ученикамъ Оха по мѣсту, товарищи жениха въ этой сказкѣ отвѣчаютъ имъ по своему внутреннему содержанію; они такіе же вѣщіе люди, какъ и тѣ, они одарены сверхъестественными способностями; между тѣмъ члены свиты, окружающей царевну, безцвѣтны, какъ будто вѣщіе компаньоны, окружавшіе въ одной сказкѣ лицо, которое нужно взять, перенесены на сторону того, которое пришло взять. И если эти сказки принадлежатъ къ звѣздному эпосу, то какъ будто представленіе вѣщими компаньонами связано было съ однимъ какимъ-то созвѣздіемъ (о Плеядахъ, какъ о группѣ вѣщихъ, см. мои Вост. мотивы; стр. 566); этому созвѣздію приписывались какія то претензіи въ отношеніи другого созвѣздія, и смотря по тому, какой полъ придавался послѣднему, вѣщее созвѣздіе ставилось или на сторону лица, которое нужно было взять, или на сторону того, которое пришло взять; если другое созвѣздіе представлялось мужчиной, то вѣщее созвѣздіе обращалось въ двѣнадцать учениковъ Оха, если женщиной, то въ вѣщемъ созвѣздіи видѣли компаньоновъ жениха.

[2]) Аѳанасьевъ, № 125, *а*.

1) голубь и голубка, 2) рѣчка и дерево и 3) церковь и старичокъ [1]); въ третьемъ: 1) зеленый лугъ, старый пастухъ и овечка, 2) церковь, попъ и деревья, 3) озеро, селезень и утка [2]); въ четвертомъ—огородъ и кочанъ капусты, колодезь и соколъ [3]); въ пятомъ—1) просо и сторожъ, 2) пастухъ и овечки, 3) церковь и попъ [4]); въ шестомъ—1) церковь и дьякъ, 2) пастухъ и свинья, окунь и рѣчка [5]). Сама она является въ этихъ превращеніяхъ подъ видомъ утки, голубки, овечки, свиньи, а также подъ видомъ церкви; мужъ ея подъ видомъ старика, селезня, попа, пастуха, сторожа и пр. Почти во всѣхъ варіантахъ встрѣчается рѣка или озеро. Этотъ эпизодъ о погонѣ какъ будто занимаетъ въ этой сказкѣ мѣсто погони Оха за убѣжавшимъ въ видѣ коня ученикомъ; и тутъ и тамъ погоня соединяется съ рядомъ превращеній; только тамъ и преслѣдуемый и преслѣдующій оба совершаютъ превращенія, здѣсь же превращаются только преслѣдуемые. Въ обоихъ случаяхъ упоминается рѣка. Тамъ преслѣдуемый спасается подъ видомъ ерша или окуня, здѣсь подъ видомъ окуня и селезня.

Съ нѣкоторыми изъ этихъ превращеній связанъ мотивъ обманчивой давности. Старикъ, на вопросъ погони, не видѣлъ ли онъ бѣглецовъ, отвѣтилъ: „они пробѣжали, когда я молодъ былъ и этотъ лѣсъ сажалъ“ [6]); попъ видѣлъ ихъ, когда церковь строилась, въ которой погоня нашла его [7]); или попъ сорокъ лѣтъ служитъ при этой церкви и за все это время никого не видалъ [8]); старичокъ видѣлъ, но „давно“ [9]). Изъ сравненія съ тибетской легендой, которое будетъ сдѣлано ниже, читатель убѣдится, что этотъ мотивъ былъ, повидимому, связанъ съ сюжетомъ въ очень древней редакціи. Изъ сказки этотъ мотивъ перенесенъ въ русскіе народные разсказы о Христѣ. Богородица съ младенцемъ

---

[1]) Афанасьевъ, № 125, *b*.
[2]) Афанасьевъ, № 125, *d*.
[3]) Афанасьевъ, № 125, *f*.
[4]) Роман., 21, *a*.
[5]) Афанасьевъ, № 125, *e*. Рѣчка и окунь также у Роман,, 21.
[6]) Афанасьевъ, № 125, *a*
[7]) Афанасьевъ, № 125.
[8]) Афанасьевъ, № 125, *d*.
[9]) Афанасьевъ, № 125, *b*.

Христомъ, убѣгая отъ жидовъ, попросила крестьянина, сѣявшаго рожь, спрятать ее; но крестьянинъ не зналъ, куда ее спрятать; по благословенію Богородицы только что засѣянная рожь внезапно выростаетъ, и она прячется въ ней; на вопросъ жидовъ, не видѣлъ ли крестьянинъ бѣглянки съ младенцемъ, онъ отвѣтилъ, что видѣлъ, когда засѣвалъ рожь. Значитъ это было давно, подумали жиды, и побѣжали искать далѣе [1]). Вѣроятно, эта сказка извѣстна и чеченцамъ, такъ какъ у нихъ записанъ отрывокъ, напоминающій русскую легенду и превратившійся въ фамильное преданіе. У Циска, который былъ изъ племени Орштхой, былъ сынъ Хорсъ, который срѣзалъ головы тринадцати человѣкамъ, врагамъ своего племени. За нимъ была погоня. Убѣгая отъ нея, Хорсъ встрѣтилъ всадника и попросилъ укрыть его отъ преслѣдованія. Всадникъ посадилъ его сзади себя, отвезъ въ дремучій лѣсъ и спряталъ тамъ; затѣмъ всадникъ поѣхалъ своей дорогой. Когда люди, преслѣдовавшіе Хорса, спросили всадника, не видѣлъ ли онъ человѣка, онъ отвѣтилъ имъ отрицательно, и они возвратились домой [2]).

Это преданіе привело меня къ вопросу, не отрывокъ ли это изъ эпоса о славянскомъ Хорсѣ, повѣрія и преданія о которомъ могли распространяться и внѣ славянскаго міра. Въ русскихъ и ордынскихъ преданіяхъ былъ разсказъ о гонимомъ персонажѣ, который принужденъ былъ прятаться отъ гонителей. Образцы этихъ преданій указаны въ моей книгѣ: „Восточные мотивы", стр. 205 и 514—517. Я сдѣлалъ предположеніе, что этотъ гонимый и прячущійся персонажъ назывался Хорсомъ; благодаря нѣкоторому созвучію этого имени съ Христомъ, разсказы о Хорсѣ были перенесены на Христа и такимъ путемъ явились названія растеній: христохоронка, христопрятка [3]). Въ той же книгѣ я привелъ показаніе одного чеченца о гонимомъ Хрстоѣ или Рхстоѣ; съ одной стороны, онъ приписывалъ ему пребываніе подъ снѣга-

---

[1]) Безсоновъ, Калѣки перехожіе, вып. 4, стр. 116. Ср. Афанасьевъ, Народн. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. X. По преданію гагаузовъ, Христосъ прятался у свиней, овецъ и волковъ и тѣ не выдали его, а лошади выдали (Этногр. Обозр., кн. LI, стр. 7).

[2]) Сборникъ свѣдѣній о кавказск. горцахъ, в. VIII, отд. I, ст. Чаха Ахріева, „Ингуши", стр. 26—27.

[3]) Вост. мотивы, 205 и 516.

ми Казбека, въ недоступномъ для человѣка мѣстѣ, т. е. приписывалъ ему то, что обыкновенно разсказываютъ про Амирана; съ другой, онъ отожествлялъ его съ архустойцами сѣверокавказскихъ преданій [1]). Это подало мнѣ поводъ подозрѣвать, что въ именахъ Хрстой или орхустойцы [2]) мы имѣемъ синонимы имени Амиранъ. Къ этимъ синонимамъ, можетъ быть, слѣдуетъ еще прибавить Чиристи; гора Казбекъ поосетински называется не Амирановой горой, какъ бы слѣдовало ожидать, а Чиристи-кохъ, горою Чиристи'я (я отъ одного осетина записалъ Чрсти-кохъ); это имя переводятъ обыкновенно: „гора Христа", но не было ли Чиристи извѣстно осетинамъ въ дохристіанское время [3])?

Въ третью погоню за бѣжавшими въ русской сказкѣ отправляется то самое лицо, во власти котораго находились двѣнадцать дѣвицъ (водяной царь, морской царь и пр.). Добѣжавъ до рѣки, которая явилась послѣ того, какъ бѣглянка взмахнула хусткой или полотенцемъ, гонитель тонетъ въ ней; теперь бѣглецы могутъ ѣхать дальше безопасно. Дѣвица отсылаетъ молодца впередъ, но даетъ ему заповѣдь—пріѣхавъ домой не цѣловать никого [4]), или не цѣловать сестру или невѣстку, или не цѣло-

---

[1]) Отожествленіе одного лица (Хрстой) съ цѣлой группой людей (орхустойцевъ) не будетъ страннымъ, если это преданіе отнести къ звѣздному эпосу. Подъ Хрстоемъ и орхустойцами могли разумѣть какое-нибудь многочленное созвѣздіе; одинъ разъ оно могло представляться въ видѣ одного человѣка и это представленіе отразилось въ преданіяхъ о Хрстоѣ (и можетъ быть Хорсѣ), въ другой разъ созвѣздіе представлялось группой людей. Орхустойцы чаще всего являются въ числѣ шестидесяти; вѣроятно, тутъ десятки стоятъ вмѣсто единицъ, и созвѣздіе, подавшее поводъ къ преданію, состояло изъ шести звѣздъ; это можетъ быть Плеяды.

[2]) У Далгата (Этногр. Обозр., кн. XLVIII, стр. 40) орхустуйцы въ формѣ *орштхой*.

[3]) Въ одномъ изъ сказаній объ Амиранѣ есть разсказъ о томъ, какъ Христосъ (по-осетински Чиристи) воткнулъ въ землю свой костыль и благословилъ его,—и сухой костыль разросся большимъ деревомъ. Этотъ разсказъ напоминаетъ русское преданіе о чудесно выросшей ржи по благословенію Богородицы; разница, однако, въ томъ, что рожь русскаго преданія разростается, чтобы спасти Христа отъ враговъ, а въ кавказскомъ, чтобы послужить орудіемъ казни для противника Христа; Христосъ приковалъ Амирана къ этому дереву цѣпью.

[4]) Афанасьевъ, № 125, *е*.

вать въ правую щеку [1]), или не цѣловать крестную мать [2]), или не здороваться съ самымъ маленькимъ, лежащимъ въ люлькѣ [3]); въ противномъ случаѣ, предупреждаетъ она, онъ забудетъ ее. Юноша дѣлаетъ запретный поцѣлуй и забываетъ дѣвицу. Родители хотятъ женить вернувшагося сына; забытая дѣвица приходитъ въ городъ; не выдавая себя, поселяется въ одномъ бѣдномъ домѣ, и когда въ домѣ ея жениха начинаютъ готовиться къ свадебному пиру, она посылаетъ туда пирогъ, внутрь котораго она посадила двухъ голубей. Когда во время пира взрѣзали пирогъ, оттуда вылетѣли два голубя и сѣли на окнѣ; голубь хотѣлъ поцѣловать голубку, но голубка сказала ему: „Не цѣлуй, а то, пожалуй, забудешь меня, какъ этотъ женихъ забылъ свою прежнюю невѣсту". Тогда молодой человѣкъ вспомнилъ свою забытую подругу и покаялся [4]). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ дѣвица предчувствуетъ отреченіе отъ нея ея жениха и на пути къ дому его родителей, отсылая его впередъ, спрашиваетъ его: „а когда пріѣдешь домой, приведешь меня въ крещеную вѣру? не забудешь меня?" [5]). Въ одномъ варіантѣ дѣвица нѣсколько разъ задаетъ подобный вопросъ въ теченіе дороги, и, несмотря на многократное увѣреніе въ своей вѣрности, другъ по пріѣздѣ домой забылъ свою подругу.

Изъ сдѣланнаго обзора этой сказки видно, что если ее нельзя назвать варіантомъ сказки о двѣнадцати ученикахъ Оха, то все-таки это модификація того же самаго сюжета. И тутъ и тамъ двѣнадцать персонажей; въ обоихъ случаяхъ за однимъ изъ

---

[1]) Афанасьевъ, № 125, *a*.

[2]) Афанасьевъ, № 125, *f*.

[3]) Афанасьевъ, № 125, *g*.

[4]) Въ другихъ сказкахъ поцѣлуй является, какъ средство освобожденія изъ заколдованнаго состоянія; см. Афан., Нар. русск. ск., № 129 (II т., стр. 100 въ примѣч.); Jagič, Archiv, B. XIV, S. 148.

[5]) Афанасьевъ № 125, *d*. Въ варіантѣ *e* голубка, подъ видомъ которой очевидно скрывается дѣвица, дѣлаетъ *три* упрека голубю (т. е. молодцу) въ отвѣтъ на три его попытки поцѣловать ее: „Чи ты забувъ, якъ я була церквою, а ты дячкомъ?" „Якъ я була свинёю, а ты пастухомъ?" „Якъ я була ричкою, а ты окунемъ?" Въ варіантѣ *f* голубь хочетъ поцѣловать голубку, но голубка *три* раза уклоняется отъ поцѣлуя.

этихъ персонажей приходятъ, чтобы взять. Въ сказкѣ о двѣнадцати дѣвицахъ лицо, у котораго онѣ живутъ, называется въ нѣкоторыхъ случаяхъ Водянымъ или морскимъ царемъ; и въ сказкѣ о двѣнадцати ученикахъ въ одномъ варіантѣ Охъ выдается за лѣсного царя, который можетъ быть только варіація морского. Иногда же въ сказкѣ о дѣвицахъ вмѣсто морского царя стоитъ чортъ; въ сказкахъ о двѣнадцати ученикахъ вмѣсто Оха стоятъ: чернокнижникъ, колдунъ и иногда нечистый и чортъ. Въ однихъ варіантахъ дѣвицы дочери морского царя; въ другихъ это плѣнницы чорта, заклятыя дѣвушки, которыя находятся въ плѣну у чорта; и въ сказкѣ объ Охѣ ученики тоже находятся въ плѣну у своего учителя; они отданы Оху только на время обученія, но онъ удержалъ ихъ сверхъ срока, заполонилъ за то, что отцы ихъ не умѣли угадать своихъ сыновей подъ видомъ звѣрей или птицъ. Подобно тому, какъ одинъ изъ учениковъ убѣгаетъ отъ учителя, и одна изъ дѣвицъ старается освободиться изъ плѣна. Въ обѣихъ сказкахъ освобождающійся изъ плѣна уходитъ съ человѣкомъ, который нарочно приходилъ за нимъ, въ одномъ случаѣ съ отцомъ, въ другомъ съ женихомъ; въ обоихъ случаяхъ освобожденію предшествуетъ выборъ изъ двѣнадцати учениковъ или дѣвицъ, затрудненный тѣмъ, что ученики и дѣвицы представлены выбирающему въ обращенномъ видѣ; въ обоихъ случаяхъ выбирающій предупреждается о жестѣ, по которому можетъ быть узнанъ желаемый персонажъ, предупреждается иногда тѣмъ же самымъ персонажемъ, который долженъ быть освобожденъ, иногда же какъ въ той, такъ и въ другой модификаціи, это другое лицо. Жестъ, по которому отыскиваемый персонажъ можетъ быть узнанъ, иногда тотъ же самый въ обѣихъ сказкахъ (муха, садящаяся на лицо, топанье ногой, взмахъ платкомъ). Убѣгающій ученикъ обладаетъ вѣщимъ знаніемъ, которое онъ пріобрѣлъ отъ учителя, и пользуется имъ для своего спасенія; убѣгающая дѣвица (дочь морского царя) также обладаетъ вѣщимъ знаніемъ и также пользуется имъ для спасенія и себя и своего друга. Превращенія, совершаемыя во время бѣгства, тоже иногда сходны: ученикъ обращается въ рыбу, вѣщая дѣвица обращаетъ своего друга въ рыбу; въ сказкѣ объ Охѣ это иногда ершъ, иногда окунь. И въ сказкѣ о дочеряхъ морского царя убѣгающая его дочь обращаетъ своего друга

иногда въ окуня. Въ самомъ концѣ однако сказки расходятся: въ одной тутъ стоитъ эпизодъ съ перстнемъ, разсыпающимся на зерна, и съ пѣтухомъ, склевывающимъ зерна; въ другой вмѣсто этого запретный поцѣлуй, забвеніе обѣта и голуби, напоминающіе объ обѣтѣ; такое измѣненіе въ разсказѣ вѣроятно вызвано тѣмъ, что въ одномъ случаѣ центральное лицо сказки выставлено мужчиной, въ другой женщиной. Смерть враждебнаго персонажа вслѣдствіе этого видоизмѣненія не сходна: въ одной сказкѣ онъ въ видѣ пѣтуха умираетъ въ когтяхъ ястреба, въ другой тонетъ въ рѣкѣ. Но обѣ сказки оканчиваются одинаково бракомъ молодыхъ людей.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ, прежде чѣмъ пуститься въ бѣгство, зять морского царя исполняетъ задачи, заданныя ему тестемъ; въ болѣе полныхъ варіантахъ онъ исполняетъ три задачи: напримѣръ, за ночь распахать пашню, засѣять пшеницей, смолотить, смолоть и изъ муки хлѣбы напечь, или садъ насадить съ золотыми и серебряными яблоками; вторая задача—построить мостъ, или дворецъ, или церковь и наконецъ третья—укротить коня [1]). Всѣ эти задачи для своего исполненія требуютъ вѣщаго знанія, котораго у жениха нѣтъ, но дочь морского царя выручаетъ своего друга изъ затруднительнаго положенія; она или сама ихъ исполняетъ, или даетъ ему полезные совѣты. Самая трудная задача—укрощеніе коня, потому что въ видѣ коня самъ обращенный морской царь. Конь носитъ всадника „выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго", но всадникъ бьетъ его заказаннымъ кузнецу по совѣту жены молотомъ въ три пуда или палицей во сто пудовъ или бьетъ промежду ушей тремя прутьями: желѣзнымъ, мѣднымъ и оловяннымъ, свитыми вмѣстѣ, и конь становится тише и опускается на землю. Эта ѣзда на конѣ еще одинъ мотивъ, общій у сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя со сказкой о двѣнадцати ученикахъ Оха, только въ одномъ случаѣ подъ видомъ коня гонитель, въ другомъ гонимый.

Эти двѣ сказки, одна объ ученикахъ Оха и другая о дочеряхъ морского царя, въ такомъ количествѣ переполнены сходными деталями, а главное построены на такихъ сходныхъ, хотя и не тожественныхъ схемахъ, что объяснить это сходство дета-

---

[1]) Афанасьевъ, № 125, *d*, *e*, *f*, *g*.

лей позднѣйшимъ заимствованіемъ, сдѣланнымъ одной сказкой у другой, невозможно. Обѣ редакціи, повидимому, одинаково древни, и сходство ихъ объясняется не плагіатомъ, не подражаніемъ, а тѣмъ, что обѣ онѣ въ основѣ своей имѣютъ какія-то однѣ и тѣ же реальности, или одни и тѣ же реальныя явленія. Если Охъ звѣзда или созвѣздіе, то морской царь та же самая звѣзда или то же самое созвѣздіе; если двѣнадцать учениковъ созвѣздіе, напр., если это Плеяды, то и двѣнадцать дѣвицъ тоже Плеяды.

Вѣроятно и сказка „Звѣриное молоко[1])“ съ ея варіантами представляетъ обработку тѣхъ же самыхъ явленій, какъ и двѣ предыдущія, потому что и въ ней есть сходные эпизоды и детали. Главнымъ содержаніемъ сказокъ объ ученикахъ Оха и о дочеряхъ морского царя служитъ описаніе бѣгства одного лица (ученика) или двухъ лицъ (жениха и невѣсты) изъ плѣна у злого существа (у Оха или у морского царя), въ сказкѣ „Звѣриное молоко“ тоже бѣгство изъ плѣна (отъ змѣя, отъ чудо-юды, отъ Юды) двоихъ дѣтей. И здѣсь бѣгство кончается у рѣки или у моря; злое существо (змѣй, чудо-юдо) или у воды прекращаетъ преслѣдованіе подобно тому, какъ Охъ, утомившись въ погонѣ за ершомъ, прекращаетъ преслѣдованіе, или тонетъ въ водѣ, какъ морской царь. Дѣти во время бѣгства имѣютъ при себѣ три какихъ-нибудь талисмана, наприм.: щетку, гребень и полотенце, которые обращаются въ гору, лѣсъ и рѣку; такіе же талисманы имѣютъ при себѣ бѣглецы и въ сказкѣ о дочеряхъ морского царя, наприм.: щетку, гребень и полотенце или убрусъ, мыло, гребенку или узелокъ песку, щетку и кленовую гребенку.

Древность разсказа о затруднительномъ выборѣ невѣсты изъ группы дѣвицъ свидѣтельствуется его широкимъ распространеніемъ. Мотивъ этотъ входитъ въ составъ книжнаго преданія о построеніи храма въ Лассѣ (въ Тибетѣ), и это заставляетъ думать, что народная редакція сказки въ родѣ русской о двѣнадцати дочеряхъ морского царя существовала, а можетъ быть существуетъ и теперь, въ Тибетѣ и Монголіи, хотя пока и неизвѣстно записей ея, сдѣланныхъ изъ устъ народа въ этихъ двухъ странахъ.

---

1) Аѳанасьевъ, № 118.

Построеніе главнаго храма въ Лассѣ связано съ женитьбой тибетскаго царя Сронцзана-Гамбо. Легенда эта въ нѣмецкомъ переводѣ съ тибетскаго помѣщена въ примѣчаніяхъ петербургскаго академика монголиста Шмидта къ его переводу „Исторіи восточныхъ монголовъ“ Сананъ-Сэцэна [1]).

Сронцзанъ-Гамбо получилъ откровеніе, что онъ долженъ ввести буддизмъ въ „странѣ снѣговъ“. Онъ началъ молиться сандальному образу Будды (Tschandan-Bild). Два луча вышли изъ статуи, одинъ на западъ, другой на востокъ. Западный лучъ указалъ на принцессу Цаганъ-дара-эхэ въ государствѣ Балбо (Непалѣ), восточный на китайскую царевну Ногонъ-дара-эхэ; первая обладала изображеніемъ Будды, вторая буддійскими книгами. Сронцзанъ объ этомъ откровеніи разсказалъ совѣту своихъ вельможъ; вельможа Mergen-Temune собралъ *шесть* вельможъ и сказалъ имъ, что царь Сронцзанъ-Гамбо на возрастѣ и нужно женить его.

Привозъ китайской царевны былъ порученъ вельможѣ Мергенъ-Темунэ. Тибетскій посолъ нашелъ при дворѣ китайскаго царя уже четыре посольства, домогавшихся руки принцессы. Дворъ принялъ этихъ четырехъ пословъ, а на тибетскаго не обратилъ вниманія, и царь уѣхалъ изъ дворца въ увеселительную поѣздку, но Мергенъ-Темунэ представился царю на дорогѣ. Дерзость эта обезпокоила царя; на запросы его Мергенъ-Темунэ представилъ три письма тибетскаго царя. Царь вернулся домой и сталъ совѣщаться съ вельможами; одни совѣтовали отдать царскую дочь тому посольству, другіе другому, но никто не думалъ о тибетскомъ. Царь задалъ посламъ задачи; Мергенъ-Темунэ рѣшилъ ихъ всѣ, но царь задастъ еще одну; онъ отдастъ дочь тому, кто угадаетъ подлинную царевну изъ трехсотъ одинаково одѣтыхъ дѣвицъ. Мергенъ-Темунэ еще ранѣе свелъ знакомство съ одной принадлежавшей ко дворцу женщиной, которая была единственною китаянкой, благосклонной къ тибетцамъ. Это была подруга принцессы. Онъ сказалъ ей: „Годъ уже, какъ мы прибыли въ Китай. Мы выказали нашъ умъ, но насъ обманываютъ“. Женщина боится выдать секретъ, какъ узнать подлинную прин-

[1]) Geschichte von Ost-Mongolen, St. Ptb., 1829, S. 333; примѣчаніе 13 къ стр. 35 главы III-й.

цессу, но Мергенъ-Темунэ успокоиваетъ ее: онъ знаетъ волшебное средство устранить подозрѣнія. Женщина сообщаетъ ему признаки принцессы: цвѣтъ ея тѣла красновато-зеленый, пахнетъ она синимъ цвѣткомъ *Udpala;* запахъ этотъ привлекаетъ пчелу цвѣта *gju;* на правой щекѣ принцессы знакъ „чакра", на лѣвой цвѣтокъ „падма", на лбу каплевидное возвышеніе величиной съ ячменное зерно; принцесса будетъ стоять въ ряду послѣ седьмой слѣва. Дѣвицы были выведены черезъ восточныя ворота, и Мергенъ-Темунэ восьмую слѣва вывелъ изъ ряда. Онъ получилъ ее. Врагъ его Brisseru Gung sDon позавидовалъ ему и посовѣтовалъ царю удержать Мергена-Темунэ заложникомъ до полученія извѣстія о благополучномъ прибытіи принцессы въ Тибетъ; царь оставилъ его на пять мѣсяцевъ. По прошествіи этого срока его не отпустили; тогда Мергенъ-Темунэ убѣжалъ и догналъ принцессу въ дорогѣ. Китайскіе духи препятствовали путешествію, Мергенъ-Темунэ усмирилъ ихъ жертвами. Въ долинѣ Ramotsché телѣга, которая везла образъ Будды, завязла въ пескѣ, поэтому тутъ надъ ней построили кровлю на четырехъ столбахъ и бока завѣсили шелковыми занавѣсами. Тибетская толпа вышла на встрѣчу принцессѣ и встрѣтила ее музыкой въ „Мышиной степи" (Thalfläche der Mäuse, Chulunghunain Kodöh). Послѣ этого стали строить храмъ, посвященный великому и малому „джу" па горѣ Потала, но все, что днемъ построятъ, ночью духи разрушатъ. Лучъ, исшедшій изъ сердца изображенія бога Пидуберъ-Узекчи [1]), которое само собою явилось на озерѣ на горѣ Потала, указалъ, что строить храмъ нужно на озерѣ. Укрѣпили мѣсто дамбами и построили храмъ съ большимъ трудомъ. Лучъ изъ устъ того же изображенія обратился въ пламя и сжегъ дерево, на которомъ ютились вредившіе черти. Когда все было готово къ торжеству освященія храма, построеннаго подъ надзоромъ Бѣлой Дары и Зеленой Дары, Бѣлая Дара сама отворила двери храма для вступающаго царя. Онъ нашелъ всю поверхность земли покрытой водой, въ которой отражались изображенія боговъ и другіе предметы храма. Царь вскричалъ: „Вода озера выступила и залила землю"! отступилъ и не хотѣлъ войти въ храмъ. Дара сняла кольцо съ пальца и бросила его на мнимую воду; оно покати-

---

[1]) Арья-Бало.

лось, какъ по льду; тогда поняли, что почва была превращена въ хрусталь.

Этотъ, очевидно неполный, переводъ тибетской легенды нужно дополнить изъ записей, которыя были мною сдѣланы по устнымъ разсказамъ въ Монголіи и Тибетѣ [1]). Въ этихъ записяхъ вельможа сватъ называется не Мергеномъ-Темунэ, а Гари-тамба или Гваръ-дамба; число дѣвицъ не триста, а двадцать одна [2]). Когда царевна была привезена въ Тибетъ, тибетскій царь заподозрилъ вельможу Гари въ намѣреніи присвоить царевну, велѣлъ ослѣпить его и сослалъ въ отдаленную провинцію (Амдо). Разрѣшеніе задачи постройки храма въ моихъ записяхъ описано иначе. Когда тибетцы убѣдились, что у нихъ не хватаетъ знанія построить храмъ, стѣны котораго каждую ночь разрушаются, кто-то напомнилъ царю о сосланномъ вельможѣ, единственномъ мудрецѣ, который можетъ дать совѣтъ, какъ достроить храмъ; переряженные вельможи идутъ къ сосланному вельможѣ, вывѣдываютъ у него тайну и храмъ достроенъ. Выдача тайны имѣла послѣдствіемъ наводненіе, въ которомъ погибъ мудрый вельможа Гари. Тайна заключалась въ томъ, что прежде, чѣмъ возводить стѣны храма, нужно было сдѣлать настилку изъ углей и деревянныхъ бревенъ и возить строительный матеріалъ на сивомъ быкѣ; по словамъ мудраго вельможи постройка потому разрушалась, что возводилась на поверхности невидимаго озера; поэтому-то и нужно было предварительно сдѣлать настилку изъ углей и бревенъ. Въ этой редакціи, слѣдовательно, вопросу данъ иной оборотъ, чѣмъ въ книжной редакціи у Шмидта; тамъ постройка разрушалась потому, что возводилась не надъ озеромъ, здѣсь потому, что надъ озеромъ. Когда постройка храма была докончена, было совершено богослуженіе и призвано благословеніе боговъ на всѣхъ участниковъ въ работѣ при постройкѣ, но былъ позабытъ сивый быкъ, на которомъ возили матеріалъ. Обиженный поклялся

---

[1]) Потанинъ, Танг.-тиб. окраина Китая, II, 219. Эти записи хотя и сдѣланы мною со словъ тангутовъ и монголовъ, но можно думать, что это пересказы книжной, какой-то намъ еще неизвѣстной редакціи; на это указываютъ такіе факты, какъ замѣна морского царя китайскимъ императоромъ, пріуроченіе легенды къ тибетскому царю Сронцзану-Гамбо и пр.

[2]) На измѣненіе числа повліяла буддійская икона, изображающая двадцать одну Дару.

отмстить. По истеченіи нѣкотораго времени быкъ возродился подъ видомъ тибетскаго царя и началъ гоненія въ народѣ. Этотъ царь имѣлъ на головѣ рога, слѣдъ его прежней природы, но онъ пряталъ ихъ подъ головнымъ уборомъ; повидимому, подъ видомъ этого царя и быка скрывался самъ царь ада или богъ смерти Ерликъ, который въ буддійскихъ храмахъ изображается съ бычьей головой. Гоненія на народъ продолжались до тѣхъ поръ, пока не убилъ его Балъ-Дорчжи, который для этого одѣлся въ мантію съ широкими рукавами, употребляемую при храмовыхъ плясках, спряталъ въ рукава лукъ и стрѣлы и вышелъ танцовать на городскую площадь. Когда же царь велѣлъ призвать его во дворецъ, Балъ-Дорчжи выхватилъ спрятанный въ рукавахъ лукъ и выстрѣлилъ въ нечестиваго царя. Совершивъ убійство, Балъ-Дорчжи бѣжалъ; за нимъ была послана погоня; встрѣтивъ на пути *рѣку*, Балъ-Дорчжи переплылъ ее, нашелъ на той сторонѣ пещеру и усѣлся въ ней, принявъ то молитвенное положеніе со сложенными ладонями, въ какомъ часто изображаются буддійскіе святые. Погоня въ однихъ варіантахъ, добѣжавъ до рѣки, прекращаетъ преслѣдованіе, въ другихъ достигаетъ до пещеры и видитъ, по одному варіанту, что входъ въ пещеру затканъ паутиной, по другому, что человѣческая фигура, сидящая въ пещерѣ, покрыта голубинымъ гуано; погоня думаетъ въ первомъ случаѣ, что въ пещеру давно никто не входилъ, во второмъ, что человѣкъ давно уже сидитъ неподвижно и замеръ, такъ что голуби успѣли его покрыть своимъ пометомъ, слѣдовательно это не бѣглецъ, котораго она преслѣдовала.

Эта легенда, очевидно, передѣлана изъ народной сказки, которая была въ родѣ русской о дочеряхъ морского царя. На мѣстѣ послѣдняго стоитъ китайскій царь; вмѣсто двѣнадцати дѣвицъ здѣсь триста или двадцать одна. Примѣты, по которымъ узнается предназначенная къ увозу дѣвица, сходны; надъ ней будетъ летать пчела (въ русской сказкѣ муха или мошка); она будетъ идти въ ряду другихъ восьмой слѣва (въ русской сказкѣ также есть указаніе на мѣсто) [1]). Примѣты эти въ тибетской

[1]) Цвѣтъ тѣла у царевны зеленый, почему она и называется Зеленой Дарой (по-монгольски Ногонъ-Дара, по-тибетски Долма-Чжангу); другая Дара называется Бѣлой (по-монг. Цаганъ-Дара, по-тиб. Долма-Гарву).

легендѣ выдаетъ женщина; въ моихъ записяхъ это дворцовая служанка или привратница; и въ русской сказкѣ это дѣйствіе приписывается женщинѣ (бабѣ-ягѣ, Пьятинкѣ, сопливой бабѣ и т. п.). Ни въ сказкѣ о дочеряхъ морского царя, ни въ сказкѣ объ ученикахъ Оха, лицо, выдающее примѣты, не выставляется предателемъ; чаще это то самое лицо, которое хотятъ взять; оно выдаетъ тайну въ своихъ собственныхъ интересахъ; въ тибетской легендѣ это лицо представляется предательницей. По одной изъ моихъ записей она подкуплена серебромъ тибетскаго вельможи; она боится отвѣтить за выдачу тайны; тибетскій вельможа обѣщаетъ помочь ей своимъ волшебствомъ; въ моей записи женщина предательница боится, что царскія ворожеи откроютъ виноватую при помощи своихъ книгъ; тибетскій посолъ выручаетъ ее своей хитростью; онъ совѣтуетъ ей произнести свои слова, сѣвши въ глубокую яму, надѣвъ на руки сошники, покрывъ лицо рѣшетомъ и взявъ въ ротъ мѣдную трубу; сверхъестественному зрѣнію царскихъ ворожей предательница представилась подземнымъ чудовищемъ со множествомъ глазъ, съ желѣзными лапами, съ мѣднымъ клювомъ. Такой предательскій характеръ въ русскихъ сказкахъ отсутствуетъ, но въ одномъ и русскомъ варіантѣ женщина, готовящаяся выдать примѣты, говоритъ, что она боится желѣзной печи; это показываетъ, что и на Руси были редакціи съ предательницей и можетъ быть не только редакціи сказки о дочеряхъ морского царя, но и редакціи о двѣнадцати ученикахъ. Тибетская редакція, однако, не придаетъ этому предательству злостнаго характера; оно совершается въ пользу лица, которому редакція симпатизируетъ, и потому оно насъ не возмущаетъ, а напротивъ, возбуждаетъ въ насъ сочувствіе.

Въ русской сказкѣ отецъ дѣвицы, кромѣ задачи узнать ее среди двѣнадцати другихъ дѣвицъ, задаетъ жениху еще нѣсколько другихъ задачъ: вспахать пашню, построить мостъ, или дворецъ, или церковь и пр. Что-то подобное было и въ тибетской легендѣ; въ редакціи, переведенной Шмидтомъ, сказано, что съѣхавшимся посольствамъ было предложено нѣсколько задачъ и тибетскій посолъ всѣ ихъ разрѣшилъ; что это за задачи, шмидтовская редакція не говоритъ; въ одной изъ моихъ записей на этомъ мѣстѣ стоитъ задача продѣть нитку въ бусину съ кривымъ (лабиринтообраз-

нымъ?) каналомъ. Вѣроятно, тутъ были и другія задачи, которыя тибетскій вельможа разрѣшилъ также остроумно, какъ онъ рѣшилъ задачу съ бусиной, воспользовавшись паукомъ и паутиной [1]). и потому то онъ, вѣроятно, имѣлъ основаніе говорить, что тибетцы обнаружили свой умъ при китайскомъ дворѣ. Можетъ быть, въ числѣ этихъ задачъ была и постройка дворца или церкви, какъ и въ русской сказкѣ, но позднѣйшая редакція перенесла этотъ эпизодъ въ другое мѣсто; въ русской сказкѣ дворецъ строится до отвоза невѣсты съ родины, въ тибетской легендѣ послѣ отвоза, по привозѣ невѣсты на родину жениха.

Въ русской сказкѣ женихъ не можетъ самъ исполнить заданныя ему задачи; ему помогаетъ невѣста; она же при помощи своихъ вѣщихъ силъ строитъ и дворецъ или церковь, заказанные ея отцомъ. Вѣроятно, и въ тибетской первоначальной редакціи, въ которой постройка производилась не на родинѣ жениха, а на родинѣ невѣсты, исполнялась эта постройка вѣщей силой невѣсты, какъ въ русской сказкѣ; редакція забыла все это и только осталаоъ фраза, что тибетскій храмъ строился подъ надзоромъ Бѣлой Дары и Зеленой Дары.

Постройка встрѣчается еще въ слѣдующихъ русскихъ сказкахъ. Въ бѣлорусской [2]) Микита Запродаевъ, по указанію бабыяги, идетъ къ морю, у моря дубъ; дочки змѣя прилетѣли купаться (число дочекъ не указано); Микита воруетъ платье младшей. Змѣй, отецъ невѣсты, задаетъ Микитѣ двѣ задачи: 1) добыть золотыхъ яблоковъ и 2) построить церковь, въ которой „сами звоны звонятся, сами свѣчи палятся, сами книжки читаются“. Эта церковь напоминаетъ другую чудесную самосозданную церковь, церковь папы Климента, которая описывается въ „Голу-

[1]) Эта паутина напоминаетъ нить Аріадны въ классическомъ миѳѣ о лабиринтѣ и Минотаврѣ. Какъ съ критской легендой соединено преданіе объ островѣ, который явился въ морѣ отъ упавшаго тѣла Дедала, такъ ласская легенда пріурочена къ острову на озерѣ Хухунорѣ, который принимается за камень, брошенный богами съ неба. И Дедалъ, строитель лабиринта, и Гари, давшій совѣтъ къ постройкѣ ласскаго храма, оба потерпѣли отъ солнца, солнце растопило восковыя крылья Дедала и онъ упалъ въ море; Гари былъ ослѣпленъ по приказанію тибетскаго царя; чтобы исполнить это царское повелѣніе, направляли на глаза Гари солнечные лучи, отраженные зеркаломъ.

[2]) Романовъ, № 21.

биной книгѣ". Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ рукой собранія варіантовъ Голубиной книги, чтобы ближе сопоставить эти двѣ чудесныя церкви. Бѣлорусская сказка ставитъ чудесную церковь на томъ мѣстѣ, на которое въ ласской легендѣ слѣдовало бы перенести ласскій храмъ, сходный по обстоятельствамъ постройки съ храмомъ Соломоновой саги. Тутъ мы натыкаемся на вопросъ, слѣдуетъ ли тутъ видѣть вліяніе Голубиной книги на сказку? или церковь съ чудесными чертами исконная принадлежность сказки? не слѣдуетъ ли думать, что церковь папы Климента и храмъ Соломоновой саги представляютъ одинъ и тотъ же реальный фактъ?

Въ сказкѣ о Микитѣ Запродаевѣ нѣтъ выбора невѣсты, но можно думать, что онъ былъ въ ней, судя по аналогіи съ однимъ изъ бѣлорусскихъ варіантовъ этой сказки. Въ этомъ варіантѣ герой безъ имени также по совѣту бабы (баба сопливая, которая прячется въ золѣ) воруетъ панчошку съ правой ноги у одной изъ трехъ купающихся лебедей-дѣвицъ, которыя оказываются дочерьми двѣнадцатиголоваго змѣя. Змѣй предлагаетъ молодцу угадать, которая изъ трехъ дѣвъ-лебедей младшая [1]); постройки дворца или моста нѣтъ, но остальные эпизоды сказки сходны съ предыдущей. Въ третьемъ бѣлорусскомъ варіантѣ также нѣтъ выбора, но есть постройка; молодой человѣкъ получаетъ отъ сатанюки три задачи: 1) вспахать пашню, 2) построить дворецъ и 3) построить отъ субора къ субору мостъ (черезъ озеро). Все это за него исполняетъ дочь сатанюки при помощи вызываемыхъ ею дьяволовъ; при послѣдней задачѣ дьяволы отказываются отъ работы; они говорятъ, что у этого озера дна нѣтъ. Тогда дочь сатанюки вызываетъ черепаху; черепаха сзываетъ чертей и мостъ готовъ. Сатанюка отпустилъ юношу домой; съ нимъ ушла и дочь сатанюки. Тогда черепаха говоритъ королю, т.-е. сатанюкѣ: „Все это не онъ строилъ, а ваши люди; ваши люди и теперь мостъ держатъ". Королева посовѣтовала королю отпустить людей; черепаха разорила мостъ, люди (т.-е. слуги сатанюки) вылѣзли изъ воды. Король пустился послѣ этого догонять бѣглецовъ [2]).

---

[1]) Роман., № 21, вар. б.

[2]) Романовъ, № 21, вар. 1-й (стр. 164)

Возведенiе постройки при помощи духовъ встрѣчается и въ варiантахъ ласской легенды. Въ одной моей записи этой легенды, еще не напечатанной, Сронцзанъ-Гамбо, тибетскiй царь, строитъ ласскiй храмъ при помощи многочисленныхъ духовъ, которыхъ онъ созвалъ своей вѣщей силой, Гэсэръ-ханъ въ монгольской повѣсти строитъ домъ въ родѣ храма въ честь бога Арья-Бало при помощи людей купеческаго каравана, которыхъ онъ принудилъ къ работѣ, обратившись самъ въ рои жалящихъ шмелей и осъ [1]).

Въ ласской легендѣ строители своими силами не могутъ достичь прочныхъ результатовъ и принуждены обратиться къ помощи посторонняго лица, къ помощи сосланнаго вельможи Гари. Въ русской легендѣ дьяволы не могутъ построить мостъ; пришлось обратиться къ помощи черепахи. Черепаха-строительница сама же и разрушаетъ свою постройку. Подобнаго нѣтъ въ ласской легендѣ, но среди варiантовъ ея есть одинъ съ такимъ эпизодомъ. Строитель храма установилъ колонну, которая поддерживала верхъ храма такъ, что можно было камень изъ подъ нея вынуть; онъ хотѣлъ этимъ создать себѣ возможность разрушить свою постройку въ случаѣ, если царь окажется неблагодарнымъ [2]).

Афанасьевъ въ примѣчанiяхъ къ сказкѣ „Морской царь и Василиса Премудрая" [3]) въ числѣ параллельныхъ сказокъ указываетъ нѣмецкую у Гальтриха № 26 Der Königsohn und Teufelstochter; чортъ даетъ задачи претенденту на руку его дочери; третья задача построить церковь. Дочь чорта посредствомъ волшебнаго кнута вызываетъ адскихъ духовъ и они строятъ, но доведутъ зданiе до половины, стѣны рухнутъ; разъ уже куполъ вывели, стали крестъ ставить, церковь рухнула. Въ той же нѣмецкой сказкѣ еще одна многозначительная деталь; сказка начинается разсказомъ, какимъ образомъ герой сказки, женившiйся потомъ на дочери чорта, попалъ чорту въ руки; чортъ вынудилъ отца героя сказки дать обѣщанiе отдать en noa sil; оказалось впослѣдствiи, что отецъ уступилъ чорту не новую веревку, ein neues Seil, какъ онъ понялъ, а новую душу, eine neue Seele. Въ такомъ же родѣ и разсказъ о построенiи храма въ Лассѣ связанъ съ

[1]) О параллеляхъ между ласской легендой и сказанiемъ о Гэсэрѣ, строющемъ дворецъ или храмъ, см. въ моихъ „Восточн. мотивахъ", стр. 202 и 204.

[2]) Восточн. мотивы, 204, Танг.-тиб. окраина Китая, II, 249.

[3]) Афанасьевъ, № 125, стр. 76.

каламбуромъ, подавшимъ поводъ къ недоразумѣнію. Когда переряженные ласскіе вельможи вывѣдали у Гари секретъ постройки, Гари послалъ своего сына догнать уходящихъ вельможъ и убить за то, что они выкрали у него, какъ онъ выразился, по тибетскому варіанту *олу*, „умъ“, по монгольскому *кыли*, „языкъ“, т.-е. секретъ, но сынъ, догнавъ ихъ, не убилъ, потому что ему показалось несправедливымъ убивать ихъ, такъ какъ они безпрекословно отдали унесенное ими—по одному варіанту *олу*, „подпругу“, по другому *кылэ*, „пряжку“. Появленіе каламбура и тутъ и тамъ въ связи съ однимъ и тѣмъ же сюжетомъ о построеніи храма, хотя и не на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, едва ли простая случайность; тутъ невольно подозрѣваешь переводчика сказки съ одного языка на другой, который ставилъ себѣ въ задачу сохранить у сказки всѣ ея эпическія украшенія. И мнѣ кажется, что эта прочная связь сюжета о постройкѣ съ каламбуромъ хорошее доказательство того, что наша сказка о дочеряхъ морского царя близкая родственница ласской легенды.

Постройкой храма заканчивается первая половина ласской легенды; это только половина и отвѣчаетъ русской сказкѣ о дочеряхъ морского царя. Вторая половина о нечестивомъ царѣ съ рогами и о его сокрушителѣ Балъ-Дорчжи, повидимому, составляла содержаніе другой сказки, которая впослѣдствіи спаяна съ первой, и которая близкихъ связей не имѣетъ съ русской сказкой о дочеряхъ морского царя, но нѣкоторыя подробности изъ этой сказки найдутся и въ этой второй половинѣ ласской легенды. Бѣгство Балъ-Дорчжи напоминаетъ бѣгство зятя и дочери морского царя; тутъ также погоня, рѣка, принятіе недавняго факта за давно совершившійся; интересно также обращеніе въ церковь и попа. Въ русской сказкѣ, въ исторіи бѣгства зятя Марка Богатаго съ его дочерью, одно изъ обращеній—церковь и въ ней икона; эта варіація ближе другихъ стоитъ къ ласской легендѣ, потому что о Балъ-Дорчжи говорится, что, усѣвшись неподвижно въ пещерѣ, онъ такъ и остался сидѣть на вѣки, обратившись въ камень или въ раншюнъ, т.-е. въ нерукотворное скульптурное изображеніе божества. Вторженіе въ сказку культоваго элемента указываетъ на какое-то чуждое происхожденіе сказки; церковь, попъ, икона очевидно, замѣна признаковъ какой-то чужой нехристіанской культуры. Они сохранились въ

русской сказкѣ благодаря косности эпическаго матеріала, наперекоръ позднѣйшему религіозному чувству русской массы.

У монголовъ есть свой варіантъ ласской легенды: это преданіе о ханѣ Абатаѣ, ѣздившемъ въ Лассу за „живымъ богомъ". На мѣстѣ китайскаго царя здѣсь далай-лама; на мѣстѣ дѣвицъ статуи боговъ; Абатай на мѣстѣ вельможи Гари. Ему предоставлено изъ коллекціи боговъ самому открыть, который изъ нихъ живой богъ. Выручаетъ его привратница храма; способъ, которымъ эта предательница тибетской тайны старается избѣжать наказанія, совершенно тотъ же, что и въ ласской легендѣ, (глубокая яма, рѣшето вмѣсто личной маски и пр.). Кончается монгольское преданіе, какъ и тибетская легенда, постройкой храма для привезенной святыни. Невѣсты нѣтъ, вмѣсто нея „живой богъ".

Хотя въ этомъ преданіи вмѣсто дѣвицъ явились боги, но, тѣмъ не менѣе, это преданіе нужно скорѣе назвать варіантомъ сказки о дочеряхъ морского царя, чѣмъ модификаціей, потому что тутъ, кромѣ замѣны дѣвицъ богами, другихъ перемѣнъ не произошло и эта замѣна на ходѣ сказанія сильно не отразилась [1]). Наклонность къ смѣшенію привезенной дѣвицы съ божественной личностью замѣчается и въ ласской легендѣ. Легенда отожествляетъ китайскую и непальскую царевенъ съ богинями Ногонъ-Дарой и Цаганъ-Дарой. Нѣкоторые варіанты говорятъ, что Гари привезъ въ Тибетъ Рембучи (драгоцѣнность) и подъ этимъ именемъ текстъ сказанія разумѣетъ то святыню, которую везетъ царевна, то самоё царевну; и постройка выдается то за храмъ для помѣщенія привезенной святыни, то за дворецъ для царевны. И въ русской сказкѣ чередуются дворецъ и церковь [2]).

Нѣкоторые мотивы изъ этого преданія содержатся въ одной урянхайской сказкѣ. Эртене-мергенъ ѣдетъ добывать живого

---

[1]) Привратница въ преданіи объ Абатаѣ, повидимому, неумѣстный остатокъ отъ сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя. Какая привратница можетъ быть въ жилищѣ далай-ламы, т.-е. монаха?

[2]) Во французской сказкѣ у Коскена дочь людоѣда исполняетъ задачи, заданныя ея отцомъ молодому человѣку (распутать нитки, разсортировать перья), потомъ, убѣгая съ молодымъ человѣкомъ, обращается въ грушу, потомъ въ *келью*, въ карпа, а своего друга обращаетъ въ садовницу, въ *отшельника* и въ рѣчку (Cosquin, Contes popul. de Lorraine, t. I, p. 104.

бога; слѣдовательно миссія та же, что и у Абатая [1]). Въ моей книгѣ „Вост. мотивы" [2]) сдѣланы сближенія между монгольскимъ преданіемъ и урянхайской сказкой, и я здѣсь повторять всего сказаннаго тамъ не буду, остановлюсь только на эпизодѣ съ невѣстой. Эртене-мергенъ добываетъ себѣ невѣсту, дочь Каратты-хана. Дорôгой конь спрашиваетъ его, сумѣетъ ли онъ узнать царевну; Каратты-ханъ выставитъ сто юртъ, въ каждой юртѣ будетъ находиться дѣвица, и Эртене-мергенъ долженъ будетъ угадать, которая изъ нихъ царевна; конь предупреждаетъ, что онъ остановится у той юрты, въ которой царевна [3]). Къ этому мѣсту сказки прибавленъ такой варіантъ: ханъ выставилъ сто юртъ и въ каждой посадилъ по дѣвицѣ; всѣ онѣ красавицы, одна только безобразная съ длиннымъ лицомъ, но это и есть ханская дочь. Далѣе въ текстѣ путаница; я думаю, что сказка была дурно мною записана, и что тутъ нужно подразумѣвать не варіантъ, а другой эпизодъ. Вѣроятно, выборъ ханской дочери изъ ряда ея подругъ совершился за три или за два раза и что въ первый разъ она была указана тѣмъ, что конь подвезъ Эртене-мергена къ ея юртѣ, а во второй узнана по тому, что она на этотъ разъ приняла видъ некрасивой женщины съ длиннымъ лицомъ въ родѣ того, какъ и въ русской сказкѣ одинъ разъ дочь морского царя принимаетъ видъ дѣвицы, покрытой прыщами.

Сказки объ Эртене-мергенѣ представляютъ переходъ къ буддійской легендѣ, переведенной академикомъ Шмидтомъ съ монгольскаго на нѣмецкій. Герой этой легенды называется Эрдени-Хараликъ; онъ ѣдетъ добывать себѣ невѣсту дакини [5]) и находитъ ее въ обществѣ другихъ дакини; та, за которою онъ поѣхалъ, оказалась беззубой и безволосой старухой; но это былъ только временный видъ ея. Когда Эрдени-Хараликъ привезъ ее

[1]) Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 418.

[2]) Стр. 57, 97, 169 и др.

[3]) Тутъ коню приписывается та же роль, какъ и въ русско-сибирской сказкѣ, записанной въ Томск. губ. (Русск. сказки въ Сибири, Красноярскъ, 1902, стр. 67).

[4]) Ssanang Ssetzen, Geschichte von Ost-Mong., S. 425—488.

[5]) Дакини „небесныя дѣвы"; онѣ иногда слетаютъ на землю въ видѣ лебедей купаться въ озерахъ; слѣдовательно это существа въ родѣ дочерей морского царя русскихъ сказокъ.

на свою родину и помѣстилъ въ своемъ дворцѣ, оказалось, что это была только внѣшняя оболочка, какъ будто футляръ, который вдругъ раскрылся и изъ него вышла красавица. Угадыванія по подсказаннымъ примѣтамъ въ легендѣ нѣтъ, но сравненіе съ урянхайской сказкой даетъ поводъ думать, что оно было [1]).

Начало этой легенды сходно съ началомъ другой урянхайской сказки объ Ерь-Сару (одинаково съ началомъ русской сказки „По колѣно ноги въ серебрѣ, по локоть руки въ золотѣ"), но въ урянхайской къ этому началу есть надставка; отецъ будущей матери Ерь-Сару былъ въ степи, утомился, захотѣлъ пить и наклонился къ водѣ; въ это время Джельбага ухватилъ его за бороду и отпустилъ только тогда, когда получилъ обѣщаніе, что тотъ отдастъ ему всѣхъ трехъ своихъ дочерей. Подобное же начало имѣютъ и нѣкоторые варіанты русской сказки о дочеряхъ морского царя. Царь на охотѣ захотѣлъ пить, но морской царь или чудо-юдо ухватилъ его за бороду и требуетъ, чтобъ онъ отдалъ то, чего дома не знаетъ [2]); или чудо морское останавливаетъ плывущій корабль и отпускаетъ его только подъ

[1]) Въ Западной Европѣ и въ Передней Азіи распространена сказка такого содержанія: Царь хочетъ жениться на собственной дочери, но она отклоняетъ отъ себя любовь отца; чтобъ оттянуть срокъ, она требуетъ, чтобъ отецъ подарилъ ей сначала одинъ подарокъ (въ нѣкоторыхъ варіантахъ это солнечное платье), потомъ другой (иногда это лунное платье), наконецъ третій—канделябръ; она входитъ въ пустоту канделябра; канделябръ проданъ, и попадаетъ во дворецъ одного принца; она выходитъ изъ канделябра и принцъ женится на ней. Въ другихъ варіантахъ вмѣсто канделябра золотой ящикъ или пустой внутри золотой быкъ; въ одномъ случаѣ розмаринъ (Cosquin, Contes populaires de Lorraine, p. 273). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ вставленъ эпизодъ: родители принца удаляютъ принцессу изъ дворца, бросаютъ въ крапиву и т. п., но принцъ находитъ ее и вновь водворяетъ во дворцѣ. Въ сицилійской сказкѣ отецъ бросаетъ дочь въ золотомъ ящикѣ въ море. (ibid., p. 278). Въ романѣ объ Аполлоніи Тирскомъ мотивы: отецъ хочетъ жениться на своей дочери; Люцина, жена Аполлонія, мнимо умершая, опущена въ гробѣ въ море; въ Ефесѣ гробъ открытъ и женщина найдена живою; Аполлоній находитъ ее въ Ефесѣ жрицей Артемиды. Въ одной изъ главъ монгольскаго сборника Шиддикуръ въ переводѣ Гомбоева излагается чудо статуи бога Арья Бало; дѣвица, благодаря покровительству бога, избѣгаетъ смерти; принцъ находитъ ее въ степи запертою въ корзинѣ; онъ водворяетъ ее во дворцѣ и женится на ней; вслѣдствіе ропота вельможъ она оставляетъ дворецъ, но богъ Арья Бало покровительствуетъ ей и она снова возвращается во дворецъ,

[2]) Афанасьевъ, № 125, *d*, *e* и *g*.

тѣмъ же условіемъ [1]). Тотъ же мотивъ (отдать, что дома не знаешь) въ бѣлорусской сказкѣ „Сынъ продадзеный“ [2]). Человѣкъ пожалѣлъ птицу Соловья, не только не убилъ, а еще отводился и откормилъ ее; за это отецъ Соловья даритъ ему галочку, которая разлѣпляется въ богатое царство. Человѣкъ не донесъ галочку до дому, преждевременно разлѣпилъ, а слѣпить вновь царство въ галочку не можетъ; сатанюка слѣпляетъ ему галочку подъ условіемъ, что онъ отдастъ, чего дома не знаетъ, а дома жена къ двѣнадцати сыновьямъ родила тринадцатаго; этотъ тринадцатый долженъ отправиться по обѣщанію къ сатанюкѣ [3]); въ другомъ бѣлорусскомъ варіантѣ [4]) человѣкъ получилъ въ подарокъ скрыночку, которая прежде была замурована въ *каменный столбъ*; столбъ разбили и взяли скрыночку. Человѣкъ, получившій ее въ подарокъ, открылъ ее преждевременно, скрыночка обратилась въ городъ; тутъ ввязывается двѣнадцатиглавый змѣй; на его землѣ явился чужой городъ; онъ требуетъ, чтобы человѣкъ отдалъ ему, чего не знаетъ дома, за это онъ соберетъ городъ въ скрыночку. У человѣка дома родился хлопецъ, который и отправляется по обѣщанію къ змѣю. Въ третьемъ варіантѣ [5]) вмѣсто скрыночки бѣлый сундучокъ; змѣй соглашается втоптать городъ въ сундучокъ, подъ условіемъ отдать, чего дома не знаешь; дома родился мальчикъ (Микита Запродаевъ).

То же начало у сказки „Звѣриное молоко“, т. е. у сказки о дѣтяхъ, которыя были отсулены злому существу (чуду-юдѣ, Юдѣ беззаконному, Юдѣ прознуститялу и пр.); дѣти унесены злымъ существомъ, но спасаются бѣгствомъ на быкѣ; кончается сказка тѣмъ, что они переплываютъ черезъ рѣку, а ихъ гонитель тонетъ въ ней. Это усвоеніе однихъ и тѣхъ-же инцидентовъ и той, и другой сказкѣ можетъ быть объяснено тѣмъ, что одна сказка подчинилась другой въ позднѣйшее время, или тѣмъ, что обѣ сказки выработались изъ наблюденій надъ одной и той же реальностью или надъ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, которое совершается съ какой-то реальностью, т. е. если подъ злымъ суще-

---

1) Афанасьевъ, № 125, *d* въ подстрочн. примѣчаніи.
2) Романовъ, № 21 (стр. 164).
3) Романовъ, № 21, (стр. 164).
4) Романовъ № 21, вар. *б* (стр. 172).
5) Ibid.

ствомъ и гонимыми дѣтьми разумѣлись опредѣленныя звѣзды въ одной сказкѣ, то тѣ же самыя звѣзды разумѣлись и подъ видомъ морского царя, его дочери и его зятя въ другой.

Кромѣ урянхайской сказки объ Эртене-мергенѣ намекъ на существованіе въ ордѣ сказки о дочеряхъ морского царя можно видѣть еще въ одной тюрко-сибирской сказкѣ. Алтынъ-Картага похитилъ сестру богатыря Алтынъ-Чобея; братъ отправляется искать сестру, но находитъ у Алтынъ-Картаги вмѣсто одной девять дѣвицъ, всѣ какъ одна, такъ что не можетъ узнать, которая изъ нихъ его сестра. У Алтынъ-Чобея былъ платокъ, подаренный ему сестрой; когда она увидала этотъ платокъ, она узнала, что это ея братъ Алтынъ-Чобей и она заплакала. По этимъ слезамъ узналъ ее братъ [1]).

Въ извѣстныхъ мнѣ азіатскихъ образцахъ пока не встрѣчается сказки съ двѣнадцатью дѣвицами, но есть сказка, въ которой стоятъ двѣнадцать зайсановъ, изъ которыхъ нужно одного узнать. Тарпэгъ посылаетъ своихъ двѣнадцать зайсановъ отвезти дань монгольскому хану; въ томъ числѣ находится Таска-матыръ; монгольскому хану, предстоитъ задача угадать, который Таска-матыръ, но это хитро сдѣлать; всѣ зайсаны одѣты одинаково, всѣ похожи другъ на друга. Ханъ приказалъ окружить зайсановъ стрѣлками въ три цѣпи или въ три круга; Таска-матыръ не утерпитъ, выстрѣлитъ и тѣмъ выдастъ себя [2]).

Въ западныхъ сказкахъ я не знаю случая, въ которомъ были бы связаны эти два мотива: 1) персонажъ, окруженный стрѣлками и 2) выборъ изъ двѣнадцати, распознаваемыхъ только при знаніи секрета; я не могу даже указать сказки, въ которой было бы простое совмѣщеніе этихъ двухъ мотивовъ, но что была на западѣ сказка съ такимъ совмѣщеніемъ, это можно предполагать. Есть бѣлорусская сказка объ Иванѣ Кристофорѣ; Иванъ убѣгаетъ отъ змѣи и прячется въ кузницу; кузнецы куютъ соху и запрягаютъ въ нее змѣю, а въ варіантѣ перековываютъ змѣю въ коня. Иванъ пашетъ на змѣѣ или объѣзжаетъ на ней вокругъ свѣта и наконецъ топитъ ее въ морѣ; съ подобнымъ мотивомъ мы уже встрѣчались въ разнообразныхъ сказкахъ; и тамъ есть

---

1) Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV, 568.

2) Radloff, Proben, IV.

ѣзда на волшебномъ конѣ и гибель злого существа въ водѣ. Затѣмъ Иванъ Кристофоръ не исполняетъ запрета, останавливается въ пути; тутъ старикъ „самъ съ кокоцъ, борода съ локоцъ“ опутываетъ его усами и отпускаетъ, только когда Иванъ пообѣщалъ достать старику невѣсту; старикъ въ этой сказкѣ стоитъ на мѣстѣ змѣя, который въ приведенныхъ выше тоже бѣлорусскихъ сказкахъ слѣпляетъ разлѣпленную галочку или замыкаетъ открытую скрыночку. На пути за невѣстой Иванъ Кристофоръ встрѣчаетъ лицъ, которыя оказываются потомъ полезными ему товарищами; одинъ изъ нихъ ловецъ собакъ, одинъ тушитель огня и т. д.; одинъ отгадчикъ, который по пріѣздѣ къ цѣли поѣздки угадалъ подлинную царевну въ толпѣ двѣнадцати похожихъ дѣвицъ [1]).

Въ этой сказкѣ есть двѣнадцать дѣвицъ, но нѣтъ круга, составленнаго изъ стрѣлковъ; чтобы подойти къ этому мотиву, я долженъ привести великорусскій варіантъ сказки объ Иванѣ Кристофорѣ. Въ великорусскомъ варіантѣ герой называется Иваномъ, крестьянскимъ сыномъ. Эти имена показываютъ, что въ древней редакціи, не потерпѣвшей еще отъ вліянія христіанской литературы, герой носилъ имя, созвучное съ формами *крист* и *крест*. Иванъ, крестьянскій сынъ, подобно Ивану Кристофору, убиваетъ четырехъ змѣевъ на мосту (Иванъ Кристофоръ только трехъ), подобно ему подъ видомъ кошки подслушиваетъ разговоръ змѣихи, матери убитыхъ, съ ея снохами, и наконецъ, подобно Ивану Кристофору, истребляетъ угрожавшія ему въ дорогѣ навожденія подъ видомъ яблони, колодезя и кровати. Чудовище „самъ съ перстъ, усы на семь верстъ“ уноситъ у него коня. Опѣшивъ, Иванъ крестьянскій сынъ заходитъ въ избу и находитъ въ ней человѣка, искалѣченнаго тѣмъ же чудовищемъ; калѣка даетъ ему совѣтъ три года даромъ перевозить людей черезъ рѣку. Приходятъ наконецъ къ перевозу три старика; эти старики берутся вернуть коня, но чудовище соглашается отдать коня только подъ условіемъ, если для него похитятъ невѣсту царевну. Старики ѣдутъ къ царю и ночью крадутъ царевну [2]).

Эта сказка, повидимому, повліяла на христіанскую легенду о св. Христофорѣ. Подобно Ивану крестьянскому сыну, святой

[1]) Романовъ, стр. 110—120.

[2]) Афанасьевъ, № 78, т. I, стр. 167.

въ католической легендѣ, по совѣту отшельника, становится даровымъ перевозчикомъ черезъ рѣку. Въ сказкѣ чудовище оплетаетъ Ивана; онъ не можетъ двигаться; въ легендѣ святой испытываетъ нѣчто подобное; онъ несетъ на себѣ младенца Христа, тяжесть младенца растетъ, Христофоръ гнется подъ тяжестью и не можетъ двигаться. Святой имѣетъ песью голову; ни бѣлорусскій Иванъ Кристофоръ, ни великорусскій Иванъ крестьянскій сынъ не имѣютъ этого признака, но къ этой сказкѣ есть еще варіантъ, въ которомъ герой называется Иванъ, сучкинъ сынъ, потому что родился отъ суки. Подобно другимъ героямъ такого же сверхъестественнаго зачатія, какъ Иванъ Медвѣдко, родившійся отъ медвѣдя и имѣвшій медвѣжьи уши или и всю верхнюю половину тѣла медвѣжью, или какъ монгольскій Масангъ, родившійся отъ коровы и имѣвшій телячью голову, и Иванъ сучкинъ сынъ могъ имѣть собачью голову, а вслѣдъ за нимъ собачью голову можно предполагать и у Ивана Кристофора и у Ивана крестьянскаго сына. Св. Христофоръ выставленъ для казни; въ него стрѣляютъ, но стрѣлы не вредятъ ему и ложатся вокругъ него. Этого мотива ни въ бѣлорусской сказкѣ, ни въ великорусской нѣтъ, но я думаю, былъ такой варіантъ этой сказки, въ которомъ было выставленіе героя подъ стрѣлы стрѣлковъ, и изъ этого-то предполагаемаго варіанта этотъ мотивъ вошелъ въ легенду о св. Христофорѣ.

Интересное совмѣщеніе мотивовъ мы находимъ въ кавказскомъ весеннемъ обрядѣ перваго вывоза плуга въ поле, который существуетъ въ Дагестанѣ и у лаковъ и называется *андживахвиканъ* [1]). Въ день обряда населеніе выходитъ въ поле въ сопровожденіи сельскихъ властей, въ числѣ которыхъ находятся также двѣнадцать *куалти* (собирателей штрафныхъ денегъ) [2]); впереди идетъ *андживахъ*, т. е. человѣкъ, который долженъ провести первую

[1]) Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ, вып. VII, ст. „Среди горцевъ сѣвернаго Дагестана“, стр. 41.

[2]) Въ этотъ же день производятся выборы *куалти*. Въ провинціи Амдо (въ Тибетѣ) у племени далда существуетъ институтъ изъ выборныхъ чиновъ, которые называются *тереучи;* ихъ обязанность слѣдить за потравой хлѣбовъ и взыскивать штрафы; ихъ избираютъ по четыре отъ селенія; гдѣ три селенія соединились для содержанія кумирни, тамъ при кумирнѣ состоитъ двѣнадцать тереучи. См. Танг.-тиб. окраина Китая, I.

борозду. Какъ только онъ начнетъ пахать, дѣти и молодые люди начинаютъ бросать въ него *турши*, глиняные шары, вздѣтые на палки, и простые комья глины. Тутъ мы имѣемъ, во первыхъ, проведеніе борозды плугомъ (въ сказкахъ о змѣеборцѣ, прячущемся въ кузницу, объѣздъ земли верхомъ на змѣѣ чередуется съ проведеніемъ борозды сохой, въ которую запряжена змѣя), во вторыхъ, побіеніе комьями глины (въ легендахъ стрѣльба толпой по человѣку чередуется съ побіеніемъ камнями).

Не сходно съ предыдущими образцами обставленъ выборъ изъ двѣнадцати дѣвицъ въ одномъ кавказскомъ преданіи. Въ одномъ семействѣ народилась чудная дѣвушка; только родилась, сейчасъ же подошла къ костру грѣться. Родители и ихъ сосѣди, подозрѣвая въ ней нечистую силу, хотятъ ее погубить, сбрасываютъ ее со скалы, топятъ въ рѣкѣ, жгутъ на кострѣ, но не могутъ убить. Тхостъ-дзуаръ (повидимому, мѣстный духъ) говоритъ жителямъ, что онъ только одинъ можетъ избавить ихъ отъ этого чудовища, но они должны привести вмѣстѣ съ нею двѣнадцать сверстницъ. Когда дѣвицы были приведены, Тхостъ-дзуаръ начинаетъ примѣривать къ нимъ серебряныя оковы; они ни къ одной изъ одиннадцати не пришлись, пришлись только къ этой чудной дѣвочкѣ, и онъ увелъ ее въ свое каменное жилище (т. е. въ пещеру) [1].

Народная святыня часто въ преданіяхъ является цѣлью набѣга чужеземнаго богатыря; легендарные цари принимаютъ мѣры противъ похищенія народной святыни (народнаго онгона); они прячутъ ихъ или выставляютъ рядомъ съ неотличимыми копіями съ нихъ. Подобно тому, какъ Изида, чтобы гробъ Озириса не украли во второй разъ, заказала нѣсколько гробовъ, Нума Помпилій, въ царствованіе котораго съ неба упалъ анцилій (щитъ Марса), приказалъ кузнецу Мамурію сковать одиннадцать совер-

---

[1]) Съ одной стороны, это преданіе напоминаетъ румынское повѣрье о двѣнадцати ученикахъ, изъ которыхъ одного чортъ удерживаетъ въ свою пользу, съ другой—пещера и закованный въ ней персонажъ напоминаютъ скованнаго въ недоступной пещерѣ Амирана. Кромѣ того, въ этомъ преданіи тотъ же мотивъ, какъ въ русскомъ о гробѣ Святогора; тутъ такое же обреченіе на вѣчное неподвижное положеніе (въ обоихъ случаяхъ на горѣ), тамъ замурованнымъ въ пещерѣ, тутъ въ каменномъ гробѣ; тамъ примѣриваются серебряныя оковы, здѣсь примѣривается гробъ.

шенно такихъ же щитовъ, чтобы затруднить вору выборъ подлиннаго небеснаго анцилія. Для храненія анцилій было учреждено особое жреческое сословіе, жрецы Марса; они обязаны были совершать ритуалъ въ сезонъ лѣтнихъ грозъ; при этомъ они били въ щиты Марса [1]). Съ этимъ ритуаломъ былъ соединенъ также одинъ обрядъ: одинъ жрецъ одѣвался Мамуріемъ и его били молотами, подражая тому дѣйствію, которое онъ производилъ, когда ковалъ поддѣльные щиты.

Римское преданіе загадочно. Мамурій сковалъ щиты для Нумы Помпилія, слѣдовательно оказалъ услугу, и его же бьютъ молотомъ. Это нелогично. Если кузнецъ казненъ изъ боязни, что онъ выдастъ тайну, который щитъ подлинный, то почему ему была придумана казнь, подражающая его ремеслу? Вѣроятно, о Мамуріѣ было какое-то преданіе, которое не сохранилось; оно, можетъ быть, имѣло сходство съ монгольскимъ преданіемъ о бѣлой лошади, которая спустилась съ неба Чингисъ-хану [2]); ханъ для привязыванія лошади приказалъ сковать золотой столбъ, но столбъ украденъ. Когда воръ былъ пойманъ, Чингисъ-ханъ приказалъ зарыть его въ землю по горло и къ его шеѣ привязывать бѣлую небесную лошадь. Въ Ордосѣ существуетъ сословіе „тархатовъ“ [3]), которые обязаны пасти бѣлую лошадь, и въ память о рѣшеніи Чингисъ-хана ежегодно совершается обрядъ: выставляется бѣлая лошадь, а также человѣкъ, который долженъ стоять во время обряда неподвижно, какъ столбъ, съ зарытыми въ песокъ ступнями и который называется „золотымъ столбомъ“. По аналогіи съ этимъ преданіемъ надо думать, что Мамурій совершилъ какое-то преступленіе и что кованіе было средствомъ для совершенія преступленія.

---

[1]) Каждый изъ амдоскихъ тереучей, о которыхъ было сказано выше имѣетъ бубенъ; эти бубны хранятся въ сельской общественной кумирнѣ; во время грозы всѣ тереучи обязаны подъ страхомъ штрафа явиться въ кумирню; здѣсь они разбираютъ свои бубны, выходятъ въ поле, пляшутъ и бьютъ въ бубны. Отлучившійся тереучи долженъ непремѣнно оставить въ селеніи замѣстителя въ обрядѣ.

[2]) По другому преданію Чингису съ неба спустилась чаша съ виномъ, по третьему камень со знакомъ „хасъ“.

[3]) *Тархатъ*, „кузнецы“; въ един. ч. *тарханъ*.

Монголо-тибетская легенда объ Эрдени-Хараликѣ состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ въ себѣ разсказъ о явленіи въ странѣ божественнаго младенца (мальчика съ золотыми кудрями); вторая разсказъ о привозѣ въ страну дѣвы, одно присутствіе которой доставляетъ странѣ благоденствіе. Я думаю, что и съ младенцемъ перваго эпизода связывалось подобное же представленіе; въ основѣ обоихъ эпизодовъ лежитъ повѣрье о живыхъ онгонахъ, т.- е. о человѣческихъ личностяхъ, которыя одарены особой благодатной силой Мальчикъ съ золотыми кудрями это и есть Эрдени-Хараликъ; во второй половинѣ легенды Эрдени-Хараликъ ѣдетъ за благодѣтельной дѣвой. Два разсказа, одинъ о томъ, какъ живой онгонъ народился въ странѣ, другой—какъ живой онгонъ доставленъ въ страну изъ другой страны, объединены именемъ Эрдени-Хараликъ.

Кажется, и въ русскомъ народѣ жила сказка, состоявшая изъ двухъ подобныхъ же эпизодовъ, или были двѣ сказки, изъ которыхъ одна отвѣчала первому эпизоду монголо-тибетской легенды, другая второму, при чемъ имя главнаго лица объединяло ихъ. Первому эпизоду монголо-тибетской легенды соотвѣтствуетъ сказка о Коростѣ, записанная въ Барнаульскомъ уѣздѣ въ Сибири. Въ монголо-тибетской легендѣ три дѣвицы, которыя хвалятся, чѣмъ какая пригодна въ жены царевича; царевичъ женится на той, которая обѣщаетъ родить златокудраго мальчика; въ русской сказкѣ три такія же соперницы: онѣ дѣлаютъ подобныя же заявленія и царевичъ женится на той, которая обѣщаетъ родить златоногаго сына. Въ монголо-тибетской легендѣ обойденныя дѣвицы вредятъ своей счастливой соперницѣ; онѣ отнимаютъ у ней рожденнаго ею золотокудраго ребенка, обвиняютъ ее передъ царевичемъ въ обманѣ; невинная женщина изгнана изъ дворца, а ея коварныя соперницы занимаютъ ея мѣсто; въ русской сказкѣ золотоногіе мальчики выброшены въ лѣсъ, мать брошена въ море и злая женщина занимаетъ ея мѣсто во дворцѣ. И русская сказка, и эпизодъ монголо-тибетской легенды оканчиваются одинаково реабилитаціей пострадавшей женщины [1])

---

[1]) Короста не вполнѣ отвѣчаетъ Эрдени-Харалику; послѣдній есть сынъ гонимой женщины; Короста не сынъ, а подкидышъ. Но какъ въ монголо-ти-

Вторая половина монголо-тибетской легенды разсказываетъ, какъ Эрдени-Хараликъ ѣздилъ добывать дакини; преодолѣвъ опасныя заставы (корову Куринъ, которая выдыхала огонь, толпу отвратительныхъ ассуровъ), Эрдени-Хараликъ достигаетъ мѣста, гдѣ живетъ дакини. Онъ находитъ ее въ обществѣ красивыхъ дѣвъ, но сама она имѣетъ безобразный видъ. Я думаю, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ онгономъ или святыней, укрытой подъ безобразной наружностью. Составители легендъ думали, что предохранить святыню отъ похищенія можно или поставивъ ее въ рядъ другихъ фигуръ, совершенно сходныхъ, такъ что похититель не могъ узнать, которая изъ фигуръ подлинная святыня, или придавъ святынѣ такой отталкивающій видъ, что простыя фигуры, не одаренныя благодатной силой, покажутся похитителю болѣе привлекательными, чѣмъ святыня. Въ монголо-тибетской легендѣ мы имѣемъ случай со святыней, скрытой подъ отталкивающей внѣшностью. Затрудненіе, въ которомъ очутился Эрдени-Хараликъ, понято легендой, какъ испытаніе въ вѣрности убѣжденію; Эрдени-Хараликъ далъ обѣтъ жениться на дакини; останется ли онъ вѣрнымъ обѣту, увидѣвъ ея безобразіе? Такое пониманіе явилось подъ буддійскимъ вліяніемъ; въ шаманской редакціи дѣло представлялось, вѣроятно, грубѣе; герой просто затруднялся открыть предназначенную ему дѣвицу. Урянхайская сказка объ Эртени-мергенѣ и представляетъ такую первоначальную редакцію: богатырь очутился передъ толпой дѣвицъ и не знаетъ, которая ему предназначена; его учитъ конь, который указываетъ ему на самую безобразную. Вѣроятно, и объ Эрдени-Хараликѣ были редакціи, въ которыхъ онъ могъ узнать свою суженую только по указанію вѣщаго коня или вѣщаго товарища. А также были, вѣроятно, объ Эрдени-Хараликѣ и такіе варіанты, въ которыхъ онъ былъ при-

---

бетской легендѣ Эрдени-Хараликъ реабилитируетъ мать, такъ въ русской Короста возстановляетъ расторгнутую коварными женщинами семью. Ему помогаютъ нищіе; они проходятъ мимо, видятъ его и его мать и потомъ разсказываютъ о немъ во дворцѣ царевичу, мужу изгнанницы. Можетъ быть, это были послы царевича, которые не случайно зашли къ Коростѣ, а искали его, подобно посламъ царя Давида, которые искали потеряннаго Соломона (по народному преданію тоже выброшеннаго въ море въ бочкѣ съ матерью, какъ и Короста).

нужденъ выбирать свою невѣсту изъ толпы дѣвицъ, похожихъ одна на другую, въ родѣ сибирской сказки о Марандѣ или въ родѣ ласской легенды.

Въ числѣ русскихъ сказокъ, въ которыхъ герою приходится выбирать дѣвицу изъ толпы совершенно сходныхъ дѣвицъ, есть одна, уже указанная выше, записанная въ Барнаульскомъ уѣздѣ въ Сибири; въ ней герой называется Иваномъ, крестьянскимъ сыномъ [1]); онъ долженъ угадать, которая изъ семи дочерей бабы-яги старшая; помогаетъ ему угадать, какъ и въ урянхайской сказкѣ объ Эртени-мергенѣ, вѣщій конь. Другая сказка объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ записана въ Саратовской губерніи [2]); въ ней нѣтъ выбора изъ толпы одинаковыхъ дѣвицъ, но есть разсказъ, какъ товарищи Ивана, одаренные необыкновенными свойствами, добываютъ дочь царя. Этотъ мотивъ иногда встрѣчается рядомъ съ выборомъ изъ тожественныхъ дѣвицъ; такъ, напр., въ Барнаульской сказкѣ о царевнѣ Марандѣ и въ Минусинской объ Иванѣ Сучичѣ [3]).

Появленіе имени Ивана крестьянскаго сына, въ связи съ сходнымъ мотивомъ на столь отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, какъ Барнаулъ и Саратовъ, свидѣтельствуютъ о прочной связи этого мотива съ этимъ именемъ.

Если мы эпизодъ о выборѣ дѣвицы изъ Барнаульской сказки

---

1) Русская сказка въ Сибири, изд. Красноярск. подъ-отдѣла Геогр. Общ., Красн., 1902, стр. 65.

2) Афанасьевъ, № 78. Саратовская сказка имѣетъ много сходства съ бѣлорусской сказкой объ Иванѣ Кристофорѣ (Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, стр. 110), съ минусинской объ Иванѣ Сучичѣ (Русск. сказки въ Сибири, стр. 57). Иванъ крестьянскій сынъ остановленъ въ пути чудовищемъ самъ съ перстъ, усы на семь верстъ, которое отнимаетъ у него коня; Иванъ Сучичъ остановленъ на пути Ерахтой, который также отнимаетъ у него коня. Чудовище соглашается отдать коня, если Иванъ крестьянскій сынъ достанетъ ему царскую дочь, и товарищи Ивана ѣдуть за царевной; Ерахта не предъявляетъ такого требованія, но Иванъ Сучичъ все-таки ѣдетъ за дѣвицей съ товарищами; какъ товарищи Ивана крестьянскаго сына одарены особыми свойствами, такъ и товарищи Ивана Сучича; между прочимъ, одинъ изъ товарищей Ивана Сучича можетъ складывать море въ копны; товарищамъ удалось увезти царевну, но на пути она обратилась въ перстень, который тотчасъ упалъ въ море. Одинъ изъ товарищей склалъ море въ копны, дно обнажилось и перстень былъ найденъ.

3) Русск. сказки въ Сибири, стр. 89; ibid., стр. 57.

объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ приставимъ къ сказкѣ о Коростѣ, какъ бы примемъ его за продолженіе сказки о Коростѣ, то мы получимъ комбинацію, которая напомнитъ намъ монголо-тибетскую легенду объ Эрдени-Хараликѣ; сказка о Коростѣ отвѣтитъ разсказу о рожденіи Эрдени-Хараликa (Арья Бало или Авалокитешвары) и о судьбѣ его несчастной матери, а сказка объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ отвѣтитъ разсказу о поѣздкѣ Эрдени-Хараликa за дакини. Можетъ быть, и на Руси двѣ эти русскія сказки разсказывались въ связи другъ съ другомъ и главное лицо въ обѣихъ сказкахъ называлось однимъ и тѣмъ же именемъ. Изъ двухъ созвучій „Короста" и „крестьянскій" къ первоначальной формѣ ближе, вѣроятно, „Короста"; это, вѣроятно, домышленіемъ измѣненное какое-то архаическое; можетъ быть, имя Иванъ ставилось иногда и при имени Короста и только впослѣдствіи парное Иванъ Короста перешло въ Иванъ крестьянскій сынъ. Совпаденіе Коросты съ Иваномъ крестьянскимъ сыномъ обнаруживается также и при сравненіи сказки о Коростѣ съ бійской сказкой о Крестьянскомъ сынѣ [1]); эта другая сибирская сказка есть не что иное, какъ варіантъ сказки о Коростѣ; Крестьянскій сынъ также опущенъ съ матерью въ бочкѣ и т. д.

Разсказъ о поѣздкѣ съ товарищами вставленъ въ монгольскую повѣсть о Гэсэрѣ; это поѣздка Гэсэра съ цѣлью убить чудовище, которое въ бурятскомъ варіантѣ называется Галъ-Дӧлмӧ, въ калмыцкомъ Анъ-Долманъ. Тутъ нѣтъ добыванія женщины, женщина есть, это жена Галъ-Дӧлмӧ'на, но не она цѣль поѣздки, и Гэсэръ убиваетъ ее. Тѣмъ не менѣе въ этомъ разсказѣ можно видѣть параллель къ разсказу о поѣздкѣ за дѣвицей въ сопровожденіи товарищей-чудотворцевъ. Подобно тому, какъ товарищи Ивана крестьянскаго сына отправляются въ поѣздку по требованію чудовища самъ съ перстъ, усы на семь верстъ, такъ и Гэсэръ отправляется противъ Галъ-Дӧлмӧ по просьбѣ Ганга-Зандана (вар. Ганга-Бэрэда). Чудесныя силы товарищей Гэсэра не выставлены въ повѣсти, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ въ болѣе полныхъ редакціяхъ были; особенно я увѣренъ, что въ числѣ товарищей Гэсэра былъ одинъ, который имѣлъ способность выпивать море.

[1]) Русск. ск. въ Сибири. стр. 103.

Я это утверждаю на томъ основаніи, что у алтайцевъ есть преданіе о Музыкаѣ, который, подобно Гэсэру, убиваетъ Анъ-Долмана и ѣздитъ на конѣ, который носитъ одно имя съ конемъ Гэсэра [1]); значитъ, это алтайскій Гэсэръ. Алтайское преданіе говоритъ, что Музыкай, желая обнажить тѣло Анъ-Долмана, который обыкновенно лежалъ на днѣ морскомъ, долженъ былъ сначала осушить море; съ этою цѣлью онъ выпилъ море. Въ монгольской повѣсти этотъ выпиватель моря могъ стоять въ ряду товарищей Гэсэра.

Рожденіе и дѣтство Гэсэра описаны иначе, чѣмъ дѣтство Эрдени-Харалика и Коросты, хотя и его мать также претерпѣваетъ гоненіе и живетъ нѣкоторое время въ изгнаніи. Гонитель женщины называется Чотономъ; по одной записи мать Гэсэра была невѣстой Чотона и жила въ его домѣ, но потомъ, замѣтивъ, что она хромая, онъ осердился и сослалъ ее въ пустыню, приставивъ къ ней какого-то Сэнгыла. Сэнгылъ охотой на птицъ кормитъ свою подругу; она ходитъ за водой и дровами; однажды, спустившись къ источнику за водой, она была поражена видѣніемъ; она увидѣла передъ собой человѣка необыкновеннаго вида; очнувшись отъ обморока, она почувствовала, что зачала и родила Гэсэра. Чотонъ, узнавъ о его рожденіи, старается убить его, но Гэсэръ избѣгаетъ гибели.

Я думаю, что въ основѣ этого эпизода лежитъ народная сказка, что книжная редакція значительно измѣнила народную, народная же редакція была такая: царь подозрѣваетъ свою жену въ незаконной связи и ссылаетъ ее въ пустыню вмѣстѣ съ ея любовникомъ; подосланные царемъ люди увидѣли около сосланныхъ появившагося ребенка (родившагося сверхъестественнымъ образомъ); царь убѣждается въ правотѣ своихъ подозрѣній и старается избить мнимовиновныхъ. Сказки съ такимъ содержаніемъ очень распространены въ Монголіи. Я думаю, что и въ первоначальномъ разсказѣ о рожденіи Гэсэра дѣло излагалось ближе къ этимъ сказкамъ и что Сэнгылъ не былъ отправленъ въ пустыню въ качествѣ опекуна ссылаемой женщины, а что онъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ нею, какъ заподозрѣнный въ связи съ нею. Разсказомъ объ изгнанницѣ начинаются также и сказка о

[1]) Вост. мотивы, 69.

Коростѣ и легенда объ Эрдени-Хараликѣ; и тамъ и тутъ невинная женщина живетъ въ изгнаніи со своимъ ребенкомъ. Въ разсказѣ о Гэсэрѣ младенцѣ могли бы найти мѣсто нищіе изъ сказки о Коростѣ, которые принесли царю извѣстіе о немъ.

Я разсмотрѣлъ три случая сходной комбинаціи, состоящей изъ двухъ эпизодовъ; одна комбинація передается въ видѣ связной легенды объ Эрдени-Хараликѣ; другую я построилъ изъ двухъ отдѣльно передаваемыхъ сказокъ о Коростѣ и Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ; наконецъ, для третьей я нашелъ матеріалъ въ повѣсти о Гэсэрѣ. Первый эпизодъ въ двухъ комбинаціяхъ почти тожественъ; въ третьей, въ повѣсти о Гэсэрѣ, нѣсколько отклоняется; въ двухъ комбинаціяхъ женщина изгнана изъ дворца за то, что обманула надежды на рожденіе необыкновеннаго сына; въ повѣсти о Гэсэрѣ, какъ я догадываюсь, за мнимую измѣну въ любви. Второй эпизодъ во всѣхъ трехъ комбинаціяхъ состоялъ изъ разсказа о поѣздкѣ за дѣвицей; въ русской комбинаціи этотъ эпизодъ имѣетъ видъ разсказа о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, изъ которыхъ приходится выбирать. Такой видъ могъ получить второй эпизодъ и въ двухъ другихъ комбинаціяхъ (объ Эрдени-Хараликѣ и Гэсэрѣ).

Повѣсть о Гэсэрѣ можетъ послужить мостомъ для перехода отъ этихъ комбинацій къ средневѣковой еврейской легендѣ объ Іегошу́а [1]).

Мирьямъ—я передаю эту легенду со словъ г. П. въ Красноярскѣ—была невѣстой одного молодого человѣка. Въ школѣ, гдѣ изучаютъ Тору, ученики диспутировали по поводу мнѣнія Соломона, что женщины непостоянны. Женихъ дѣвицы Мирьямъ возражалъ, что это не совсѣмъ вѣрно, что есть женщины, не подходящія подъ такую характеристику, напримѣръ его невѣста; если бы онъ самъ, женихъ, вздумалъ привлечь ее на ложе ранѣе обряда, онъ не сомнѣвается, что онъ встрѣтилъ бы отпоръ. Тогда человѣкъ, который съ нимъ спорилъ, Пандра, пошелъ вечеромъ въ домъ Мирьямъ, выдалъ себя за жениха и обманулъ

---

1) Въ Берлинѣ вышла книжка: Krauss, Das Leben Jesu nach jüdischen Quellen. Berlin. Verl. Calvary 1902, въ которой собраны и разобраны варіанты еврейской книги Toldot Jeschu, содержащей въ себѣ легенду о Іегошу́а, но я, пока, еще не имѣлъ ее въ рукахъ.

Мирьямъ. Такимъ образомъ родился Іегошу́а. Женихъ отказывается отъ невѣсты и Мирьямъ дѣлается женой Пандры.

Это начало легенды по своему мѣсту отвѣчаетъ первому эпизоду разсмотрѣнныхъ комбинацій, по содержанію же его можно сближать съ тѣми сказками о заподозрѣнной царицѣ, которыя выше указаны для сравненія съ первымъ эпизодомъ повѣсти о Гэсэрѣ; въ обоихъ случахъ разговоръ идетъ о незаконной связи женщины, только въ одномъ случаѣ эта связь подозрѣвается, въ другомъ она дѣйствительность. Если Мирьямъ представить на мѣстѣ матери Гэсэра, то Пандра займетъ мѣсто Сэнгыла. Еврейскій разсказъ окажется при этомъ сближеніи значительно упрощеннымъ; изгнанія женщины съ младенцемъ и ея товарищемъ въ еврейской легендѣ нѣтъ: нѣтъ и гонителя, который хочетъ убить младенца; зачатіе сына женщиной Мирьямъ не сверхъестественно, какъ въ повѣсти о Гэсэрѣ; оно совершается въ законахъ природы.

Вторая половина легенды, какъ мнѣ ее передалъ г. И. въ Красноярскѣ, разсказываетъ: Іегошу́а былъ ученикъ ученаго Іегуды Гахасида (Iehuda Hachassid); онъ подслушалъ, какъ Іегуда читалъ молитву къ Іеговѣ, которая давала человѣку возможность стать богомъ, если ее написать на пергаментѣ и носить при себѣ. Іегошу́а написалъ ее на пергаментѣ и спряталъ въ икрѣ своей ноги. Онъ получилъ отъ этого способность летать и когда Іегуда погнался за нимъ, Іегошу́а полетѣлъ; но Іегуда поднялся выше и омочилъ его жидкостью изъ своего мочевого пузыря и Іегошу́а, такъ какъ чрезъ это сила пергамента исчезла, упалъ на землю и здѣсь люди убили его.

Если еврейскую легенду принять за комбинацію, параллельную тремъ предыдущимъ, то на мѣстѣ разсказа объ учителѣ Іегудѣ нужно было бы ожидать разсказъ о поѣздкѣ за дѣвицей или отголоски сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, о выборѣ одной изъ нихъ и выдачѣ тайны, которую слѣдуетъ взять, одною изъ тѣхъ же дѣвицъ; вмѣсто того мы тутъ находимъ какъ будто отголоски сказки о волшебнической школѣ Оха. Іегошу́а воровски пріобрѣлъ отъ Іегуды вѣщее знаніе въ родѣ того, какъ въ монгольскомъ сборникѣ Шиддикӯръ, товарищъ царевича въ дверную щель высмотрѣлъ волшебные процессы девяти волхвовъ; подобно герою Шиддикӯра и русскихъ сказокъ Оха, Іегошу́а

преслѣдуется учителемъ и летаетъ по воздуху; только конецъ различный: въ монгольской и русской сказкахъ гибнетъ учитель, въ еврейской ученикъ. Сказки о двѣнадцати дочеряхъ морского царя и о двѣнадцати ученикахъ Оха такъ сходны, что заступленіе одной сказки въ комбинаціи вмѣсто другой представляется легкимъ; въ разсказѣ объ Іегудѣ нѣтъ однако двѣнадцати учениковъ и выбора изъ нихъ, но и въ Шиддикўрѣ они пропущены.

Г. Потанинъ.

Сватовство (Ше-мій) у дунганъ.

Живя въ Китаѣ, дунгане, какъ мусульмане, обыкновенно рано вступаютъ въ бракъ: сыновей своихъ родители женили на 16—17 году, а дочерей выдавали замужъ 13—15 лѣтъ, но нерѣдко и ранѣе этого возраста. Изъ моихъ немногочисленныхъ записей [1]) видно, что, будучи въ Китаѣ, дунгане женили своихъ сыновей даже на 13 году ихъ жизни, а дочерей выдавали замужъ на 12 году; случаи же болѣе ранняго вступленія въ бракъ, въ бытность ихъ въ Китаѣ, большинство дунганъ отрицаетъ. Съ переходомъ же ихъ въ русское подданство, браки въ столь раннемъ возрастѣ нашими властями были воспрещены дунганамъ, но въ первые годы, по ихъ прибытіи въ Россію, ранніе браки между ними совершались нерѣдко, особенно наблюдались очень часто случаи ранней выдачи замужъ дѣвушекъ. Съ одной стороны—это происходило потому, что за ними нельзя было услѣдить, а съ другой—родители преднамѣренно скрывали года своихъ дѣтей, что было легко имъ дѣлать, потому что дунганскіе муллы не вели записей родившихся ни въ Китаѣ, ни здѣсь въ первые годы по ихъ прибытіи, да и наши власти вначалѣ не слишкомъ строго вмѣшивались во внутреннюю жизнь дунганъ, находя это по многимъ причинамъ для себя неудобнымъ: и безъ того нашей администраціи вначалѣ было много съ ними дѣла, тѣмъ болѣе, что дунгане оказались людьми довольно безпокойными и непослушными. Между ними очень часто происходили ссоры и крупныя пререканія, принимавшія нерѣдко острый и бурный характеръ; ссоры оканчивались въ большинствѣ случаевъ ожесточенными побоищами между противниками, часто пускавшими въ ходъ ножи, слѣдствіемъ чего бывали тяжелыя увѣчья, а нерѣдко и смерть кого-либо съ той и другой стороны. Разборъ всѣхъ этихъ

[1]) Эти записи будутъ приложены къ антропологическому очерку дунганъ.

неурядицъ и ссоръ, то и дѣло случавшихся между дунганами, отнималъ много времени и силъ у нашихъ чиновниковъ.

Но, независимо отъ этого, наша областная администрація неоднократно издавала циркуляры, воспрещавшіе раннее вступленіе въ бракъ какъ между дунганами, такъ и между другими инородцами мусульманами. Насколько эти циркуляры достигали и теперь достигаютъ своей цѣли, мы судить не беремся; но и помимо этого запрещенія, браки между прибывшими въ предѣлы Россіи дунганами стали совершаться въ громадномъ большинствѣ случаевъ уже въ болѣе позднемъ возрастѣ. Произошло это, во первыхъ: подъ вліяніемъ киргизскаго обычая, скоро перенятаго дунганами, какъ они сами говорятъ, брать за невѣсту большой калымъ и, во-вторыхъ, благодаря обнаружившемуся въ самомъ началѣ недостатку въ лицахъ женскаго пола; послѣднее было главной причиной, такъ какъ это способствовало высокому поднятію калыма. Правда, дунгане, живя въ Китаѣ, также платили калымъ за невѣсту; но, какъ они сами говорятъ, платили калымъ самый небольшой. Каковы бы ни были эти причины, но неоспоримъ фактъ, что браки у нихъ стали совершаться гораздо позднѣе и самая свадьба, по словамъ дунганъ, съ переходомъ ихъ въ русское подданство стала имъ обходиться гораздо дороже, нежели въ Китаѣ.—Для того, чтобы сдѣлать свадьбу, приходится затратить цѣлое немаленькое состояніе, такъ какъ самая бѣдная свадьба обходится не менѣе 150—200 рублей, а свадьба средней руки стоитъ не менѣе трехсотъ рублей. Деньги же на свадьбу надобно заработать и припасти,—особо продавать для этой цѣли что-либо изъ ихъ имущества у дунганъ не принято; это считается у нихъ неудобнымъ: сосѣди и знакомые будутъ смѣяться и острить, да, пожалуй, и ту невѣсту, которую желаютъ взять, не отдадутъ, скажутъ: „собирается брать жену, а въ домѣ ничего нѣтъ; задумалъ жениться, а жены кормить нечѣмъ". Но, главное, будутъ обвинять въ недомовитости, чего дунгане особенно боятся: это значитъ потерять уваженіе, кредитъ во мнѣніи своихъ односельчанъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ дунганина немало потрудиться, чтобы скопить двѣсти-триста рублей. При всемъ громадномъ трудолюбіи и бережливости дунганъ, при ихъ замѣчательно воздержной, нетребовательной жизни, такая сумма ими не скоро накапливается для свадьбы. Лично мы знаемъ

не одинъ случай, когда дунганинъ средней зажиточности употреблялъ около трехъ лѣтъ тяжелаго и упорнаго труда, чтобы скопить необходимую сумму для свадьбы, бѣдняки же употребляли не менѣе четырехъ-пяти лѣтъ. Вотъ почему въ настоящее время многіе дунгане женятся довольно поздно. Встрѣчается не мало случаевъ вступленія въ бракъ дунганъ на 25—30 годахъ.—Благодаря этимъ чисто экономическимъ условіямъ, многіе женятся и еще въ болѣе позднемъ возрастѣ, а бѣдняки обречены иногда на невозможность жениться или же, въ крайнемъ случаѣ, женятся на киргизкахъ, женитьба на которыхъ стоитъ гораздо дешевле. Такихъ случаевъ, правда, немного. Вслѣдствіе этой же причины, нѣкоторые изъ дунганъ, съ большимъ рискомъ для себя, въ первые годы ѣздили въ Китай, чтобы тамъ жениться на своихъ единовѣркахъ, для чего брали отъ русскихъ властей билетъ на безпрепятственный туда проѣздъ; для этого они выставляли тотъ предлогъ, что имъ нужно привести оставленную тамъ жену или престарѣлыхъ отца и мать, которые по слабости силъ не могли прійти одновременно съ ними, а нѣкоторые изъ дунганъ для этой же цѣли уходили въ Китай тайно и, женившись тамъ, обратно возвращались въ Россію. Задумавъ тайно бѣжать въ Китай, такой дунганинъ, по возможности секретно не только отъ русскихъ властей, но и отъ своихъ односельчанъ (чтобы послѣдніе не обнаружили и не выдали его) отращивалъ себѣ длинную косу. Это дѣлалось для того, чтобы въ китайскихъ предѣлахъ, при случаѣ, выдать себя или за чистокровнаго китайца или хотя и за дунганина, но за китайскаго подданнаго и, такимъ образомъ, не поплатиться жизнью. Многимъ это однако не удавалось, потому что они или сами съ большими волосами случайно попадались низшимъ русскимъ полицейскимъ властямъ,—а отращивать волосы дунганамъ строго было воспрещено по переходѣ ихъ въ Россію,—или случалось, что такихъ нерѣдко выдавали свои же односельчане, облеченные властью десятника или полицейскаго. Тогда имъ безъ церемоніи и моментально обрѣзывали косы. Жаловаться они не могли да и не смѣли, а потому и должны были покоряться своей участи. Но съ каждымъ годомъ случаи отправленія дунганъ въ Китай съ цѣлью тамъ жениться становились все рѣже и рѣже, и въ настоящее время о нихъ уже почти совсѣмъ не стало слышно.

Но разъ позволяютъ обстоятельства и время устроить свадьбу, т. е. когда сыну исполнится не менѣе 16—18 лѣтъ и имѣются налицо необходимыя средства, то родители задумываютъ женить свое дѣтище, для чего и подыскиваютъ ему подходящую невѣсту.—Задумавъ женить сына, мать долгое время высматриваетъ невѣсту изъ своего села; остановивъ же свой выборъ на извѣстной дѣвушкѣ, она не сразу и не сейчасъ сообщаетъ объ этомъ своему мужу, а продолжаетъ потихоньку и осторожно, чтобы не обнаружить и не выдать никому своей настоящей цѣли, собирать свѣдѣнія о поведеніи намѣченной дѣвицы, объ ея умѣ, характерѣ, добротѣ, о томъ, хозяйка-ли она, насколько она трудолюбива и распорядительна, припоминаетъ ея дѣтскіе годы, какъ она вела себя въ дѣтствѣ со своими сверстниками, какъ она себя держала съ ними, какова была въ играхъ, часто-ли капризничала, ссорилась-ли и сердилась-ли часто, не раздражала-ли своимъ поведеніемъ другихъ и не подавала-ли какого-либо повода жаловаться на нее другимъ постороннимъ и въ частности сосѣдямъ ея родителей. Принимаетъ она при этомъ во вниманіе и состояніе ея здоровья: часто-ли она болѣла и какими болѣзнями. Также крайне осторожно и старательно собираетъ она свѣдѣнія о состояніи ея родителей, объ ихъ характерѣ, поведеніи, объ ихъ трудолюбіи и домовитости, припоминаетъ всю ихъ прошлую жизнь и въ ея умѣ проходятъ нерѣдко давно всѣми забытые случаи и происшествія, виновниками которыхъ, когда-то давнымъ-давно, были родители намѣченной ею невѣсты. Все это и многое другое дунганка-мать взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ, стараясь, повторяю, дѣлать это скрытно, чтобы, въ случаѣ неудачи или отказа, избавиться насмѣшекъ своихъ сосѣдей и знакомыхъ. Дунганка-мать слишкомъ дорожитъ своимъ дѣтищемъ, а какъ хозяйка дома, она ревниво оберегаетъ честь и достоинство своего домашняго очага. И когда всѣ свѣдѣнія, какъ добытыя ею непосредственно, такъ и полученныя путемъ разспросовъ отъ другихъ, вполнѣ удовлетворяютъ ея требованіямъ, тогда только она сообщаетъ своему мужу о намѣченной дѣвицѣ-невѣстѣ. Дѣловитость и серьезность отношеній сказываются нерѣдко и въ менѣе важныхъ интимныхъ отношеніяхъ между дунганами-супругами, а ужъ тѣмъ болѣе въ такихъ важныхъ случаяхъ, какъ сватовство, они ведутъ себя серьезно, не

болтаютъ, лишняго не говорятъ даже между собою, не судятъ постороннихъ, потому что хорошо знаютъ, что и ихъ также, въ свою очередь, ихъ односельчане-сосѣди строго взвѣшиваютъ и оцѣниваютъ.—Мужъ въ такихъ важныхъ случаяхъ вполнѣ полагается на выборъ жены, такъ какъ убѣжденъ, что жена все разузнала и все строго взвѣсила; ему же, при постоянной работѣ и частыхъ отлучкахъ изъ дому, рѣшительно некогда было бы заниматься этимъ. Вотъ почему въ выборѣ невѣсты для сына у дунганъ первое мѣсто принадлежитъ матери. Супруги, согласившись междую собою, въ скоромъ времени созываютъ по возможности всѣхъ своихъ родственниковъ на семейный совѣтъ. Если съ нѣкоторыми изъ нихъ они до этого были въ ссорѣ, то на этотъ разъ всѣ непріятности и раздоры забываются обѣими сторонами, въ виду важности предстоящаго семейнаго дѣла.

Приглашенные родственники всѣ собираются въ назначенный день. Пригласившіе ихъ первоначально объявляютъ имъ о своемъ намѣреніи женить сына, а потомъ уже объявляютъ и о намѣченной ими невѣстѣ, причемъ объясняютъ всѣ выгоды этого брака какъ для сына, такъ и для нихъ самихъ. Затѣмъ они подробно описываютъ характеръ невѣсты, ея, главнымъ образомъ, трудолюбіе и хорошее поведеніе, упоминаютъ о красотѣ ея и о другихъ физическихъ достоинствахъ и т. д., также сообщаютъ о характерѣ и поведеніи ея родителей, указываютъ на ихъ зажиточность и домовитость, на ихъ связи и ихъ отношенія къ прочимъ односельчанамъ; поднимаютъ они и разбираютъ не только настоящую, но и прошлую жизнь родителей невѣсты, однимъ словомъ, на этомъ совѣтѣ родственниковъ родители жениха стараются не упустить ни одной самой мелкой черты, имѣющей отношеніе къ сватовству сына. Такимъ подробнымъ сообщеніемъ добытыхъ свѣдѣній родители стараются показать, что къ предстоящей задачѣ они, какъ родители, отнеслись серьезно. Но, несмотря на это, говорятъ родители, они могли что-либо упустить изъ виду и, быть можетъ, упустили даже главное, между тѣмъ, со стороны же виднѣе какъ всѣ достоинства и выгоды предполагаемаго брака, такъ и всѣ недостатки и невыгоды его, особенно послѣднія, почему они и просятъ убѣдительно совѣта своихъ родственниковъ, просятъ ихъ ничего не скрывать, если имъ что-либо еще извѣстно, чтобы потомъ никому не пришлось

жалѣть, чтобы не сдѣлать несчастными ни ту ни другую сторону.

Молча и съ серьезнымъ видомъ родственники все выслушиваютъ, и, по окончаніи рѣчи родителей, они начинаютъ тщательно взвѣшивать всѣ выгодныя и невыгодныя стороны предполагаемаго брака. Спокойное и хладнокровное вначалѣ обсужденіе этого вопроса, въ большинствѣ случаевъ далѣе начинаетъ принимать возбужденный и нерѣдко острый характеръ. Собравшiеся на совѣтъ по большей части раздѣляются на двѣ партіи: одни стоятъ за избранную невѣсту, а другіе противъ нея,—въ такихъ случаяхъ дѣло доходитъ нерѣдко до порядочнаго шума, а иногда и взаимныхъ ссоръ и укоровъ, правда, незначительныхъ.—Женщинамъ, особенно уже пожилымъ, на этомъ семейномъ совѣтѣ принадлежитъ видное мѣсто. Онѣ слишкомъ горячо и близко принимаютъ къ сердцу это дѣло: кричатъ, спорятъ, жестикулируютъ до упаду, какъ будто бы дѣло шло объ ихъ собственной участи. Мужья, наоборотъ, по большей части скоро сдаются и соглашаются съ мнѣніемъ своихъ женъ; если же который не согласится съ мнѣніемъ своей супруги, то послѣдняя, въ пылу раздраженія, сообщаетъ какой-нибудь эпизодъ изъ своей супружеской жизни, гдѣ выставитъ своего супруга въ смѣшномъ или глупомъ видѣ. Этого только и нужно было: раздается дружный общій хохотъ, а смущенный и посрамленный супругъ принужденъ бываетъ окончателно замолчать: шутки и насмѣшки на него теперь сыплются въ изобиліи. Дунганки умѣютъ отстаивать свое мнѣніе, а особенно передъ обществомъ, и пользуются для этого всѣми средствами; въ нихъ далеко нѣтъ той приниженности и забитости, какія наблюдаются у киргизокъ или сартянокъ.

Разбившись на партіи, мужья обсуждаютъ и разбираютъ чисто-практическія, матеріальныя выгоды предстоящаго брака, а женщины разсматриваютъ его съ другой стороны—насколько этотъ бракъ принесетъ счастье молодымъ людямъ и родителямъ ихъ. Послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, порядочнаго шума и спора, а нерѣдко и послѣ взаимныхъ ссоръ и колкостей, неизбѣжныхъ у дунганъ, дѣло кончается сытнымъ и вкуснымъ обѣдомъ; послѣ обѣда большинствомъ голосовъ постановляется окончательное рѣшеніе: искать ли другую невѣсту или останавливаются на избранной.

Въ послѣднемъ случаѣ родители жениха посылаютъ въ качествѣ свата къ родителямъ невѣсты одного изъ присутствующихъ родственниковъ, солиднаго и почтеннаго по лѣтамъ и болѣе другихъ пользующагося уваженіемъ. Сватъ этотъ (мэй-жень) приходитъ въ домъ невѣсты, гдѣ его, какъ гостя или какъ просто явившагося по дѣлу, усаживаютъ обыкновенно на почетное мѣсто (шанъ-выше) на канѣ. Нужно сказать, что дунганинъ-хозяинъ никогда первый не предлагаетъ пришедшему гостю такихъ вопросовъ, какъ: „зачѣмъ ты пришелъ“? или: „что тебѣ надобно“? а обязательно дожидается, пока пришедшій гость самъ первый не объяснитъ цѣли своего прихода. Предложить хозяину первому подобные вопросы пришедшему къ нему въ домъ гостю, кто бы онъ ни былъ, считается крайне невѣжливымъ. Всякій дунганинъ (гость-ли то будетъ или сватъ), вошедши въ домъ, первымъ дѣломъ освѣдомляется о здоровьѣ хозяина въ такихъ выраженіяхъ: „хао-ма“ (здоровъ-ли ты?) „чы-лё-мою“ (ѣлъ-ты или нѣтъ?) „сычинъ ду пи-нань“ (благополучны-ли дѣла), здорова-ли скотина? и т. д. Вопросы эти обязательны для дунганина, по какому-бы случаю или дѣлу онъ ни пришелъ въ домъ хозяина. Таковъ уже установившійся обычай, дунганами строго соблюдаемый. Хозяинъ дома между тѣмъ отдаетъ приказаніе, чтобы былъ поданъ чай. И вотъ сватъ, покончивъ съ обычными вопросами и получивъ на нихъ должные отвѣты, безъ дальнихъ разговоровъ, прямо приступаетъ къ цѣли своего посѣщенія и сообщаетъ, что въ родственномъ ему семействѣ есть очень хорошій молодой человѣкъ, котораго пора женить. Молодой человѣкъ этотъ по наружности очень красивъ (чжанъ-ди-хао), скроменъ (ти-мянь), уменъ (чжинъ-бэй), прекрасный хлѣбопашецъ или хорошій торговецъ (смотря по занятію жениха), грамотенъ, набоженъ, да и родители его люди состоятельные, добрые и т. д.; однимъ словомъ, дунганинъ-сватъ не скупится на похвалы, а напротивъ, щедро таковыя расточаетъ по адресу пославшихъ его, хотя хозяинъ дома въ большинствѣ случаевъ и безъ того отлично знаетъ всѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

„Зная же“,—продолжаетъ далѣе сватъ,—„что у васъ есть дочка, которая добра, умна, трудолюбива и по хозяйству весьма опытна и свѣдуща, родители этого молодого человѣка послали меня къ вамъ просить отдать дочь вашу за него, какъ за до-

стойнаго вполнѣ молодого человѣка, съ которымъ ваша дочь будетъ счастлива". И онъ снова принимается расхваливать всѣ достоинства жениха и родителей его. Покончивъ эти многословныя и краснорѣчивыя похвалы, всегда въ такихъ случаяхъ длинныя и пространныя, сватъ проситъ дать ему отвѣтъ.

Выслушавъ все это, родители невѣсты или прямо отказываютъ свату, если считаютъ предложеніе это для себя невыгоднымъ, почему либо неподходящимъ, или же, если предложеніе это для нихъ лестно и выгодно, то просятъ свата обождать нѣкоторое время, такъ какъ они, въ свою очередь, несмотря на всѣ слышанныя ими отъ него похвалы о женихѣ и его родителяхъ и которымъ они безусловно вѣрятъ, сами желаютъ собрать подробныя свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ и его родителяхъ, дѣлающихъ имъ и ихъ дочери столь лестное предложеніе. Если же отказываютъ они, то отказъ свой выражаютъ сейчасъ-же. Отецъ невѣсты говоритъ приблизительно свату такъ: „Сватъ!—возвратись домой: дѣло это не подходящее (мэй-жень, ни хуй-цзы! Чжэгэ-сычинъ буциле)". Или: „Я знаю, что ты пришелъ съ хорошимъ сердцемъ (желаніемъ) и добрымъ намѣреніемъ, но дитя наше слишкомъ еще мало и юно (ва-ва сяо, ни-дию хао-синь лай-ле на-о чжи-дао-лё)". Сватъ извиняется за причиненное безпокойство, раскланивается и уходитъ. Если же предложеніе выгодно, то, не отказывая, отецъ невѣсты говоритъ: „Дочь наша хотя еще очень молода и выходить ей замужъ еще слишкомъ рано, но мы просимъ молодого человѣка и его родителей обождать нѣкоторое время: мы между тѣмъ наведемъ справки (датинъ) о поведеніи жениха, его характерѣ, а также о родителяхъ его и ихъ состояніи. Хотя мы знаемъ ихъ давно и съ хорошей стороны, но, чтобы окончательно рѣшить этотъ важный вопросъ выдать нашу дочь замужъ или нѣтъ, мы посовѣтуемся еще какъ между собою, такъ и со всѣми своими родственниками". Въ заключеніе еще разъ отецъ невѣсты благодаритъ свата за лестное предложеніе, и, любезно другъ съ другомъ раскланявшись, послѣдній уходитъ.

Вскорѣ послѣ этого въ домѣ родителей невѣсты собирается такой же семейный совѣтъ, на который приглашаются всѣ родственники. Характеръ совѣщанія и здѣсь бываетъ такой же, какъ и въ домѣ жениха. Но только, при выдачѣ дочери, на

этомъ совѣтѣ рѣшающій голосъ остается за матерью невѣсты, или если есть бабушка, главнымъ образомъ мать жены, то окончательное рѣшеніе остается за нею, и если ея въ данное время не случится налицо, то за нею посылаютъ и дожидаются ея пріѣзда.

Отецъ невѣсты, послѣ посѣщенія свата, непремѣнно постарается нѣсколько разъ осмотрѣть жениха, хотя бы до этого онъ и видѣлъ его, и говорилъ съ нимъ многое множество разъ. Обыкновенно опытные и старые такъ стараются осмотрѣть жениха, чтобы послѣдній совсѣмъ не замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ. Оцѣнивается его фигура, его манера держаться, вести себя какъ со сверстниками, такъ и со старшими, при случаѣ присматриваются къ пріемамъ его работы, насколько онъ ловокъ, опытенъ и силенъ; возрастъ его при этомъ также принимается въ разсчетъ. Производится, такъ сказать, тайная, негласная, но очень строгая и притомъ весьма разносторонняя оцѣнка всѣхъ достоинствъ и недостатковъ жениха. Результаты своихъ наблюденій мужъ обязательно сообщаетъ своей женѣ. Родители-же жениха, зная, что сынъ ихъ будетъ служить въ это время предметомъ самаго внимательнаго и тщательнаго наблюденія, какъ со стороны родителей невѣсты, такъ и со стороны ея родственниковъ, внушаютъ своему сыну правила вѣжливости и приличія, правила, какъ онъ долженъ вести и держать себя, чтобы какъ онъ самъ, такъ и черезъ него и они не послужили впослѣдствіи предметомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, если дѣло, начатое, повидимому, удачно, почему-либо послѣ разстроится. И, дѣйствительно, за женихомъ, кто бы онъ ни былъ, наблюдаютъ многіе, особенно этимъ занимается вся, нерѣдко многочисленная, родня невѣсты, какъ сторона заинтересованная. Отецъ невѣсты можетъ видѣть жениха только мимоходомъ, на улицѣ, но никакъ не въ домѣ его родителей. Въ свою очередь, женихъ и его родители не могутъ прійти въ домъ невѣсты до слѣдующаго дня послѣ свадьбы. Таковъ уже обычай, издавна установившійся и всѣми соблюдаемый. Въ силу того же крѣпкаго обычая, отецъ невѣсты не можетъ и говорить со встрѣтившимся ему на улицѣ или на дорогѣ женихомъ. Женихъ же при встрѣчѣ со своимъ будущимъ тестемъ, если онъ, женихъ, пѣшій, отойдя отъ него нѣсколько шаговъ въ сторону, долженъ почтительно привѣтствовать его, сказавъ селямъ (при-

вѣтствіе) „ансалямъ арлекюнъ“, — искаженное арабское слово: „салямъ аглекимъ“. — Привѣтствіе это, какъ извѣстно, есть обычное не только среди дунганъ, но и среди мусульманъ вообще. У дунганъ же, говорящихъ обыкновенно на китайскомъ языкѣ, эта форма привѣтствія употребляется въ случаяхъ оффиціальныхъ или торжественныхъ, не допускающихъ равныхъ или дружественныхъ отношеній, при встрѣчѣ съ муллой или ахуномъ или же при встрѣчѣ младшихъ со старшими; во всѣхъ же обыденныхъ случаяхъ дунгане пользуются роднымъ выраженіемъ, существующимъ на родномъ ихъ китайскомъ языкѣ: „хао-ма“ здоровъ-ли? „чы-лё мою“—ѣлъ-ли ты?

Если же женихъ встрѣтитъ своего будущаго тестя верхомъ на лошади, то, не доѣзжая до него нѣсколькихъ шаговъ, онъ долженъ сойти съ лошади и, остановившись, сказать то же самое привѣтствіе (селямъ), и когда повстрѣчавшійся будущій тесть уже пройдетъ или проѣдетъ нѣсколько шаговъ, тогда только женихъ можетъ сѣсть снова на лошадь и продолжать далѣе свое путешествіе.—Впрочемъ, этотъ обычай привѣтствовать, какъ говорятъ дунгане, входитъ вообще въ кругъ приличій или обязанностей всѣхъ молодыхъ людей при встрѣчѣ ихъ со старшими по лѣтамъ или по положенію въ обществѣ; но, на сколько мы могли замѣтить, обычай этотъ уже не такъ строго соблюдается, какъ объ этомъ заявляютъ сами дунгане. Обычай такъ привѣтствовать, т.-е. сходить съ лошади въ знакъ почтенія и уваженія къ встрѣтившемуся на дорогѣ старшему, есть обычай чисто-китайскій, вѣрнѣе азіатскій. Какъ извѣстно, въ Китаѣ даже знакомые крестьяне, торговцы, служащіе и чиновники, однимъ словомъ, лица равныя по общественному между собою положенію, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, сходятъ съ лошадей и, послѣ вопросовъ о здоровьи и благополучіи, одинъ другого начинаютъ упрашивать прежде него садиться на лошадь, чѣмъ желаютъ выразить свое особенное почтеніе и уваженіе другъ къ другу; дѣло доходитъ нерѣдко до взаимныхъ и долгихъ препирательствъ, но обыкновенно старшій всегда садится прежде и отправляется своею дорогою, послѣ чего уже садится и младшій. При встрѣчѣ начальствующихъ лицъ, лица подчиненныя и частныя тоже обыкновенно сходятъ съ лошади и, учинивъ должное поклоненіе, садятся на лошадь уже тогда, когда начальствующее

лицо отъѣдетъ на порядочное разстояніе. У нашихъ дунганъ этотъ обычай соблюдается только молодыми по отношенію къ старшимъ, да и то не такъ строго и аккуратно; старшіе же, при встрѣчѣ между собою, ограничиваются однимъ привѣтствіемъ, не слѣзая съ лошади или телѣги. Назвалъ я этотъ обычай азіатскимъ, между прочимъ, потому, что не разъ видѣлъ, какъ киргизы-бѣдняки такимъ же образомъ выражали свое почтеніе и уваженіе своимъ же болѣе богатымъ и болѣе сильнымъ единоплеменникамъ. Наша уѣздная администрація, желая возвысить въ глазахъ туземнаго населенія свой престижъ, также требуетъ отъ туземцевъ къ себѣ почтенія, а именно въ такой же формѣ. Но вернемся къ сватовству.

Спустя нѣсколько дней, но не болѣе десяти, что требуется опять-таки установившимся обычаемъ, родители жениха посылаютъ того же свата, на этотъ разъ уже не одного, а въ сопровожденіи еще двухъ другихъ, тоже почтенныхъ и уважаемыхъ стариковъ,—всего на этотъ разъ обязательно должно быть три свата,—понавѣдаться въ домъ родителей невѣсты для того, чтобы узнать, какое наконецъ они приняли рѣшеніе и можно ли разсчитывать на ихъ согласіе. По приходѣ въ домъ невѣсты, послѣ обычныхъ привѣтствій, приведенныхъ выше, уже всѣ три свата начинаютъ краснорѣчиво, насколько хватаетъ ихъ силъ и умѣнья, расхваливать прекрасныя качества жениха, его родителей, состояніе послѣднихъ и проч. и проч. Если родители невѣсты находятъ, что предстоящая партія для нихъ подходящая, то сейчасъ же и даютъ свое согласіе; но, по большей части, отецъ и мать невѣсты просятъ сватовъ еще разъ обождать нѣкоторое время. Они говорятъ при этомъ, что далеко еще не все разузнали о женихѣ и его родителяхъ и назначаютъ въ этомъ случаѣ десятидневный или семнадцатидневный срокъ, мотивируя тѣмъ, что они за это время обстоятельно обдумаютъ и еще разъ посовѣтуются со своими родственниками. Они взвѣсятъ еще разъ всѣ выгодныя и невыгодныя условія предстоящаго брака для той и другой стороны, а главнымъ образомъ, имъ нужно убѣдиться, принесетъ ли этотъ бракъ счастье обоимъ молодымъ людямъ, и дѣйствительно ли пославшіе сватовъ рѣшились взять замужъ именно эту невѣсту, ихъ горячо любимую ими дочь.

Тѣ родители невѣсты, которые откладываютъ до третьяго

раза дать окончательное согласіе на бракъ, обыкновенно бываютъ люди зажиточные, пользующіеся уваженіемъ, или же разсчетливые. Своимъ неторопливымъ отвѣтомъ они хотятъ увеличить цѣну себѣ и своей дочери; однимъ словомъ, стараются почему-либо придать себѣ большій вѣсъ въ глазахъ ищущей стороны, чтобы и будущій зять зналъ, что жена ему досталась не такъ легко, а потому онъ ее любить и уважать будетъ больше. Бываютъ и другія причины оттянуть свое согласіе.

Наконецъ, въ назначенный срокъ сваты идутъ въ третій разъ и опять начинается расхваливаніе жениха, его родителей, невѣсты и проч. и проч. Но на этотъ разъ сваты дѣйствуютъ и говорятъ болѣе увѣренно, въ разговорахъ и похвалахъ, расточаемыхъ ими по адресу той и другой стороны, слышится легкая иронія или острое словцо, такъ какъ они увѣрены, что на этотъ разъ согласіе будетъ дано, а что сейчасъ они соблюдаютъ только одну простую формальность, которая пріятно щекочетъ самолюбіе родителей невѣсты.—Наконецъ, отецъ невѣсты, колеблясь и нерѣшительнымъ голосомъ (причемъ сваты усердно и дружно, словами, жестами поощряютъ скорѣе дать свое согласіе и выражаютъ нетерпѣніе) говоритъ: „Положимся на волю Божію! Доволенъ, т. е. я согласенъ, отдаю (Хуань-си! Гэйлё).—Давъ свое согласіе, сваты и отецъ невѣсты всѣ вмѣстѣ становятся посреди комнаты и совершаютъ такъ называемый обрядъ Цзуань-шоу, который состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ изъ сватовъ, по преимуществу первый, и отецъ невѣсты прикасаются ладонями своихъ правыхъ рукъ вмѣстѣ, затѣмъ сватъ ладонью своей лѣвой руки прикрываетъ тылъ правой руки отца невѣсты, а послѣдній ладонью своей лѣвой руки прикрываетъ тыльную сторону правой руки свата, и послѣ пожатія они опускаютъ свои руки въ такомъ видѣ книзу; потомъ это продѣлываютъ всѣ три свата съ отцомъ невѣсты.

Обрядъ этотъ у дунганъ имѣетъ важное и серьезное значеніе: всѣ болѣе или менѣе важные случаи въ своей жизни, какъ-то: сватовство, торговыя сдѣлки, разнаго рода обязательства и договоры, они заканчиваютъ этимъ обрядомъ, послѣ исполненія котораго отступать уже не полагается. Дунганинъ, желая убѣдить другого, что онъ сдѣлаетъ то̀, что̀ обѣщаетъ или о чемъ говоритъ, вмѣсто всякихъ словъ и краснорѣчивыхъ выраженій,

продѣлываетъ со своимъ собесѣдникомъ этотъ обрядъ, и послѣдній тогда остается вполнѣ увѣренъ, что обѣщанное безусловно будетъ исполнено обѣщающимъ и притомъ сдѣлано будетъ самымъ точнымъ образомъ, такъ какъ не исполнить чего-либо послѣ Цзуань-шоу считается крайне предосудительнымъ,—это значитъ прослыть за обманщика, человѣка легкомысленнаго и ненадежнаго, на слово котораго положиться нельзя, потерять довѣріе и уваженіе въ глазахъ всѣхъ, чѣмъ дунгане слишкомъ дорожатъ.

Исполнивъ обрядъ Цзу-ань-шоу, всѣ три свата отцу невѣсты и послѣдній сватамъ дѣлаютъ одновременно поклонъ (Цзо-и) со словами: „ансалямъ арлекюнъ".—Послѣ этого сватовъ съ почетомъ сажаютъ на канъ, хорошенько угощаютъ и отправляютъ съ пріятнымъ извѣстіемъ къ родителямъ жениха.—Въ первый и во второй приходъ сватовъ не угощаютъ обѣдомъ, а ограничиваются лишь чаепитіемъ; если же родители невѣсты даютъ свое согласіе во второе посѣщеніе, то также обѣдомъ угощаютъ; однимъ словомъ, угощеніе дѣлается сватамъ сейчасъ же послѣ согласія, даннаго отцомъ невѣсты. Мать невѣсты ниразу не присутствуетъ во время прихода сватовъ. Теперь, передъ угощеніемъ сватовъ, отецъ объявляетъ матери и дочери о данномъ имъ согласіи, хотя онѣ это и безъ него знаютъ, во-первыхъ, потому, что отдано отцомъ распоряженіе объ угощеніи сватовъ, а во-вторыхъ, безъ согласія матери отецъ не можетъ дать своего согласія, но всеже онѣ дожидаются его объявленія. Тутъ они всѣ трое (т. е. родители невѣсты и она сама) громко плачутъ (непремѣнно громко).—Мать, сидя въ сосѣдней комнатѣ, обниметъ свою дочь-невѣсту, со слезами и воплями начинаетъ причитывать и давать ей самыя нѣжныя названія. Родители плачутъ потому, что имъ скоро придется разстаться съ дорогимъ своимъ дѣтищемъ, а невѣста плачетъ потому, что ей въ непродолжительномъ времени предстоитъ неизбѣжная разлука съ родительскимъ домомъ, а сваты, въ ожиданіи угощенія, сидятъ на канѣ съ торжествующимъ и довольнымъ видомъ, что вотъ-де послѣ стольких трудовъ и хлопотъ наконецъ-то удалось имъ подстрѣлить важную, дорогую птицу.—Настроеніе отца во время угощенія серьезное; у него то и дѣло скатывается изъ глазъ по щекамъ крупная слеза; онъ мало и говоритъ, а только усердно проситъ своихъ

гостей, чтобы они хорошенько ѣли и извиняли на столь маломъ и незначительномъ угощеніи. А угощенія на самомъ дѣлѣ приготовляется очень много, такъ какъ отецъ и мать невѣсты заранѣе очень хорошо знали, что въ назначенный ими день сваты непремѣнно явятся къ нимъ за отвѣтомъ.

Спустя восемь — десять дней родители жениха отправляютъ приготовленные въ теченіе этого времени подарки въ домъ невѣсты. Подарки эти называются „сяо-ли-ръ", т. е. малые подарки. Для несенія этихъ подарковъ устраивается настоящая процессія. Въ процессіи этой обязательно участвуютъ прежніе три свата, ахунъ или мулла, въ приходѣ котораго состоитъ женихъ, родные братья послѣдняго (если таковые есть), нѣкоторые другіе ближайшіе родственники, друзья и знакомые жениха. — На обязанности послѣднихъ (т. е. друзей и знакомыхъ) нести подарки; подарки несутся открыто на подносахъ, чтобы всѣ видѣли ихъ. Порядокъ, въ которомъ несутся подарки, слѣдующій:

1) На первомъ подносѣ лежатъ серебряныя вещи: серьги—ихъ одна пара,—одинъ браслетъ и два кольца.

2) На второмъ подносѣ кусокъ (небольшой) черной кисеи или просто черный платокъ, которымъ впослѣдствіи во время свадьбы закрываютъ прическу молодой въ знакъ того, что она будетъ женщиной. Платокъ этотъ называется „фанъ-шонь".

3) На третьемъ подносѣ шелковыя нитки четырехъ цвѣтовъ— красныя, зеленыя, желтыя и синія, и небольшой кусокъ шелковой матеріи; кто побогаче, тотъ кладетъ четыре куска шелковой матеріи такихъ же цвѣтовъ, какъ и нитки. Матерія предназначается для башмаковъ невѣсты, а нитки для вышиванія ихъ.

4) На четвертомъ и пятомъ подносахъ десять свертковъ съ небольшими сладкими хлѣбцами, которые называются „го-цзы"; въ каждомъ сверткѣ по восьми хлѣбцевъ, а всего восемьдесятъ, а на каждомъ подносѣ по пяти такихъ свертковъ.

5) На шестомъ подносѣ десять большихъ хлѣбовъ круглой формы. Хлѣбы эти видомъ напоминаютъ обыкновенныя лепешки, но только гораздо больше, а именно въ діаметрѣ не менѣе полуаршина и толщиною въ одинъ вершокъ. Хлѣбы эти называются „пань-цзы".

6) Не менѣе 15—17 подносовъ съ орѣхами и урюкомъ.

Нѣкоторые на первый подносъ кладутъ, а иногда и отдѣльно

посылаютъ невѣстѣ цвѣты (искусственные), бѣлила и мыло. Болѣе зажиточные, кромѣ вышеприведенныхъ подарковъ, посылаютъ еще на кофту и штаны желтаго цвѣта матеріи по 5 аршинъ и шелковой матеріи синяго цвѣта для халата десять аршинъ.

Впереди несутъ подарки; за ними важно выступаетъ ахунъ, затѣмъ ближайшіе родственники жениха, его друзъя и знакомые. Процессія заканчивается порядочной толпой мальчугановъ и любопытныхъ, что придаетъ всей этой картинѣ живой и оригинальный видъ.

Смыслъ и значеніе настоящихъ подарковъ таковы: прежде всего родители жениха выражаютъ этимъ свою благодарность и признательность родителямъ невѣсты за согласіе послѣднихъ увеличить семью первыхъ, невѣстѣ—поздравленіе съ новымъ ея положеніемъ, а всѣмъ родственникамъ, какъ своимъ, такъ и со стороны невѣсты, а также и всѣмъ знакомымъ—объявленіе о предстоящей скорой свадьбѣ. Это, такъ сказать, оффиціальное объявленіе о помолвкѣ молодыхъ людей, и оно дѣлается, какъ мы видѣли, открыто, гласно, чтобы всѣ, свои и чужіе, одинаково знали о столь важномъ событіи, имѣющемъ произойти въ недалекомъ будущемъ въ двухъ извѣстныхъ семействахъ.

Отецъ невѣсты съ кѣмъ-либо изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, которые обязательно приглашаются на этотъ случай, а также и знакомые, встрѣчаютъ пришедшихъ у порога своего дома, и отецъ принимаетъ принесенные подарки, которые разставляются тутъ же, на дворѣ, у порога дома, на заранѣе приготовленномъ мѣстѣ, чтобы всѣ присутствующіе и вновь приходящіе могли ихъ видѣть. Такъ ставятся подарки, если день хорошій; если же день ненастный, то подарки вносятся въ комнату, но также ставятся на виду, вдоль стѣны, чтобы опять-таки всѣ желающіе могли ихъ видѣть. Приглашенныя женщины-гости, какъ и сама хозяйка дома, находятся въ отдѣльной комнатѣ; изъ нихъ никто не встрѣчаетъ принесшихъ сло-ли-ръ.

Передавши подарки и разложивши ихъ на столахъ въ извѣстномъ порядкѣ, пришедшій со стороны жениха ахунъ говоритъ рѣчь, которую всѣ слушаютъ, стоя другъ противъ друга. Содержаніе рѣчи ахуна приблизительно слѣдующее: отъ имени родителей жениха онъ проситъ извиненія и снисхожденія, что присланные ими отъ чистаго сердца подарки такъ малы и незначи-

тельны, затѣмъ уже онъ указываетъ на смыслъ этихъ подарковъ, какъ мы привели выше, и въ заключеніе, призывая имя Божіе на вступающихъ въ бракъ и на почтенныя ихъ семейства, выражаетъ обѣимъ сторонамъ пожеланія полнаго благополучія и благоденствія на долгіе годы. По окончаніи этой рѣчи, ахунъ, приглашенный со стороны невѣсты, держитъ отвѣтную рѣчь своему собрату по профессіи; рѣчь эту также всѣ слушаютъ стоя. Отъ имени родителей невѣсты ахунъ увѣряетъ принесшихъ подарки (ли) что они, родители невѣсты, не только не смѣютъ, но не могутъ выразитъ и тѣни своего неудовольствія, что принесенныхъ подарковъ мало, напротивъ того, они до крайности удивлены и смущены большимъ количествомъ и высокою цѣнностью послѣднихъ, о чемъ и просятъ передать родителяяъ жениха; уже по этимъ подаркамъ они видятъ то вниманіе и уваженіе, какое тѣ питаютъ къ нимъ и ихъ дочери, о чемъ также просятъ передать. И этотъ ахунъ заканчиваетъ свою рѣчь тѣми же благопожеланіями обѣимъ сторонамъ, какъ и первый.

По окончаніи этой рѣчи обѣ стороны говорятъ другъ-другу салямъ съ поклономъ (цзо-и), всѣ одновременно, вразъ, и отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ занять мѣста за столиками, разставленными заблаговременно на дворѣ, прямо на землѣ. Земля сначала покрывается соломой, а потомъ разстилаются кошмы, на которыя уже и разставляются столики; солома для того разстилается, чтобы кошмы не пылились и не загрязнились. Ахуны, конечно, занимаютъ главное мѣсто (шанъ).

Сначала подаютъ чай съ сушеными фруктами: урюкомъ, изюмомъ, чжигдой, грецкими орѣхами, а также сладкіе хлѣбцы; почти всегда подаютъ тѣ сушеные фрукты и хлѣбцы, которые только что они получили отъ родителей жениха, а потомъ слѣдуетъ обѣдъ, но не весь торжественный обѣдъ, а только 4 — 5 блюдъ изъ си-фа-нь, торжественнаго обѣда, состоящаго изъ 19 блюдъ.

Со дня полученія „малыхъ подарковъ" помолвка считается оффиціально объявленной. Дѣвушка, выходящая замужъ, мирится съ своею новою ролью невѣсты, хотя ея согласія по большей части, какъ у другихъ народовъ востока, не спрашивали, — за нее ея судьбу рѣшили отецъ съ матерью. Дѣвушекъ, почему-либо невыданныхъ рано и достигшихъ 15 — 16 лѣтъ, родители еще спрашиваютъ объ ихъ согласіи, но выдаваемыхъ малолѣтними

(12 — 13 лѣтъ) обыкновенно не спрашиваютъ о таковомъ. Дунганская дѣвушка-невѣста, какъ и другія мусульманки, своего будущаго супруга и повелителя почти никогда не видѣла, а если когда и видѣла, то это было уже такъ давно,—когда она была еще совсѣмъ маленькой, быть можетъ, она не разъ съ нимъ въ дѣтствѣ и играла, а, быть можетъ, когда-нибудь и ссорилась съ нимъ, но это происходило давнымъ-давно, и сейчасъ она не можетъ себѣ представить не только лица, но и фигуры своего жениха. Нужно сказать, что до 10 — 11 лѣтъ дунганскія дѣвушки ходятъ по улицѣ съ открытыми лицами и лишь съ десятилѣтняго или одиннадцатилѣтняго возраста ихъ не пускаютъ на улицу, и если онѣ выходятъ, то уже закрываютъ свое лицо. Когда дѣвушка просватана, отецъ и мать удваиваютъ къ дочери свою заботливость и нѣжность; меньшихъ ея братьевъ и сестеръ заставляютъ относиться къ ней съ большимъ почтеніемъ и уваженіемъ.

Со дня помолвки мать постепенно сообщаетъ своей дочери о женихѣ и его родныхъ, а также о его родителяхъ и всѣхъ ихъ домочадцахъ, даетъ ей наставленія, какъ съ ними обращаться, чѣмъ пріобрѣсти ихъ расположеніе и любовь. Знакомитъ она дочь съ предстоящими ей новыми обязанностями, которыя она должна будетъ нести какъ по отношенію къ мужу, такъ и по отношенію ко всѣмъ его роднымъ, даетъ совѣты и наставленія, какъ привязать къ себѣ мужа, чтобы вызвать и сохранить его любовь. Все это мать сообщаетъ своей дочери по большей части поздно вечеромъ, когда прочіе члены семьи уже крѣпко спятъ, и онѣ остаются однѣ; рѣчь ея сопровождается нерѣдко тяжкими вздохами и крупными слезами съ обѣихъ сторонъ.

Со дня помолвки подруги невѣсты начинаютъ чаще навѣщать ее; ихъ угощаютъ обыкновенно чаемъ, сушеными фруктами, сладкими хлѣбцами; жизнь въ домѣ невѣсты начинаетъ принимать болѣе оживленный характеръ, благодаря посѣщенію подругъ; невѣста болѣе входитъ въ роль взрослой, въ роль хозяйки; она смѣлѣе всѣмъ распоряжается и повелѣваетъ своими меньшими братьями и сестрами. Нѣкоторыя изъ бойкихъ подругъ, желая пошутить надъ невѣстой, сообщаютъ ей о ея женихѣ какія-нибудь вымышленныя исторіи, въ которыхъ представляютъ послѣдняго уродомъ, злымъ, суровымъ чѣмъ бѣдной невѣстѣ причиняютъ

немалое огорченіе и чѣмъ нерѣдко доводятъ ее до слезъ. Такими выходками подруги стараются подстрекнуть молодую на любопытство, и добиваются того, что она выражаетъ желаніе какъ-нибудь увидѣть своего жениха. Чтобы лучше и безопаснѣе устроить это, дѣвицы прибѣгаютъ къ посредничеству молодыхъ замужнихъ женщинъ, которыя со всякими предосторожностями даютъ возможность невѣстѣ хоть однимъ глазомъ взглянуть на своего жениха. Это продѣлываютъ онѣ не разъ, но всегда устраиваютъ такъ, что женихъ не замѣчаетъ того, что онъ служитъ предметомъ наблюденія со стороны своей невѣсты и ея подругъ, а, быть можетъ, онъ только притворяется, что ничего не замѣчаетъ. Конечно, всѣ эти невидимыя встрѣчи и свиданія, если можно ихъ такъ назвать, устраиваются осторожно, потихоньку; отъ всѣхъ они сохраняются втайнѣ и даже, будто бы, послѣ никѣмъ не выдаются; развѣ только, по выходѣ замужъ, спустя долгое время, въ припадкѣ откровенности, жена сообщаетъ мужу о подобной своей выходкѣ. Черезъ день или черезъ два, но не далѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ полученія малыхъ подарковъ (сяо-ли-ръ), отецъ невѣсты, посовѣтовавшись предварительно съ своими ближайшими родственниками, составляетъ списокъ вещамъ, или подаркамъ, которые онъ желалъ бы получить отъ родителей жениха. Это въ сущности тотъ же „*калымъ*“, только у дунганъ онъ извѣстенъ подъ именемъ „*большихъ подарковъ*“ (та-ли).—Точно говоря, это есть оффиціальное требованіе, почему при составленіи его родителями невѣсты и ея родными, оно весьма строго взвѣшивается и осторожно обдумывается. При этомъ, конечно, принимается во вниманіе состояніе родителей жениха, ихъ зажиточность и прочее; требованіе это, по возможности, не должно превышать того, что могутъ дать послѣдніе. Строго оно обдумывается еще и потому, что послѣ требовать болѣе того, что обозначено въ спискѣ, уже не полагается, такъ какъ это считается предосудительнымъ признакомъ человѣка легкомысленнаго, отнесшагося поверхностно и недостаточно обдуманно къ столь важному дѣлу. Это можетъ повлечь къ раздорамъ и другимъ непріятностямъ. При составленіи этого списка родители невѣсты принимаютъ во вниманіе и свою собственную зажиточность.

Вотъ одинъ изъ такихъ реестровъ, который намъ удалось записать. Реестръ этотъ, составляющій требованіе подарковъ,

или, что тоже, *калымъ*, относится къ средней зажитности дунганской семьи.

1) Деньгами отъ 150 до 300 рублей китайскимъ ямбовымъ серебромъ по преимуществу, какъ наиболѣе, по ихъ мнѣнію, чистымъ, по крайней мѣрѣ, такъ думаютъ дунгане; но это объясняется тѣмъ, что, живя въ Китаѣ, они привыкли къ ямбамъ, почему и цѣнность ихъ имъ болѣе понятна. Кто не можетъ достать ямбъ, тотъ пускаетъ въ ходъ и наши кредитные билеты, по преимуществу новыя сторублевыя бумажки, а остальную сумму дополняютъ мелкими ямбами. Дунгане мнѣ передавали, что болѣе пятисотъ рублей не бываетъ требованія деньгами. Небогатые ограничиваются требованіемъ ста рублей.

2) Барановъ отъ шести до двѣнадцати штукъ; нерѣдко случается, что ихъ требуютъ и больше, но обязательно, чтобы ихъ было всегда четное число.

3) Серебряныя вещи: *а*) серьги (хуань-цзы)—двѣ пары, *б*) браслеты (цза-зцы или цзо-о-цзы)—четыре штуки, *в*) кольца (тунъ-гу-цзы)—четыре штуки.

4) Серебряныя головныя украшенія: *а*) бянь-цзань — одна штука, *б*) чуанъ-ца-о—одна штука, *в*) бинъ-цзань—одна штука, *г*) тэй-шту—одна штука. Всѣ эти головныя украшенія дѣлаются въ видѣ различныхъ цвѣтковъ, въ чисто китайскомъ вкусѣ; встрѣчаются очень тонкой и изящной работы.

5) Одежды большія: *а*) данъ-го-ръ—зимняя или осенняя, стеганая на ватѣ (мянь-ди) одежда, похожая по виду на широкій халатъ, рукава, какъ и у нашихъ рясъ, широкіе, вышитые разноцвѣтнымъ шелкомъ; воротникъ и края этой одежды сверху и донизу тоже вышиты разноцвѣтнымъ шелкомъ, застегивается сбоку отъ шеи и до самаго низу—одна штука; *б*) данъ-го-ръ—лѣтнее пальто на одной подкладкѣ (цзя-ди)—одна штука; *в*) дасань-цзы—это широкая, шелковая рубашка, длинная, съ широкими рукавами—одна штука; *г*) пинъ-ао (шуба на мѣху)—одна штука.

6) Одежды малыя (сяо-и-шанъ): *а*) бэй-да, рубашка ватная—одна штука; *б*) сань-цзы, рубашка безъ ваты и подкладки—одна штука; *в*) чжунъ-и, штаны ватныя—одна штука; *г*) штаны лѣтнія (безъ ваты)—одна штука. Какъ рубашки, такъ и штаны

дѣлаются изъ простой или шелковой матеріи, смотря по достатку и средствамъ семьи.

7) Болѣе семи штукъ матеріи, обязательно различныхъ цвѣтовъ и по возможности яркихъ,—отъ пятнадцати до тридцати аршинъ (янъ-ку). Богатые представляютъ на половину шелковой на половину бумажной матеріи. Часть этой матеріи употребляется на башмаки.

8) Ваты (мянь-хуа) для чулковъ—отъ четырехъ до десяти фунтовъ.

9) Го-цзы (маленькіе сладкіе хлѣбцы)—отъ шестидесяти до ста фунтовъ.

10) Пань-цзы (большіе хлѣбы)—отъ сорока до шестидесяти штукъ и болѣе, но чтобы было четное число.

11) Сушеныхъ фруктовъ (урюкъ, изюмъ, грецкіе орѣхи, чжигда или чиланъ)—отъ шестидесяти фунтовъ до двухъ-трехъ пудовъ.

Послѣдніе три разряда подарковъ не представляютъ серьезнаго требованія, но они имѣютъ скорѣе характеръ символическій, характеръ вѣрованія, освященнаго давностью обычая, почему и входятъ въ списокъ требуемыхъ вещей. Такъ, сладкіе хлѣбцы означаютъ желаніе, чтобы жизнь молодыхъ проходила по возможности слаще и пріятнѣе; большіе хлѣбы—чтобы жизнь ихъ протекала полнѣе и Богъ благословилъ бы ихъ дѣтьми, а различные сушеные фрукты—служатъ символомъ обилія, достатка и всякаго довольствія въ домѣ. Исходя изъ такого вѣрованія, всѣхъ этихъ предметовъ посылаютъ гораздо въ большемъ количествѣ, нежели ихъ потребовано въ реестрѣ родителей невѣсты.

Спустя нѣсколько дней послѣ отправки малыхъ подарковъ (сяо-ли-ръ), родители жениха, зная, что реестръ этотъ долженъ быть уже готовъ, посылаютъ за нимъ одного изъ сватовъ, по возможности самаго перваго. Сватъ, получивши этотъ реестръ, немедленно таковой вручаетъ отцу жениха. Послѣдній обсуждаетъ содержаніе его съ ближайшими своими родственниками, причемъ, при чтеніи его, по адресу будущаго свата посылаются насмѣшки и остроты нерѣдко вульгарнаго характера. Но все-же отецъ жениха немедленно все закупаетъ, что обозначено въ реестрѣ; начинается дѣятельное заготовленіе требуемыхъ подарковъ и шитье одежды для невѣсты. Если своихъ рукъ недостаточно

или если не надѣются, что свои домашніе сошьютъ такъ хорошо и искусно, какъ то нужно, то приглашаются постороннія женщины, славящіяся своимъ искусствомъ шить.

Съ этого времени жизнь въ домѣ жениха принимаетъ болѣе оживленный характеръ; между всѣми членами семьи настроеніе духа веселое и радостное. Да оно и понятно. Здѣсь ожидается появленіе новаго члена семейства, и при томъ молодого, полнаго свѣжихъ силъ и здоровья, съ прибытіемъ котораго притомъ увеличивается число рабочихъ рукъ по домашнему хозяйству, на котораго во многихъ случаяхъ даже въ первый годъ можно положиться; особенно же это относится къ семействамъ небогатымъ или малочисленнымъ, гдѣ не хватаетъ женскихъ рабочихъ рукъ.

Означенные подарки стараются заготовить по возможности поскорѣе, чтобы показать себя передъ родителями невѣсты съ выгодной стороны, выставить себя передъ ними людьми аккуратными. Въ виду этого въ скорой заготовкѣ требуемыхъ предметовъ дѣятельное участіе принимаютъ многіе родственники жениха. — Съ окончаніемъ заготовленія подарковъ, и, главнымъ образомъ, съ окончаніемъ шитья различнаго платья для невѣсты, снова посылаютъ сватовъ къ родителямъ ея съ просьбою назначить день для отправки этихъ подарковъ. Отецъ невѣсты прежде всего благодаритъ родителей жениха за то вниманіе и предупредительность, съ которыми они отнеслись къ его требованію, послѣ чего приступаютъ къ совѣщанію о днѣ отправки подарковъ, совѣщаются долго и серьезно, и наконецъ выбираютъ извѣстный день по взаимному соглашенію.

Отправленіе подарковъ, „та-ли", невѣстѣ составляетъ важное событіе въ жизни дунганъ, почему оно производится весьма торжественно, открыто, чтобы всѣ видѣли и всѣ знали. Этимъ фактомъ связь между двумя семействами, вступающими въ родство, закрѣпляется еще тѣснѣе, еще крѣпче и полнѣе, съ этого дня поворотъ назадъ, отказъ, считается уже совершенно немыслимымъ. Въ виду такого важнаго, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго значенія этого дня, назначаютъ самый счастливый день для отправки большихъ подарковъ. У дунганъ считаются слѣдующіе счастливые дни: четвергъ (пай-шамбе) самый счастливый день въ недѣлѣ для начала всякаго дѣла, а также для начала торговли и земледѣльческихъ работъ; за нимъ слѣдуетъ понедѣльникъ (дю-шамбе); да-

лѣе середа (шааръ-шамбе) и пятница (ежу-ма). Воскресенье (якъ-шамбе) не считается худымъ днемъ, но и не относится къ числу счастливыхъ: въ этотъ день не предпринимаютъ особенно важныхъ дѣлъ. Самымъ же тяжелымъ и несчастнымъ считается вторникъ (сэй-шамбе); въ этотъ день ни одинъ дунганинъ, будто бы, не рѣшится пуститься въ дальній путь, не сдѣлаетъ почина ни въ какомъ болѣе или менѣе важномъ дѣлѣ, такъ какъ этотъ день можетъ принести ему большія несчастія, бѣды, полную неудачу въ начатомъ дѣлѣ. Суббота (шамбе) такой же несчастный и неблагополучный день, какъ и вторникъ.

Наканунѣ того дня, въ который назначено отправлять подарки (сунъ-ли значитъ посылать, отправлять подарки), въ домѣ родителей жениха идутъ дѣятельныя приготовленія и хлопоты: рѣжутъ быковъ, предназначенныхъ для обѣда въ этотъ день, вмазываютъ казаны, въ которыхъ приготовляется обѣдъ, пекутъ въ большомъ количествѣ хлѣбы „пань-цзы“ и маленькіе сладкіе хлѣбцы „го-цзы“, пишутъ и разсылаютъ пригласительные билеты на красной бумагѣ (можно и на бѣлой, если не имѣется хорошей красной) всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, многимъ мулламъ и ахунамъ на завтрашнее торжество; приглашаются при этомъ также и остальные члены ихъ семьи, т. е. женщины и дѣти. Дворъ выметается, и часть его отгораживается чіемъ или циновками, гдѣ будутъ обѣдать приглашенные мужчины; женщины же и дѣти обѣдаютъ отдѣльно отъ послѣднихъ въ жилыхъ комнатахъ, если же комнатъ мало и всѣ женщины и дѣти помѣститься не могутъ, то и для нихъ отгораживаютъ отдѣльное помѣщеніе рядомъ съ помѣщеніемъ для мужчинъ, но только оно отгораживается болѣе тщательно и болѣе глухо закрывается тѣми же берданками или цыновками, которыя плетутся самими дунганами изъ камыша. Если же стоитъ ненастная погода, то во дворѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должны обѣдать, дѣлается навѣсъ изъ тѣхъ же берданокъ, которыя поддерживаются длинными тонкими шестами, вкапываемыми въ землю. Въ этотъ же день, т. е. когда идутъ дѣятельныя приготовленія, или наканунѣ торжества, жены ближайшихъ родственниковъ (цинъ-ци) и знакомыхъ и друзей (сянъ-хао-ди) со взрослыми дѣвушками и дѣтьми являются на помощь (банъ-манъ) хозяйкѣ дома, а больше приходятъ для того, чтобы пріятно и весело провести время въ разговорахъ, въ со-

общеніи другъ другу различныхъ новостей и не безъ того, конечно, чтобы не посплетничать. Ихъ угощаютъ чаемъ съ сушеными фруктами и обѣдомъ; здѣсь онѣ нерѣдко и ночуютъ.

Когда уже начинаетъ темнѣть, приглашаютъ за небольшое вознагражденіе (отъ двухъ до трехъ рублей на всѣхъ) нѣсколько человѣкъ поваровъ, которые приготовляютъ кушанья ночью; на слѣдующій день ихъ подаютъ гостямъ уже разогрѣтыми. Вотъ названія этихъ кушаньевъ въ томъ порядкѣ, какъ ихъ подаютъ гостямъ на обѣдъ, *Сяо-чи-изы*, т. е. „малый обѣдъ":

1) *Фынь-и-дань*—яйца куриныя, собственно желтки, зажаренные на постномъ маслѣ (цинъ-ю), всегда льняномъ, и посыпанные мелкимъ толченымъ сахаромъ.

2) *Мынь-изы*—рубленое мясо, какъ для котлетъ, и скатанное такъ же, какъ и наши колобки или фрикадельки, величиною не болѣе послѣднихъ. Зажариваются въ говяжьемъ салѣ и въ жирномъ соусѣ-подливѣ, въ которомъ и подаются. Подливъ поочереди выпивается всѣми обѣдающими.

3) *Жи-цзя-нь-чжоу* — черный изюмъ, сваренный съ зернами грецкаго орѣха и мелкими кусочками поджареннаго мяса и облитый медомъ.

4) *Цза-гэ*—ноги, губы, голова говяжьи, сваренныя и разрѣзанныя небольшими тонкими ломтиками, почему предварительно всѣ мягкія части тщательно очищаются отъ костей; подаются въ супѣ.

5) *Лянь-жоу*—холодное мясо, нарѣзанное тонкими ломтями, предварительно сваренное въ соусѣ изъ различныхъ кореньевъ: корицы, гвоздики, съ которыми и подается.

6) *Фынь-и-дань*—въ сущности то же, что и первое блюдо, только яйца прожарены больше, почему они выходятъ круче; кромѣ того, они облиты щедро дунганскимъ медомъ (танъ-си) и посыпаны мелкимъ сахаромъ гуще, чѣмъ первое.

7) *Ту-пи-ръ*—кожа съ мясомъ отъ бычачьей головы, сваренная съ различными приправами и нарѣзанная продолговатыми тонкими ломтиками.

8) *Цзо-гэ*—брюшина, кишки, сердце, легкія; все это нарѣзано мелкими кусочками и сварено въ супѣ, сильно приправленномъ дунганскимъ уксусомъ (цу).

9) *Сао-мэй*—пельмени съ изюмомъ, черными орѣхами и кусочками

соли, зажарены въ говяжьемъ салѣ и обсыпаны толченымъ сахаромъ.

10) *Вань-цзы*—рубленое мясо, какъ для котлетъ, скатанное въ шарики, сильно поджаренное; подается въ говяжьемъ супѣ.

Вотъ и всѣ блюда, входящія въ составъ такъ называемаго „малаго обѣда". Всѣхъ этихъ блюдъ подаютъ понемногу, не болѣе какъ по половинѣ чашки, такъ что на каждаго сидящаго за столикомъ приходится не болѣе одного — двухъ кусочковъ. Вслѣдъ за малымъ обѣдомъ сейчасъ же слѣдуетъ главный обѣдъ, или „*чжень-си*", т. е. настоящее торжество или угощеніе.

1) *Ю-сянъ* — лепешки, жареныя на постномъ маслѣ; ихъ подаютъ первыми въ главномъ обѣдѣ.

2) *Тунъ-жоу*—жареное небольшими кусочками мясо; подаютъ съ подливомъ.

3) *Чженъ-момо*—хлѣбцы бѣлые, паровые, подаютъ по 2 — 3 штуки на человѣка. Хлѣбцы эти небольшіе, круглой формы, свѣжіе или горячіе; они очень вкусны.

4) *Танъ-панъ-цзы*—свареныя ягоды, изюмъ съ грецкими орѣхами, закатываются въ прѣсное тѣсто, потомъ поджариваются въ салѣ и обсыпаются сахаромъ.

5) *Цзо-гэ*—внутренности бычачьи: брюшина, кишки, сердце, легкія, т. е. то же, что и въ маломъ обѣдѣ, но подаются нѣсколько бо̀льшими кусочками и притомъ съ мясомъ.

6) *Лянъ-жоу*
7) *Фынъ-и-дань*
8) *Ту-пи-ръ* или *лянь-цзы*
— то же, что и въ сяочи-цзы, или въ „маломъ обѣдѣ".

9) *Сяо-цао*—мясо, слегка поджаренное; подаютъ съ гороховой лапшой (фынъ-тяо-цзы), но безъ всякаго соуса или подлива.

10) *Тянь-жоу* — мясо, вареное съ лукомъ, морковью и редиской и нарѣзанное довольно большими ломтями; оно подается съ соусомъ и съ означенными приправами.

11) *Цза-гэ*—то же, что и въ сяо-чи-цзы, только безъ мяса.

12) *Ху-жоу*—жаркое; мясо нарѣзывается большими кусками и подается съ подливомъ.

13) *Вань-цзы,*—смотр. сяо-чи-цзы—рубленое мясо съ морковью, лукомъ, сушеными грибами, доставаемыми изъ Кашгара или Кульджи, и рѣдькой; рѣдька красная, китайская, по вкусу своему похожа на рѣдиску.

Кромѣ того, подаютъ въ разныхъ видахъ лапшу или вермишель, которая у дунганъ бываетъ двухъ родовъ—одна приготовляется изъ гороховаго крахмала, а другая изъ обыкновенной муки, та и другая подаются въ мясномъ бульонѣ съ мелкими кусочками мяса. Всѣхъ кушаній „большого обѣда“ подаютъ по полной чашкѣ, а не по половинной, какъ въ „маломъ обѣдѣ“, или сяо-чи-цзы.

Рано утромъ дворъ въ домѣ жениха покрываютъ соломой, т.-е. то мѣсто, гдѣ гости будутъ обѣдать, и застилаютъ кошмами. У дверей дома, вдоль стѣны, ставятъ нѣсколько высокихъ столовъ или досокъ на высокихъ стойкахъ, и покрываютъ ихъ одѣялами или же какой-нибудь цвѣтной (больше красной) бумажной матеріей, главнымъ образомъ, кумачомъ; на эти столы съ утра выставляютъ напоказъ всѣ подарки, предназначенные для невѣсты, чтобы присутствующіе и приходящіе могли ихъ видѣть. Около нихъ всегда находится порядочная толпа народу, начиная отъ малыхъ ребятъ и кончая взрослыми. По временамъ для осмотра ихъ выходятъ изъ комнаты пріѣхавшія въ гости женщины, по преимуществу старшаго возраста, посмотрятъ, потолкуютъ, пощупаютъ, сдѣлаютъ по-своему оцѣнку и важно, степенно опять уходятъ въ комнаты. Молодыя женщины и взрослыя дѣвушки осматриваютъ эти подарки сейчасъ же по прибытіи въ домъ хозяевъ, на пути въ комнаты, и послѣ уже не выходятъ.

Довольно рано начинается пріѣздъ гостей. Прежде всего ѣдутъ на телѣгахъ женщины съ малыми дѣтьми, и дѣвушки, разряженныя въ яркаго цвѣта шелковыя и бумажныя матеріи. Волосы ихъ щедро убраны искусственными цвѣтами, особенно у дѣвушекъ; на головахъ золотыя и серебряныя украшенія, въ ушахъ такія же по большей части длинныя серьги. Ненужно особенно присматриваться, чтобы замѣтить, чло молодыя замужнія женщины и дѣвушки не пожалѣли щедрою рукою положить на свои лица, въ томъ числѣ на уши и на шею, толстый слой бѣлилъ, румянъ и пудры, лишь бы показаться красивѣе; при тряской ѣздѣ бѣлила и пудра легко обсыпаются и падаютъ кусками на плечи и грудь ихъ обладательницъ, образуя на ихъ лицахъ полосы въ нѣсколько рядовъ. Но это никого не смущаетъ. Легко также замѣтить, что брови у всѣхъ весьма тщательно и аккуратно подведены черной краской, а ногти свои дунганскія

красавицы до половины выкрасили красной краской. Въ такой день нерѣдко встрѣтить телѣгу, наполненную почти одними дѣтьми: ихъ широкія плоскія лица выражаютъ довольство; глубоко сидящіе черные маленькіе глаза весело выглядываютъ изъ-подъ косой узкой глазной щели. Рѣзко бросаются въ глаза широкіе, приплюснутые носы, до того расплывшіеся посрединѣ, что спинка едва выдается надъ щеками маленькаго его обладателя; не ускользнетъ отъ вниманія большая величина дѣтской головки, нерѣдко спереди до половины выбритая, съ нѣсколькими тоненькими, съ боковъ и сзади заплетенными косичками, и покрытая яркими цвѣтными шапочками у мальчиковъ и обиліемъ пестрыхъ цвѣтовъ у дѣвочекъ. Все это представляетъ своеобразную, довольно оригинальную картину.

Ѣдущіе везутъ съ собой на телѣгахъ маленькіе свои обѣденные столики, на которыхъ и будутъ обѣдать. Дѣти держатъ въ рукахъ связки палочекъ, круглыхъ или четырехугольныхъ, чернаго или другого какого-либо цвѣта,—это китайскія ложечки, которыми дунгане обыкновенно ѣдятъ (куэй-цзы), везутъ и небольшія фарфоровыя или глиняныя чашки (послѣднія всѣ безъ исключенія производства нашего Кузнецова), такъ какъ каждая семья, приглашенная на такой большой обѣдъ, должна везти съ собой свои столики, свои ложки и посуду. Привезенные столики разставляютъ во дворѣ на постланныхъ кошмахъ или же вносятъ въ комнаты и ставятъ на полу или на канахъ; но каждый столикъ ставится всегда отдѣльно.

Подъѣздъ гостей увеличивается все болѣе и болѣе: вскорѣ за женщинами начинаютъ прибывать и мущины, они по большей части прямо приходятъ отъ работы и въ томъ же самомъ костюмѣ.—Насколько прекрасная половина изощряется въ нарядахъ и старается ими блеснуть передъ другими, настолько мущины совершенно равнодушны къ своему костюму, даже молодежь и та не выказываетъ особаго стремленія къ щегольству. Говоръ, шумъ и шутки увеличиваются во дворѣ, часть прибывшихъ толпится около выставленныхъ подарковъ; вмѣстѣ съ мущинами здѣсь свободно стоятъ старухи и принимаютъ участіе въ общемъ разговорѣ, другіе въ сторонѣ двора ведутъ дѣловой разговоръ по хозяйству, болѣе пожилые, сидя у стѣнъ забора, вспоминаютъ свою жизнь въ Китаѣ и битвы свои съ китайцами, вспоминаютъ

также и своего предводителя Біянъ-хо [1]); около нихъ стоитъ небольшая группа молодыхъ, которые внимательно слушаютъ разсказы стариковъ, другіе обсуждаютъ дѣла и распоряженія своего волостного и біевъ или же сообщаютъ новости, исходящія отъ уѣздной администраціи и приказанія послѣдней. Все, что касается администраціи и ея распоряженій, дунгане особенно любятъ обсуждать, касается ли дѣло ихъ самихъ или же ихъ сосѣдей-киргизовъ и русскихъ. Молодые же шутятъ, играютъ, придумываютъ разныя забавы и игры, иной изъ нихъ засматриваетъ черезъ окно въ комнату, гдѣ сидятъ женщины и дѣвушки, и если окно цѣлое, то онъ постарается его проткнуть пальцами, но грозные оклики матерей заставляютъ быстро удалиться непрошеннаго наблюдателя; болѣе же смѣлый вбѣжитъ неожиданно въ комнату, гдѣ сидятъ дунганскія красавицы, оттуда его быстро выпроваживаютъ, стоящіе же на дворѣ товарищи встрѣчаютъ его насмѣшками и шутками. При такихъ неожиданныхъ набѣгахъ и продѣлкахъ молодыхъ людей нельзя особенно замѣтить, чтобы молодыя женщины и дѣвицы спѣшили быстро отвернуться и закрыть свои лица; онѣ, повидимому, не замѣчаютъ любопытныхъ взоровъ молодыхъ кавалеровъ; если же и отвертываются въ уголъ и закрываются, то дѣлаютъ это по большей части тогда, когда уже раздастся заботливый и предостерегающій голосъ какой-либо старухи или строгой мамаши, у дочки которой лицо изрыто натуральной оспой. Но главнымъ образомъ мишенью для насмѣшекъ служитъ самъ женихъ. Для своихъ сверстниковъ онъ положительно является козломъ отпущенія: всякаго рода остроты, по большей части грубыя и самыя вульгарныя, сыплются на него въ изобиліи; дружескихъ, товарищескихъ колотушекъ и щипковъ также достается ему не мало, но онъ все переноситъ со спокойствіемъ, достойнымъ лучшей участи

Оживленіе и возбужденіе во дворѣ достигло большихъ размѣровъ, такъ какъ народу стараго и малаго собралось много. Смѣхъ то и дѣло раздается въ разныхъ концахъ двора. Въ играхъ и шуткахъ приняли участіе уже и старшіе. Но... тихо и неза-

---

[1]) Объ этомъ предводителѣ подробно говорится въ моей статьѣ „Послѣдній эпизодъ дунганскаго возстанія", помѣщенной въ „Памятной книжкѣ Семирѣченскаго областного статистическаго комитета" за 1901 годъ

мѣтно изъ-за угла улицы показался медленно-идущій, опирающійся на палку, старикъ-мулла въ большой бѣлой чалмѣ. Не доходя трехъ-четырехъ шаговъ до воротъ дома, онъ произноситъ привѣтствіе (салямъ). Хотя онъ произнесъ его своимъ старческимъ и разбитымъ голосомъ тихо, но это привѣтствіе всѣ услышали; во дворѣ все смолкло; всѣ разомъ—большіе и малые—отвѣтили привѣтствіемъ прибывшему муллѣ или ахуну. Важно и съ достоинствомъ, съ полнымъ сознаніемъ своей нравственной силы и значенія, медленно проходитъ онъ, посреди вставшихъ, черезъ весь дворъ, сопровождаемый самимъ хозяиномъ, который встрѣтилъ его еще за воротами своего дома. Всѣ находящіеся во дворѣ отвѣшиваютъ ему почтительные поклоны, на которые онъ тоже отвѣчаетъ легкими поклонами; наиболѣе уважаемымъ или старикамъ онъ подаетъ одну или обѣ руки, которыя они съ признательностью пожимаютъ обѣими своими руками. Нерѣдко приходятъ прежде болѣе молодые муллы, если ихъ не задержитъ дома какое-либо важное дѣло или работа, а послѣ уже являются старые и пожилые муллы и ахуны, но одинаково какъ тѣхъ, такъ и другихъ всѣ встрѣчаютъ съ глубокимъ уваженіемъ, и уже при нихъ говоръ и смѣхъ, шутки и игры стихаютъ; бывшее до того общее оживленіе уменьшается. Каждый мулла, приходящій затѣмъ, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до воротъ дома, произноситъ привѣтствіе, на которое ему отвѣчаютъ всѣ присутствующіе во дворѣ. Хозяинъ дома и его ближайшіе родственники встрѣчаютъ каждаго муллу за воротами своего дома, а также и наиболѣе уважаемыхъ изъ гостей. Прибывающіе муллы и ахуны степенно проходятъ въ помѣщеніе, особо для нихъ предназначенное; за неимѣніемъ же свободной для нихъ у хозяина комнаты, они помѣщаются и въ обыкновенномъ сараѣ, гдѣ и усаживаются съ важнымъ видомъ. Муллы и ахуны приглашаются всегда въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ; чѣмъ ихъ больше приглашается, тѣмъ происходящее семейное празднество считается наиболѣе важнымъ и торжественнымъ. Вмѣстѣ съ муллами и ахунами являются и ихъ ученики-подростки; послѣдніе приходятъ всегда ранѣе своихъ наставниковъ.

Какъ только соберутся всѣ муллы и ахуны, они немедленно усаживаются за разставленные столики, присутствующіе здѣсь молодые ученики „мынъ-ла“ (встрѣчаются между ними иногда и

болѣе зрѣлаго возраста) берутъ со средняго столика, находящагося въ центрѣ другихъ, лежащій тамъ въ нѣсколькихъ тонкихъ пачкахъ коранъ и поспѣшно разносятъ ахунамъ и мулламъ, которые и читаютъ ихъ вполголоса. Коранъ разбитъ не менѣе какъ на двадцать или тридцать частей; каждый мулла и ахунъ беретъ себѣ одну часть, которую онъ и долженъ здѣсь прочитать всю до конца. Читаютъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ въ одно и то же время, читаютъ очень скоро, такъ что чтеніе это занимаетъ не болѣе получаса времени, въ теченіе котораго общими силами всѣхъ находящихся здѣсь муллъ и ахуновъ и прочитывается, будто бы, весь коранъ. Всѣ присутствующіе, какъ большіе, такъ и малые, слушаютъ чтеніе корана усердно и внимательно. Одинъ изъ главныхъ или старыхъ муллъ, какъ только кончитъ чтеніе своей части, не дожидаясь своихъ собратій, кончили они или нѣтъ, произноситъ громко „аомина“, т. е. аминь, и всѣ находящіеся гости, вытянувъ свои руки нѣсколько впередъ и съ опущенными глазами, смотря на собственныя свои сближенныя ладони, читаютъ про себя „дуваръ“ молитву (сартовское, киргизское, татарское—дува, дуа или дуга), а по окончаніи „дуваръ“, одни ученики убираютъ со столиковъ книги и связываютъ ихъ въ одну пачку, такъ какъ къ окончанію дуваръ обыкновенно и всѣ прочіе муллы уже успѣваютъ окончить чтеніе своей части, а другіе ученики, сидя около столиковъ, начинаютъ своими рѣзкими голосами распѣвать священные стихи изъ книги „мэдэхаръ“.

По окончаніи пѣнія одного стиха, мальчики или взрослые, приглашенные подавать кушанья (дуань-си-ди, т. е. подающіе кушанья), ставятъ на каждый столикъ по чашкѣ съ кушаньемъ и отходятъ къ кухнѣ, гдѣ повара наполняютъ вторыя чашки слѣдующимъ кушаньемъ. Когда первое кушанье будетъ съѣдено гостями, то ученики какого-либо ахуна или муллы поютъ слѣдующій стихъ изъ книги Мэдэхаръ или повторяютъ тотъ же самый; по окончаніи его дуань-си-ди несутъ слѣдующее кушанье, а первыя пустыя чашки убираютъ и относятъ къ поварамъ, тѣ наполняютъ ихъ новымъ кушаньемъ. Лишь гости съѣдятъ поданное кушанье, какъ ученики, по возможности другого муллы, опять поютъ стихи изъ Мэдэхаръ, по окончаніи пѣнія которыхъ опять подается новое кушанье и т. д. Стихи изъ Мэдэхаръ поются послѣ каждаго блюда только во время малаго обѣда (сяо-чи-цзы,)

во время же большого, торжественнаго обѣда (чжень-си) стихи поются не болѣе трехъ разъ, а обыкновенно ограничиваются однимъ или двумя разами, и притомъ въ началѣ обѣда.

По окончаніи обѣда, совершивъ молитву, родственники и нѣкоторые изъ приглашенныхъ для этого гостей укладываютъ на подносы лежавшіе до этого времени на столахъ подарки, предназначенные для невѣсты; затѣмъ, выстроившись въ извѣстномъ порядкѣ, они несутъ подарки въ домъ ея. Впереди мальчуганы, со смѣхомъ и шутками, гонятъ барановъ, спины которыхъ выкрашены красной краской. Окраска животныхъ въ данномъ случаѣ выражаетъ символъ торжества, побѣды. Затѣмъ несутъ на подносахъ деньги, серебряныя вещи и т. д. въ томъ порядкѣ, какъ они выше были здѣсь обозначены. Каждую вещь несутъ на отдѣльномъ подносѣ. Родители жениха, самъ женихъ и даже ближайшіе родственники остаются дома. Подарки же сопровождаютъ ахунъ или мулла, въ приходѣ котораго состоитъ женихъ, и упоминаемые выше три свата. Эти лица замыкаютъ собою процессію несущихъ подарки. Хотя дунгане народъ трудолюбивый и дорожащій своимъ временемъ, но на подобное празднество, которое составляетъ выдающееся событіе въ ихъ повседневной и однообразной жизни, небогатой вообще внѣшними впечатлѣніями, всегда является поглазѣть не мало охотниковъ и любопытныхъ. Такимъ образомъ процессію несенія подарковъ сопровождаетъ порядочная толпа не только взрослыхъ мужчинъ, но и стариковъ, которыхъ немало присоединяется по дорогѣ во время самаго шествія. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ это служитъ предлогомъ побесѣдовать лишній разъ съ добрымъ знакомымъ, а другіе разсчитываютъ, что родители невѣсты пригласятъ ихъ на обѣдъ, что почти всегда и бываетъ. Случается нерѣдко, что сопровождающая толпа ведетъ себя черезчуръ шумно и бойко; тогда мулла и сваты внушительно ее останавливаютъ. Степенно и съ достоинствомъ выступаютъ участники процессіи; они проникнуты сознаніемъ серьезности того дѣла, исполненіе котораго на нихъ въ настоящее время возложено, дѣла, имѣющаго общественный интересъ и происходящаго поэтому открыто, на глазахъ всѣхъ. Въ данномъ случаѣ мулла или ахунъ и сваты являются не только охранителями матеріальнаго достоянія родителей жениха, имъ ввѣреннаго, но они являются въ то же время охранителями его достоинства и чести, которыя

они и должны поддерживать. Вотъ почему это событіе (отправка подарковъ невѣстѣ) имѣетъ въ жизни дунганъ такое важное значеніе.

Въ домѣ родителей невѣсты наканунѣ, въ ожиданіи полученія подарковъ, и въ этотъ день также идутъ дѣятельныя приготовленія и хлопоты, какія мы видѣли раньше въ домѣ жениха, здѣсь происходитъ такая же суматоха и возня, какъ и тамъ. Родители невѣсты также приглашаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и общими силами стараются достойно встрѣтить представителей отъ жениха. Здѣсь также разложены и выставлены напоказъ подарки, предназначенные для жениха. Вотъ они:

1) Башмаки (хай) одна пара.

2) Чулки (ва-цзы) одна пара.

3) Халатъ (пао-цзы) бумажной матеріи или шелковой, одна штука.

4) Поясъ (вэй-ду-цзы) съ вышитымъ разноцвѣтнымъ широкимъ мѣшечкомъ для денегъ, одна штука.

5) Шапка (мао-цзы) одна штука.

6) Наушники (эрду-тао-цзы), вышитые и отдѣланные красиво и изящно разноцвѣтнымъ шелкомъ, внутри подбитые какимъ-либо мѣхомъ, по большей части лисьимъ, одна штука.

7) Козырекъ (эр-чма-цзы), сдѣланный изъ бумаги, покрытый шелковой матеріей и вышитый разноцвѣтными шелковыми нитками, складывающійся въ видѣ вѣера, служитъ для защиты глазъ отъ солнца (глазной щитокъ отъ солнца), одна штука.

8) Серебряное кольцо, одна штука.

9) Вѣеръ (шань-цзы), одна штука.

10) Хлѣбы (хуа-момо) большіе, разрисованные красной краской, нѣсколько штукъ.

11) Разныя печенія самой причудливой формы — то въ видѣ змѣи или лягушки, то въ видѣ какой-либо птицы, черепахи, рыбы и т. п. Какъ передъ женихомъ, такъ и передъ всей публикой невѣста (вѣрнѣе ея родня) стараются блеснуть своимъ искусствомъ и находчивостью, чтобы не ударить лицомъ въ грязь. Каждое печенье извѣстной формы кладутъ на отдѣльный подносъ и тутъ же двѣ—три копейки денегъ; послѣднія предназначаются для несущихъ. Деньги завертываютъ въ красную бумажку.

12) Курица жареная, наверху которой большой пѣтухъ, сдѣ-

ланный изъ разноцвѣтной бумаги. Послѣднее означаетъ символъ покорности, готовность слушаться и безпрекословно подчиняться всегда и во всемъ своему будущему мужу, какъ главѣ и хозяину дома, какъ прямому и непосредственному защитнику и повелителю жены.

Въ домѣ родителей невѣсты, хотя приглашенныхъ бываетъ такъ же много, какъ и у жениха, но здѣсь не наблюдается того оживленія и того веселаго настроенія, какъ въ домѣ послѣдняго, да оно и понятно: всѣ эти приготовленія, и ожидаемая съ часу на часъ присылка подарковъ отъ жениха говорятъ родителямъ о предстоящей разлукѣ съ дочерью. На глазахъ отца и матери чаще и чаще показываются слезы, и ихъ серьезное душевное настроеніе невольно передается также собравшимся гостямъ. Хотя, благодаря вліянію китайской культуры, женщина у дунганъ поставлена выше и пользуется бо́льшею свободою и бо́льшими правами, нежели у сартовъ и киргизовъ, но исповѣдуемая ими (дунганами) мусульманская религія безпощадно обрекла женщину на подчиненное, рабское положеніе; по религіозному ихъ воззрѣнію, она есть вещь, раба и почти безправное существо; при случаѣ мужъ, опираясь на свое право, предоставленное ему религіей, можетъ сдѣлать все, что ему угодно, а муллы и ахуны такъ суровы, строги и такъ ревниво оберегаютъ букву Мохамедова закона, что ей нечего надѣяться на ихъ защиту или покровительство, если ее постигнетъ немилость и несправедливость мужа. Все это хорошо сознаютъ родители невѣсты, а въ особенности мать ея. Послѣдняя по выходѣ своемъ замужъ сама не мало пережила тяжелыхъ минутъ въ первые годы брачной жизни. Такая же участь ожидаетъ и ея дочь. Пришедшія въ гости молодыя подруги невѣсты также на этотъ разъ смѣются меньше, меньше острятъ; онѣ хорошо понимаютъ, что не сегодня, завтра и ихъ ожидаетъ такая же участь. Со дня полученія большихъ подарковъ поворотъ назадъ, какъ я сказалъ уже, немыслимъ. Тѣмъ серьезнѣе этой день въ жизни дунганской дѣвушки; оттого и не слышно веселаго, здороваго смѣха, не видно играющихъ и бѣгающихъ. Мнѣ не разъ приходилось бывать какъ въ этотъ день, такъ и въ день свадьбы въ домѣ родителей невѣсты, и у меня послѣ всего видѣннаго и слышаннаго всегда оставалось тяжелое впечатлѣніе. Разница въ душевномъ настроеніи всѣхъ находящихся

въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты слишкомъ рѣзкая, чтобы ее не замѣтить. Можетъ быть, тутъ есть и другія причины, которыхъ мнѣ не удалось подмѣтить.

Лишь одни муллы и ахуны въ своихъ большихъ чалмахъ и длинныхъ халатахъ какъ тамъ такъ и здѣсь остаются безстрастны; они одинаково молчаливы и сурово-важны; подъ ихъ чалмой давно уже изсякла всякая живая мысль и выраженіе ихъ лицъ такое же сѣрое и безжизненное, какъ сѣры и безжизненны стѣны тѣхъ мечетей, въ которыхъ они молятся ежедневно не менѣе пяти или семи разъ въ сутки. Сердце ихъ, скованное рамками узкаго формализма той религіи, служителями и строгими защитниками которой они являются, чуждо живой и теплой любви, и бѣдная женщина, которую постигнетъ случайное несчастіе или которая, по прихоти и капризу мужа, впадетъ къ нему въ немилость, не найдетъ себѣ въ этихъ строгихъ охранителяхъ и представителяхъ религіи никакой ни поддержки, ни защиты; она въ такихъ случаяхъ должна сама себя защищать, и мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, что замужняя дунганка съ успѣхомъ отстаивала свои права и интересы, не прибѣгая къ защитѣ или посредничеству своихъ муллъ, въ крайнемъ случаѣ игнорируя даже ихъ авторитетъ.

Между тѣмъ отецъ невѣсты съ ахуномъ, въ приходѣ котораго онъ состоитъ, и со своими гостями встрѣчаетъ пришедшихъ съ подарками отъ жениха возлѣ тѣхъ же столовъ, на которыхъ разложены подарки жениху отъ невѣсты. Принесшіе раскладываютъ свои подарки на этихъ же столахъ, послѣ чего обѣ стороны, каждая во главѣ со своимъ ахуномъ, становятся одна противъ другой. Ахунъ со стороны жениха говоритъ первымъ. Содержаніе его рѣчи, главнымъ образомъ, касается значенія настоящаго событія, происходящаго между двумя семействами, которыя вступаютъ въ близкое родство между собою, говоритъ о важномъ значеніи брака, все это подкрѣпляя подходящими цитатами и соотвѣтственными изреченіями изъ корана на арабскомъ языкѣ, которыя сейчасъ же объясняетъ и переводитъ на дунганскій или, что то же, на китайскій. Чѣмъ ахунъ больше приведетъ изреченій изъ корана и чѣмъ пространнѣе и вразумительнѣе ихъ объяснитъ, тѣмъ ему больше чести и славы; въ такихъ случаяхъ ахуны стараются блеснуть своею ученостью и своимъ краснорѣчіемъ; въ заключеніе же своей витіеватой и

пространной рѣчи ахунъ этотъ говоритъ приблизительно слѣдующее, что записалъ В. Ѳ. Ладыгинъ такъ:

„Цзыю и цзянъ цинъ. „Ли-фу бу цзя, хао хань нань данъ". Сао лянь-шанъ-ди-ту-ци, цзай гунянъ-ди фынъ-чжунь, синъ-види чже и-дяръ ли-синъ. Ѣ бу-сы ахунъ-ди мянь-цянь бэй-ди ѣ бу-сы гунянъ шу-фо юнъ-ди, ляо-ли ха-вань синь-сы". Въ переводѣ на русскій языкъ будетъ значить слѣдующее: „Есть только одно (т.-е. выскажу только одну мысль), что „безъ денегъ трудно быть молодцомъ". Стеревъ пыль съ лица (т.-е. краску стыда на лицѣ нашемъ), говорю, что мы предложили такіе подарки, которыми удовлетворился бы развѣ только ахунъ, но совершенно непригодны для такой достойной дѣвушки. Исполнили мы только малое желаніе нашего сердца".

На эту рѣчь ахунъ со стороны невѣсты отвѣчаетъ краткою рѣчью, въ которой также въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, съ прибавленіемъ неизбѣжныхъ изреченій изъ корана, благодаритъ отъ имени родителей невѣсты за присланные подарки и выражаетъ вступающимъ въ родство семействамъ и молодымъ пожеланіе счастливой, полной и разнообразной жизни, какъ полно и разнообразно все принесенное отъ жениха, затѣмъ указываетъ прибывшимъ гостямъ на подарки, приготовленные отъ невѣсты жениху, и, въ заключеніе, отъ имени родителей послѣдней проситъ извиненія, что они предложили столь малые и весьма незначительные подарки. По окончаніи рѣчи послѣдняго ахуна обѣ стороны одновременно кланяются другъ другу и говорятъ салямъ, послѣ чего приглашаютъ гостей садиться за столики. Опять также начинается чтеніе корана приблизительно такимъ же числомъ ахуновъ и муллъ; по окончаніи чтенія, поются стихи изъ Мэдехаръ и слѣдуетъ угощеніе обѣдомъ, порядокъ котораго, какъ и самыя кушанія, такіе же, какъ и въ домѣ жениха.

По окончаніи обѣда отецъ невѣсты вручаетъ подарки для передачи жениху; несутъ ихъ тѣ же самыя лица, которыя несли подарки невѣстѣ отъ жениха, и несутъ также на подносахъ, причемъ каждый предметъ лежитъ на отдѣльномъ подносѣ. Сопровождаетъ процессію тотъ же ахунъ и тѣ же три свата. Впереди несутъ жареную курицу, на которой красуется бумажный раскрашенный пѣтухъ, затѣмъ хлѣбы и разныя печенія. Настроеніе несущихъ подарки отъ невѣсты къ жениху рѣзко противополож-

ное тому, какое было, когда несли подарки отъ жениха къ невѣстѣ: всѣ возвращаются веселыми; смѣху, шуткамъ и остротамъ нѣтъ конца; та торжественность, та важность и серьезность, которыя наблюдались въ первый путь, на этотъ разъ совершенно отсутствуютъ. За то здѣсь бываетъ много балагурства, игривости и шутовства; во всю дорогу отъ дома невѣсты и до дома жениха то и дѣло происходятъ комичныя сцены и выходки, которыя не прекращаются и тогда, когда процессія придетъ къ жениху. Рѣдко случается, чтобы курица, предназначенная собственно для жениха, доставлялась по назначенію цѣлостію, и почти всегда со смѣхомъ и шутками по адресу жениха, (что ему въ этотъ торжественный и знаменательный день не удастся отвѣдать вкусной стряпни изъ дома невѣсты), ее всю съѣдаютъ, а жениху остаются только обглоданныя кости да бумажный пѣтухъ; ихъ ему и приподносятъ торжественно. Точно такъ же уничтожается по дорогѣ часть хлѣбовъ и печеній; послѣдніе не всѣ, часть ихъ оставляютъ и на долю жениха, чтобы и онъ хоть немного отвѣдалъ, насколько хороши и вкусны гостинцы, присланные невѣстой. Какой-нибудь шутникъ со смѣхомъ надѣваетъ жениху на голову принесеннаго бумажнаго пѣтуха, а другой съ ужимками и прибаутками преподноситъ ему остатки курицы, а третій хлѣбъ и печенія. Остальные подарки передаютъ отцу жениха, который благодаритъ принесшихъ, а также благодаритъ ахуна и сватовъ. Ахунъ получаетъ при этомъ небольшое вознагражденіе.

Говоря о подаркахъ, посылаемыхъ отъ жениха невѣстѣ, представляемыхъ по требованію родителей невѣсты, а слѣдовательно относящихся къ разряду обязательныхъ, надо замѣтить, что въ числѣ ихъ всегда, даже если бываетъ и небогатая свадьба, можно встрѣтить нѣсколько подарковъ, которые хотя и необязательны, но посылаются въ силу установившагося обычая,—а именно: на отдѣльныхъ подносахъ лежатъ нѣсколько кусковъ хорошаго мыла, маленькое зеркальце, съ одной стороны обшитое шелковой матеріей и вышитое разноцвѣтными шелковыми нитками, къ зеркальцу этому бываетъ привязана шелковая или серебряная цѣпочка. Молодыя дунганки, женщины и дѣвушки, наряжаясь и отправляясь куда-либо въ гости, подобное зеркальце надѣваютъ на шею; оно обыкновенно и красуется на ихъ груди сверху всей остальной одежды, и къ нему онѣ часто прибѣгаютъ для попра-

вленія своего туалета, какъ-то: прически, цвѣтовъ, лежащихъ на головѣ, или если нужно положить свѣжій слой пудры, бѣлилъ, румянъ. Зная эту слабость своей прекрасной половины, дунгане въ числѣ подарковъ посылаютъ невѣстѣ банку съ пудрой и пуховкой, а также банку бѣлилъ, кромѣ того, китайскій приборъ для чистки зубовъ, или же въ отдѣльности зубную щетку, зубочистку, копоушку (для чистки ушей) и небольшіе щипчики для выдергиванія волосъ изъ носу,—послѣднія три вещи сдѣланы изъ желтой мѣди довольно аляповатой работы, онѣ всѣ вмѣстѣ часто бываютъ надѣты на шелковый шнурокъ или же на тонкую серебряную цѣпочку. Дунганки большія мастерицы и любительницы всякаго рода цвѣтовъ, почему въ числѣ подарковъ всегда можно видѣть на отдѣльныхъ подносахъ нѣсколько штукъ искусственныхъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ изъ разноцвѣтнаго шелка. Въ число подарковъ входятъ также небольшіе мѣдные тазы; по большей части ихъ даютъ двѣ штуки—одинъ предназначается для умыванія лица молодой, а другой для подмыванія половыхъ ея органовъ. Бѣдные же даютъ желѣзные раскрашенные тазы; кромѣ того, посылаютъ также рукомойникъ и одинъ или два небольшихъ сундучка или шкатулки, куда невѣста могла бы складывать всѣ принадлежности своего туалета, какъ до свадьбы, такъ и послѣ того. Всѣ эти предметы въ требованіи родителей невѣсты не обозначаются, а всякій посылаетъ столько, сколько можетъ, смотря по своимъ средствамъ. Отправляя открыто подарки невѣстѣ, родители жениха помнятъ, что всякій дунганинъ видитъ, какое имущество дается молодой, а потому считается съ контролемъ общественнаго мнѣнія.

Перечисляя ранѣе обязательные подарки, входящіе въ „тали“ или въ калымъ, и указавъ различныя головныя украшенія и браслеты, я тамъ сказалъ, что они посылаются серебряные; но богатые и зажиточные всѣ эти вещи посылаютъ сдѣланными изъ чистаго золота. Если серьги и головныя украшенія оригинальны по своей отдѣлкѣ и тонкой работѣ, особенно послѣднія, то браслеты ужъ очень просты и обыкновенны, а именно: они представляютъ собою совершенно гладкій кусокъ серебра или золота круглой формы, различной толщины, въ одномъ мѣстѣ насквозь разсѣченный для того, чтобы браслетъ могъ пригодиться на руку каждаго и каждой. Зная зажиточность жениха, родители

невѣсты въ своемъ требованіи обозначаютъ, чтобы означенныя вещи были золотыя. Кромѣ того, богатые выговариваютъ въ большомъ количествѣ различной одежды, а также нѣсколько кусковъ матеріи и сукна. Такъ, они не ограничиваются одной или двумя парами разнаго платья, а требуютъ не менѣе десяти штукъ лѣтнихъ одеждъ—различныхъ кофтъ, штановъ, а также по нѣскольку штукъ зимнихъ одеждъ, начиная со стеганыхъ штановъ на ватѣ, и кончая шубами, башмаками, чулками и т. д. Но какъ бы ни было велико число подарковъ, они всѣ легко вмѣщаются въ сундучкѣ средней величины.

Только что описанная церемонія отправленія „большихъ подарковъ" (та-ли), какъ и самая свадьба, по большей части происходитъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, или зимою, когда бываетъ свободное время и припасены для этого особыя деньги, о чемъ мы говорили выше. Если же, послѣ выраженнаго родителями невѣсты согласія на бракъ, свадьба имѣетъ совершиться скоро, дней черезъ 20—60, то не бываетъ поднесенія невѣстѣ „малыхъ подарковъ" (сяо-ли-ръ), а непосредственно, спустя условленное время, совершается обрядъ поднесенія „большихъ подарковъ" (та-ли); этотъ послѣдній обрядъ обязательно бываетъ во всякой свадьбѣ. Въ иныхъ случаяхъ пропускается сяо-ли-ръ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты.

Извѣщеніе о помолвкѣ и предстоящей свадьбѣ посылается со стороны невѣсты и всѣмъ отсутствующимъ родственникамъ, живущимъ иногда далеко, съ приглашеніемъ прибыть на таковую, причемъ, кромѣ письменнаго или словеснаго приглашенія, посылаются приглашаемымъ родственникамъ, гдѣ бы они ни были, сладкіе хлѣбцы (го-цзы), присланные женихомъ невѣстѣ или во время сяо-ли-ръ или во время та-ли, т.-е. „большихъ подарковъ". Но обязательно, чтобы были посланы эти хлѣбцы,—въ противномъ случаѣ, приглашенные обидятся и не поѣдутъ на свадьбу, хотя бы они получили самое убѣдительное приглашеніе прибыть на таковую. Но, какъ говорятъ сами дунгане, этотъ обычай, съ переходомъ ихъ въ Россію, сталъ соблюдаться уже не такъ строго, потому что здѣсь всѣ они живутъ сравнительно близко другъ отъ друга, приглашенные успѣваютъ легко прибыть или на сяо-

ли-ръ или на та-ли и, такимъ образомъ, могутъ отвѣдать этихъ хлѣбцевъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

Таковы въ главныхъ чертахъ нравы и обычаи, существующіе у дунганъ во время сватовства. Бываютъ, конечно, какъ вездѣ и всегда, нѣкоторыя отступленія. Такъ, у жениха во время „сяо-ли-ръ" и „та-ли" бываетъ малый, а у невѣсты большой обѣдъ; все зависитъ отъ средствъ и отъ того, какъ кто условится. Но также, за малымъ обѣдомъ, гдѣ бы и по какому бы случаю онъ ни происходилъ, муллы и ихъ ученики поютъ шесть—восемь разъ, а за большимъ обѣдомъ только одинъ разъ или много три раза. У однихъ подарки бываютъ разложены всего на 20—30 подносахъ,—это у бѣдныхъ и у людей средней зажиточности, а у богатыхъ—на 60—100 подносахъ.

Черезъ два три дня послѣ поднесенія „большихъ подарковъ", т.-е. уплаты калыма, сваты приходятъ къ отцу невѣсты и уговариваются съ нимъ о времени и днѣ свадьбы.—„Погодите, я посовѣтуюсь съ женой объ этомъ",—говоритъ отецъ невѣсты, такъ что назначеніе дня свадьбы зависитъ отъ матери ея. Послѣдняя, заранѣе разсчитавъ и сообразивъ, выбираетъ по возможности такое время, когда у дочери прошли регулы, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ этого. По словамъ другихъ, сваты уговариваются съ отцомъ невѣсты о днѣ свадьбы въ тотъ же самый день, когда ими были принесены „большіе подарки" (та-ли). Въ такомъ случаѣ сваты дожидаются ухода всѣхъ гостей; послѣ чего приступаютъ къ обсужденію и выбору дня свадьбы и возвращаются въ домъ жениха лишь тогда, когда будетъ окончательно выбранъ и назначенъ этотъ день. Мужъ, конечно, и въ такомъ случаѣ совѣтуется со своей женой. День свадьбы назначаютъ обыкновенно счастливый.

Ѳ. В. Поярковъ.

Нѣкоторыя черты изъ языческаго міросозерцанія зырянъ.

Приступая къ настоящему труду, я намѣтилъ себѣ скромную задачу—дополнить неточную картину языческаго міросозерцанія зырянъ.

Я не беру на себя смѣлости сказать, что мой небольшой трудъ, въ совокупности съ трудами другихъ авторовъ, дастъ точное представленіе о міросозерцаніи зырянъ. Какъ у меня, такъ и у другихъ этнографовъ не было точнаго матеріала. Тѣ матеріалы, какими они пользовались, такъ разнорѣчивы, такъ порою туманны, что стоитъ громадныхъ усилій разобраться въ нихъ. Скажу только, что сколько я ни читалъ сочиненій о религіозномъ міросозерцаніи зырянъ, я находилъ полное отсутствіе точныхъ свѣдѣній [1]). Настоящій трудъ я и посвятилъ заполненію этихъ значительныхъ пробѣловъ.

Вся вселенная, по вѣрованіямъ зырянъ, создана двумя верховными силами: Еномъ и Омелемъ.

Въ мракѣ и туманѣ томился Енъ. Одиночество несказанно угнетало его; наконецъ онъ дошелъ до того, что хотѣлъ лишить себя жизни, что и случилось бы, если бы его не спасла встрѣча съ подобнымъ ему существомъ—Омелемъ.

Енъ—богъ всего лучшаго, созданнаго на землѣ; онъ сотворилъ людей, звѣзды, солнце, лѣса и рѣки, а самъ удалился на

---

1) До сихъ поръ остается еще наиболѣе цѣннымъ трудъ Клавдія Попова: „Зыряне и зырянскій край". („Труды Этнографическаго отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э." книга 3, вып. 2. М. 1874). Въ послѣднее время изученіемъ зырянъ и особенно зыр. языка занимался доцентъ Гельсингфорсскаго университета д-ръ Вихманъ. См. также статью В. В. Кандинскаго: „Изъ матеріаловъ по этнографіи сысольскихъ и вычегодскихъ зырянъ. Національныя божества". (въ „Этн. Обозр. 1889 г., кн. 3). Ред.

небо и оттуда любуется на произведеніе своихъ рукъ, не вмѣшиваясь въ мірскія дѣла. Только временами Енъ открываетъ небо и показываетъ людямъ свое жилище. Небо тогда загорается разноцвѣтными огнями (сѣверное сіяніе), и въ это время Енъ безконечно добръ: исполняетъ всѣ просьбы людей, каждый смѣло можетъ просить все, чего хочетъ,—Енъ не откажетъ ему въ своей милости.

Омель мало похожъ на своего товарища. Вмѣсто прекраснаго неба, онъ предпочитаетъ мракъ и туманъ. Ко всѣмъ твореніямъ Ена Омель относился сначала скептически, но мало-по-малу началъ подражать ему. Однако Омель не обладалъ той могущественной силой, какъ Енъ, и, несмотря на всѣ свои усилія, ничего не могъ создать, исключая земноводныхъ, насѣкомыхъ, лѣсныхъ людей и водяныхъ (васъ). Происхожденіе болотъ зыряне также приписываютъ ему. Между прочимъ, надо отмѣтить характерную черту свойствъ верховныхъ существъ зырянъ. Сотворивъ міръ, они не вмѣшиваются въ мірскія дѣла созданныхъ ими людей. Они дали имъ полную свободу дѣйствій: дѣлайте, что хотите; мы сдѣлали свое дѣло, дали вамъ жизнь и землю. Только Енъ, въ видѣ исключенія, о чемъ я уже говорилъ выше, иногда открываетъ небо и исполняетъ просьбы людей.

Таковы Енъ и Омель. Теперь скажу немного о лѣсныхъ людяхъ, созданныхъ Омелемъ.

Лѣсные люди весьма похожи на людей; разница между ними небольшая. У лѣсныхъ людей пятки ногъ выворочены (таб'я кока); кости ихъ прозрачны, и они легки и быстры на ходу. Лѣсные люди стоятъ гораздо ниже людей, но постоянно стремятся стать съ ними на одинъ уровень. Говорятъ, что поводомъ къ этому является частое посѣщеніе людьми лѣсовъ, гдѣ лѣсныя женщины вступаютъ въ сношеніе съ ними, и плодомъ такой любви является человѣкъ. Впрочемъ, на мои разспросы объ этомъ, я получилъ отъ зырянъ довольно туманные отвѣты.

Лѣсныя женщины, какъ и мужчины, легки; кости ихъ прозрачны; ходятъ онѣ по водѣ, носятъ распущенные волосы. Вотъ какъ описываютъ ихъ охотники: она является просвѣчивающейся (видны кости), съ матовой блѣдностью на лицѣ и слабо окрашенными губами. Голосъ у нея нѣжный и пріятный и исполненъ грусти. Поетъ то тихо, то возвышая голосъ, то вновь опуская,

и отъ ея пѣнія захватываетъ какая-то нѣга, и такъ пріятно и грустно почему-то.

Не всѣ зыряне однако имѣютъ одинаковое представленіе о лѣсныхъ женщинахъ. Нѣкоторые охотники разсказываютъ, что видѣли лѣсную женщину, прыгающую съ дерева на дерево. Она съ длинными волосами; цвѣтъ лица темно-бронзовый, и обликъ лица некрасивъ. Всѣ лѣсныя женщины сладострастны и любятъ сожительство съ мущинами.

По просьбѣ Омеля, Енъ раздѣлилъ богатства лѣсовъ между людьми и лѣсными жителями; богатства же рѣкъ—между водяными и людьми. Лѣсные жители являются какъ-бы подчиненными людей, причемъ между ними есть сильные и слабые. Покорить сильныхъ лѣсныхъ жителей могутъ только сильные люди, слабыхъ же—слабые. Покоренные духи дѣлались собственностью человѣка и не могли подчиняться другому до тѣхъ поръ, пока послѣдній не утрачивалъ своей силы надъ нимъ. Каждый подчиненный человѣку лѣсной житель обязанъ исполнять приказаніе послѣдняго, какъ-то: загонять дичь, зайцевъ, производить бурю. Надо замѣтить, что лѣсные жители имѣютъ избушку и ведутъ въ лѣсу цѣлое хозяйство. Лѣсные жители не прочь завести къ себѣ мальчика и заставить его работать на себя: носить воду, колоть дрова и исполнять другія мелкія хозяйственныя обязанности. Работаетъ попавшій къ нимъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока лѣсные жители не найдутъ, что онъ равноправенъ имъ. Выбраться отъ нихъ раньше срока очень трудно, для этого надо соблюдать слѣдующія условія: не ѣсть ихъ кушанія, постоянно заводить ссоры и ругаться по-русски. Если человѣкъ не сумѣетъ этого сдѣлать, то ему дается на двадцать первомъ году три свободныхъ дня, т.-е. когда наступаетъ время набора въ солдаты, тогда онъ является во снѣ своимъ родственникамъ или роднымъ и говоритъ, гдѣ его можно найти. Любятъ также лѣсные жители уводить дѣвочекъ; послѣднія въ томъ только случаѣ могутъ освободиться отъ лѣсныхъ, если при наступленіи зрѣлаго возраста, отправившись въ деревню, найдутъ себѣ жениха.

Лѣсные жители вообще существа добрыя, но иногда любятъ подшутить надъ людьми. Отвести звѣря, испортить сѣти—всѣ эти проказы доставляютъ имъ большое удовольствіе. Приведу

для примѣра небольшой разсказъ охотника о томъ, какъ лѣсной человѣкъ спутывалъ его сѣть.

„Я каждый день“, разсказываетъ охотникъ, „находилъ свои сѣти спутанными. Говорю товарищу: „дѣло не ладно“. Товарищъ взялъ охотничью собаку и разставилъ ей заднія ноги, а я сталъ смотрѣть между ними. Вижу лѣсной человѣкъ, еще подростокъ, спутываетъ мою сѣть. Я выстрѣлилъ и ранилъ его въ ногу; лѣсной человѣкъ побѣжалъ, но кровавые слѣды, оставленные имъ, привели насъ къ избушкѣ. Тамъ мы нашли его родителей, которые попросили насъ вынуть сыну пулю. Мы вынули“.

Лѣсной житель, раненый человѣкомъ, только въ томъ случаѣ выздоравливаетъ, если его будетъ лѣчить человѣкъ.

Другое существо, сотворенное Омелемъ, водяной (васа). Васа, по вѣрованіямъ зырянъ, женщина. Васа хватаетъ и топитъ мужчинъ для удовлетворенія эротическихъ чувствъ, причемъ ея тонкіе и холодные, какъ ледъ, пальцы впиваются въ тѣло попавшей жертвы. Вмѣсто утопленника, она возвращаетъ роднымъ березовую статую.

Этнографъ Поповъ неправильно утверждаетъ, что представленіе о водяномъ заимствовано зырянами у русскихъ. Водяные сотворены, по мнѣнію зырянъ, Омелемъ, и утопленники не превращаются въ русалокъ. Есть даже основаніе думать, что водяной бываетъ мужескаго пола. Зыряне представляютъ его еще въ видѣ четвероногаго мохнатаго животнаго.

Васа требуетъ жертвъ, каждая по своему усмотрѣнію. Васа Леля-ты-са (водяная съ озера [1]). Леляты, любитъ, чтобы ей дарили серебряныя кольца. Зыряне не ведутъ борьбу съ васами: они считаютъ ихъ слишкомъ сильными, и имъ съ ними не справиться, а потому они предпочитаютъ исполнять всѣ ихъ требованія.

Женщины представляютъ себѣ Омеля совершенно иначе, чѣмъ мужчины: онѣ его считаютъ злобнымъ, хитрымъ существомъ, способнымъ на обманъ и злодѣяніе.

Въ подтвержденіе приведенныхъ мною фактовъ, приведу дословный переводъ зырянскихъ легендъ.

---

[1]) Въ каждомъ озерѣ живетъ особая васа.

1-я легенда.

Туманъ... Мракъ... Нигдѣ не видно ни живого существа, ни растительности; только одинъ голубь, прекрасный сизый голубь леталъ. Не разъ онъ издавалъ голосъ, съ цѣлью встрѣтить живое созданіе. Не разъ, томимый одиночествомъ, пытался онъ броситься съ высоты полета и разбиться, и тѣмъ кончить свое существованіе.

Вдругъ въ отвѣтъ слышитъ онъ откликъ, своему подобный,—голосъ человѣческій. Помчались навстрѣчу другъ другу... Назвались братьями, родными, милыми; посовѣтовались,—порѣшили извѣдать дно мрака и тумана.

Одинъ голубь нашелъ землю. Другой голубь нашелъ тину.

Когда первый голубь выпустилъ изъ клюва добычу-землю, то около ея частицъ стали собираться другія частицы, и скоро она начала принимать видъ острова и покрываться растительностью. Тина распустилась.

Зависть закипѣла у второго голубя; но онъ затаилъ ее и обратился къ первому съ просьбой поработать вмѣстѣ.

Первый голубь былъ Енъ, существо могущественное; второй—Омель, существо слабосильное и завистливое.

Все, что Енъ созидалъ днемъ, Омель старался портить ночью.

Особое стараніе Омель приложилъ къ тому, чтобы испортить человѣка: мазалъ его собственной слюной и надѣялся лишить его окончательно способности рѣчи, но только отчасти смогъ его испортить. Енъ замѣтилъ недоброжелательство Омеля и прогналъ его.

Варіантъ 1-й легенды. По другимъ преданіямъ, ссора произошла позднѣе, когда островъ былъ покрытъ растительностью и два брата, Енъ и Омель, вышли на сѣнокосъ.

2-я легенда.

Енъ и Омель раздѣлили сѣнокосъ на двѣ равныя части.

Енъ вышелъ съ долотомъ; Омель взялъ косу. Послѣдній раньше кончилъ работу и ворвался на сѣнокосъ къ Ену.

Варіантъ 2-й легенды. Енъ сумѣлъ приготовить косу, а Омель—долото. Сѣнокосъ между ними не былъ раздѣленъ, и кошеная

трава составляла собственность работника. Енъ накосилъ больше, но Омель ночью укралъ у него сѣно.

3-я легенда.

Енъ предложилъ Омелю сотворить вмѣстѣ міръ. Омель отказался, но, когда увидѣлъ успѣхи Ена, попросилъ дать ему закончить сотвореніе міра. Омель сотворилъ всѣ безобразныя, уродливыя существа, въ надеждѣ, что Енъ увидитъ несовершенство міра и разрушитъ его.

Енъ не могъ поправить зло Омеля въ виду того, что онъ до сотворенія міра ограничилъ свои права.

4-я легенда [1]).

Два брата—Енъ и Омель—рѣшили сотворить міръ:

Енъ создалъ человѣка, солнце, луну, звѣзды, рѣки; Омель въ искусствѣ оказался слабѣе: создалъ духовъ и взялся руководить вѣтромъ.

Омель выпросилъ для себя часть богатства лѣсовъ и рѣкъ. Оба создали себѣ жилища: Енъ на небѣ, вѣрнѣе даже за небомъ.

Енъ время отъ времени открываетъ небеса и показываетъ людямъ свое жилище. Тогда небо горитъ разноцвѣтными огнями (Сѣверное сіяніе).

5-ая легенда [2]).

Енъ рѣшилъ сотворить міръ. Омель отнесся скептически къ его рѣшенію. Но, видя успѣшность Ена, Омель упросилъ дать ему окончить. Енъ далъ разрѣшеніе.

Омель, по неспособности, создалъ всѣ уродливыя созданія и явленія.

---

[1]) Эту и послѣдующія легенды особенно любятъ мужчины-зыряне, тогда какъ первыя три передаются, главнымъ образомъ, женщинами.

[2]) См. 3-ю легенду.

6-ая легенда.

Енъ, томимый тоской, рѣшилъ создать міръ. Омель предпочиталъ одиночество и мракъ безъ жизни. Енъ созидалъ; Омель старался вредить.

Вотъ причина несовершенства міра.

Я считаю необходимымъ обратить вниманіе на то, какимъ образомъ сотворилъ Енъ человѣка, по мнѣнію зырянъ. Если вы спросите зырянина объ этомъ, онъ скажетъ: „чужи́сь пуы́сь турыни́сь", т. е. „родился отъ соединенія дерева съ травой". Если вы обратитесь съ такимъ же вопросомъ къ незаконнорожденному зырянину, онъ отвѣтитъ вамъ то же самое, но въ интонаціи его голоса вы услышите иронію. Одинъ зырянинъ, одаренный музыкальными способностями и поэтическимъ даромъ, даже сочинилъ пѣсню по этому поводу; точно передать ее на русскомъ языкѣ почти невозможно, но общій смыслъ таковъ: Я, несчастный, скитаюсь по землѣ, родился отъ дерева и травы. Далѣе идутъ сѣтованія на судьбу. Начинается она по зырянски такъ:

Текстъ:	*Переводъ*:
Чу́рка пóной,	Конецъ чурбана
Дá парпóной	склонившагося дерева
Кóнерой да Пáрпоной.	я несчастный Парпонъ [1]).

Собственно, „конеръ" значитъ: несчастный духъ, несправедливо гонимый.

Пѣснь эта, пропѣтая въ кругу своихъ крестьянъ, производила настолько сильное впечатлѣніе, что многіе плакали.

Зыряне не удовлетворялись однимъ представленіемъ о землѣ,—фантазія ихъ влекла дальше. По вѣрованіямъ однихъ, вселенная имѣетъ два міра: одинъ міръ — наша земля, и есть еще другой (Му). Солнце освѣщаетъ по очереди каждый. Этимъ они объясняютъ происхожденіе дня и ночи. „У насъ свѣтло, значитъ—другая земля погружена во мракъ, и наоборотъ",—говорятъ они.

---

1) Искаженное православное имя.

По представленію другихъ, существуетъ три міра. Первый — это наша земля; второй міръ находится надъ нашей землей и третій—подъ ней. Міръ, находящійся надъ нами, богатъ фауной; второй міръ не такъ богатъ ею, но болѣе плодороденъ. Оба эти міра населены людьми. Характерно въ религіозныхъ воззрѣніяхъ зырянъ то, что по мнѣнію однихъ оба эти міра населены такими же людьми, какъ они; по мнѣнію же другихъ, люди этихъ двухъ міровъ отличаются отъ простыхъ смертныхъ тѣмъ, что они живутъ безъ желаній и страстей.

Подъ вліяніемъ христіанства, зыряне стали думать, что въ міръ, находящійся надъ нами, переселяются души людей праведниковъ, а въ міръ подъ землей—души грѣшниковъ. Но зыряне до сихъ поръ, по своей природной добротѣ, не могутъ помириться съ представленіемъ объ адѣ, какъ о мѣстѣ наказанія за грѣховно проведенную жизнь.

Нѣтъ основанія думать, что луна, солнце, звѣзды почитались зырянами, какъ божества. Они явленія, созданныя Еномъ. По-зырянски солнце—„шонты" или „шонды",—слышится не то буква т, не то д,—значитъ: „погрѣй". Звѣзды—„кодзювъ";—значитъ: „кто мерцаетъ". Звѣзды быстро движутся. Радуга — „ошка-моска"—значитъ: „корова съ быкомъ". Зыряне думаютъ, что радуга олицетворяетъ собою корову и быка изъ „лучшаго" міра, находящагося надъ нами. Луна [1])—вой-пель,—значитъ: „ночное ухо". По вѣрованіямъ зырянскихъ женщинъ, солнце обладаетъ свойствомъ разрушать всѣ замыслы злыхъ духовъ и, когда заходитъ, посылаетъ луну оберегать людей.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о различіи религіозныхъ воззрѣній мужчинъ и женщинъ у зырянъ.

Какъ я думаю, громадную роль въ этомъ случаѣ играетъ различіе занятій какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Мужчина, какъ болѣе сильный, долженъ добывать пропитаніе женѣ и дѣтямъ, а поэтому большую часть зимы онъ проводитъ на охотѣ. Женщина же исполняетъ домашнюю работу и воспитываетъ дѣтей.

Зыряне, по природѣ, народъ впечатлительный. Находясь зимою среди вѣкового лѣса, гдѣ царствуетъ полная тишина, гдѣ

1) Называется еще „толысь".

лунное сіяніе придаетъ природѣ особенную таинственность и каждый малѣйшій шорохъ явственно слышенъ, зырянинъ поддается обаянію природы. Ему кажется, что съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ женщина: вотъ она манитъ, зоветъ его и страстно протягиваетъ къ нему руки. Долгая разлука съ женой раздражаетъ чувственность охотника, и онъ идетъ въ объятія лѣсной красавицы. Конечно это галлюцинація, въ которой зырянинъ не можетъ разобраться. Что касается религіозныхъ воззрѣній у женщинъ, то я долженъ оговориться, что христіанство, занесенное русскими вмѣстѣ съ различными русскими повѣріями, оказало гораздо бо̀льшее воздѣйствіе на женщинъ, чѣмъ на мужчинъ. Наблюдая дѣйствительную жизнь зырянъ, я замѣтилъ, что женщина, какъ по своимъ духовнымъ, такъ и физическимъ свойствамъ, гораздо слабѣе мужчинъ и склонна прибѣгать къ заступничеству болѣе сильнаго существа,—вотъ почему онѣ быстро усвоили духъ христіанства и понятіе о Богѣ, какъ существѣ, способномъ защитить и помочь. Женщина, занимаясь дѣтьми, часто въ своихъ воспитательныхъ пріемахъ прибѣгала къ усмиренію разыгравшагося ребенка при помощи запугиванія его злыми духами. Часто доходило до того, что ребенокъ послѣ такихъ запугиваній плакалъ и началъ бояться; тогда мать успокаивала его и разсказывала сказки своего сочиненія,—напримѣръ, о томъ, что придетъ луна и прогонитъ этихъ злыхъ духовъ. Ребенокъ успокаивался, а мать, помимо своей воли, начинала все сильнѣе и сильнѣе вѣрить своей сказкѣ, и такимъ образомъ поддерживалось представленіе о лунѣ, какъ способной прогнать злыхъ духовъ.

Суевѣріе, занесенное русскими, сыграло значительную роль въ жизни зырянъ, особенно среди женщинъ. Теперь онѣ уже вѣрятъ въ домовыхъ: женщина не пойдетъ въ двѣнадцать часовъ въ баню; она не оставитъ послѣ себя воды, боясь, что духи будутъ мыться послѣ нея; она не позволитъ итти въ баню въ этотъ день и на порогѣ бани положитъ пас (знакъ), дающій знать, что въ баню идти нельзя. Она вѣритъ, что если женщина украдетъ у другой женщины изъ-подъ курицы яйцо, то это равносильно похищенію солнца. Мужчины относятся ко всему этому скептически и даже насмѣшливо.

Зыряне съ теченіемъ времени наблюдали, что земля истощается, что бревна, служившія прежде по пятидесяти лѣтъ, теперь слу-

жатъ только двадцать-пять, и онѣ пришли къ заключенію, что въ мірѣ все мельчаетъ; у нихъ установился взглядъ, что въ концѣ-концовъ все выродится. Одинъ изъ обладающихъ, по мнѣнію зырянъ, даромъ пророчества сказалъ: „Наступитъ время, когда будете землю палкой мѣрить и на этихъ клочкахъ землю пахать; придетъ время, — и лѣсъ будутъ мѣрить палкой". Тяжелое впечатлѣніе производитъ это предсказаніе на зырянъ, но мужчины примирились съ нимъ; женщины же протестуютъ: онѣ говорятъ, что Омель и раньше былъ злымъ, что зло это всегда существовало, что все это дѣло его рукъ, и онъ по своей злобности хочетъ погубить людей; но Омель этого не достигнетъ. Надо сказать, что женщины обыкновенно и сами этому не вѣрятъ, а только стараются утѣшить себя различными подобными объясненіями.

Интересно разсмотрѣть вопросъ, почему у зырянъ сложилось извѣстное мнѣніе и отношеніе къ вѣтру.

Вѣтеръ, по разъясненію однихъ зырянъ, происходитъ вслѣдствіе полета невидимаго; по разъясненію другихъ—его производитъ духъ или даже внукъ женщины духа. Внукъ—это существо довольно глупое: мечется безъ всякаго толку изъ стороны въ сторону. Когда зырянину необходимъ вѣтеръ, онъ говоритъ: „Тӧлӧ тӧлӧ бабыд кулыс" („Вѣтеръ, вѣтеръ, бабушка умерла"). Когда же они хотятъ уменьшить порывы вѣтра, они говорятъ: „Тӧлӧ, тӧлӧ, бабыд эз кув" „(Вѣтеръ, вѣтеръ, бабушка не умерла)". Такое странное обращеніе къ духу вѣтра означаетъ слѣдующее: когда зырянинъ говоритъ: „Вѣтеръ, вѣтеръ, бабушка умерла", онъ думаетъ, что духъ летитъ на похороны и этимъ производитъ вѣтеръ; когда же зырянинъ говоритъ, что бабушка не умерла, онъ успокаиваетъ духа, и тотъ смирно сидитъ на мѣстѣ.

Это обращеніе къ вѣтру осталось еще и теперь и употребляется даже зырянами, стоящими высоко въ культурномъ отношеніи среди своихъ собратьевъ.

Когда буря захватитъ зырянина на охотѣ въ тайгѣ и заставитъ его нѣсколько сутокъ сидѣть въ избушкѣ, онъ начинаетъ говорить заклинанія, обращаясь къ духу, но не обращаясь къ Ену, такъ какъ тотъ пассивно относится къ сотворенному имъ міру.

Въ заключеніе скажу, что приведенныя мною свѣдѣнія не об-

нимаютъ ни всего міросозерцанія зырянъ, ни всѣхъ причинъ, вызвавшихъ такое оригинальное міросозерцаніе, но я имѣю въ виду еще возвратиться къ этому вопросу, и, между прочимъ, сообщу легенду о Памѣ Шипичѣ. Въ этой легендѣ вылились всѣ стремленія зырянъ, вся ихъ душа, вообще весь ихъ идеалъ человѣка.

В. П. Налимовъ.

Нѣсколько словъ объ украинскихъ бандуристахъ и лирникахъ.

(Докладъ, читанный въ засѣданіи этнографической секціи XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ).

Почти у всѣхъ народовъ, особенно на европейскомъ материкѣ, музыкѣ обыкновенно приписывалось божественное происхожденіе: люди, несмотря на низкій культурный уровень, чувствовали, что музыка—это нить, соединяющая человѣка съ невѣдомымъ дивнымъ міромъ, далекимъ отъ житейской прозы и суеты.

На Украинѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось миѳа о божественномъ происхожденіи музыки, но съ большой долей увѣренности можно думать, что и нашему народу эта мысль не была совершенно чужда. Такъ, напр., извѣстный кобзарь Остапъ Вересай говорилъ объ одномъ нечестивцѣ-казакѣ: „Разъ я спиваю, а винъ и каже: «Та це усе не одъ Бога сказано, може повыдумовалы, а а вы, дурни, слухаете та ще й мылостыну даете». Якъ згадаю, такъ ажъ серце кыпыть,—здается, убывъ бы його. Одъ кого жъ якъ не одъ Господа Суса Хрыста? Як то сказано: чого винъ сходывъ на землю? А то такъ сказано, що сходывъ винъ, щобъ у царство небесне насъ привлекты и одъ мукъ ослобоныты". Такимъ образомъ по убѣжденію украинскаго пѣвца оказывается, что одной изъ миссій Іисуса Христа было отвлеченіе насъ отъ мірскихъ грѣховныхъ помысловъ путемъ поэзіи и музыки.

Соотвѣтственно указанному выше взгляду на музыку, и пѣвецъ, какъ вѣщій посредникъ между высшимъ міромъ и людьми, пользовался всегда большимъ уваженіемъ. И наши украинскіе рапсоды даже теперь, несмотря на прогрессирующую музыкальную дегенерацію, сохранили еще взглядъ на себя, какъ на людей, обязанныхъ поддерживать моральную жизнь народа на должной вы-

сотѣ, вводя время отъ времени своихъ слушателей въ религіозно-нравственную стихію своими пѣснями о старинѣ. Такъ, напр., Кулишъ говоритъ, что по понятіямъ кобзаря Андрія Шута, ремесло кобзаря—дѣло богоугодное, такъ какъ онъ и существуетъ для того, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и добродѣтели. Остапъ Вересай считалъ недостойнымъ себя исполнять пѣсни шуточнаго содержанія, да и теперь, вступая въ кобзарское сословіе, молодой неофитъ прежде всего выучивается молитвамъ и псалмамъ.

О раннемъ періодѣ музыкальной жизни украинскаго народа, къ сожалѣнію, остались скудныя свѣдѣнія, но все-таки исторія застаетъ нашихъ пѣвцовъ-рапсодовъ еще въ той эпической чистотѣ, когда они были нелицемѣрными выразителями правды, пѣвцами доблести и вдохновителями народныхъ массъ. Шевыревъ говорилъ о Боянѣ: „Онъ прекрасно сознавалъ свое поэтическое назначеніе, былъ пѣвцомъ независимымъ и добровольно пѣлъ пѣсни въ честь князей, не подвергая своего вдохновенія произволу жребія“.—Все это цѣликомъ можетъ быть отнесено и къ физіономіи старо-казацкаго бандуриста, вообще нужно думать, что этотъ полный жизни и національнаго самосознанія періодъ украинской исторіи въ высшей степени способствовалъ всестороннему, а слѣдовательно, и музыкальному развитію народа. Сохранилось множество различныхъ изображеній запорожцевъ съ кобзами въ рукахъ, со всевозможными подписями, касающимися инструмента. Одна изъ нихъ, напр., гласитъ:

Струны мои золотыи, заграйте мини стыха
Ачей [1]) козакъ нетяжыще позабуде лыха.

Очевидно, что инструментъ этотъ являлся не только средствомъ увеселенія: назначеніе его было высшее—выражать глубокія душевныя движенія, пѣть горе. Вотъ, напр., отрывокъ изъ пѣсни, повѣствующей о пребываніи въ Сибири невинно сосланнаго туда Семена Палія. Онъ послѣ молитвы искалъ утѣшенія въ бандурѣ:

Прыйшовъ до дому тай сивъ у намити,
На бандури выгравае: «Лыхо жыты въ свити!

[1]) Ачей—авось.

Той душу заклавшы, свыту, бачъ гаптуе.
А той, по Сибиру, мовъ у лузи дубуе»

Тутъ, какъ видимъ, Палій все свое горе повѣряетъ бандурѣ и дѣлаетъ это сейчасъ же послѣ молитвы, что и дало поводъ Кулишу весьма справедливо утверждать, что „бандура и пѣсня заступали встарину первое мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ“. До какой степени бандура, какъ чуткая выразительница душевнаго состоянія, была дорога казаку, видно изъ слѣдующаго. Въ Харьковской губ., въ слободѣ Красномъ Кутѣ, жилъ нѣкогда крестьянинъ Рыгоренко, прекрасный музыкантъ. Въ молодости онъ купилъ бандуру у старика запорожца, продававшаго свой инструментъ лишь въ виду особенно крайней нужды въ деньгахъ. И вотъ, разставаясь съ нею, этотъ дебелый, здоровенный запорожецъ рыдаетъ, какъ ребенокъ, приговаривая:

«Ты жъ була моею втихою,
Ты жъ розважала мене въ усякій прыгоди.
Багато людей вельможныхъ, багато лыцарства славнаго
И всякого народу православного
Слухалы твоихъ писень.
Де ты тилькы не бувала?
Якои тилькы прыгоды не дознала?
Чи разъ же ты мою голову изъ шинку вызволяла?
Чи разъ же ты у застави лежала?
Та и нигде жъ ты не застряла!
А теперъ довелось мини зъ тобою розлучатысь,
За чотыри карбованыи рубли въ чужи рукы оддаваты,
Та й по викъ вишній може тебе не выдаты» и т. д.

Сохранилась даже цѣлая въ высшей степени поэтическая, художественная дума, изображающая тотъ же самый моментъ разставанья казака съ бандурой. Въ этой думѣ рисуется, какъ бандуристъ-воинъ сидитъ одинокій на могилѣ,

Кинь быля його пострилянный, порубаный,
Ратыще поламане,
Пыхвы безъ шабли булатнои,
У ладивныци ни одиносенького набою.
Тилькы й зосталась йому бандура подорожняя,
Та у глыбокій кышени люлька-бурунька,
Та тютюну пив-папушкы.
Козакъ сердега люлечку потягае,
У кобзу грае-выгравае,
Жалибно спивае.

Здѣсь особенно важно, что бандура названа „подорожней", т. е. сопровождающей казака всюду, во всѣхъ его походахъ и даже битвахъ.

Далѣе въ думѣ козакъ обращается къ своимъ товарищамъ „панамъ-молодцямъ, казакамъ запорожцямъ"; сожалѣетъ, что уже не сможетъ болѣе заиграть имъ на своей бандурѣ; спокойно говоритъ о томъ, что его самого скоро, по всей вѣроятности, съѣдятъ „вовкы-сироманци"; но когда онъ представляетъ себѣ, какъ его кобза можетъ „пропасты ни за собаку", вся душа его поднимается, и онъ со слезами взываетъ:

Кобзо жъ моя, дружыно вирна!
Бандуро моя мальованная!
Де жъ мини тебе диты?
А чи у чыстому степу спалыты
И попилець по витру пустыты?
Нехай буйный витеръ по степамъ пролитае,
Струны твои зачипае,
Смутнесенько, жалибнесенько грае-выгравае.
То може подорожни козакы биттымуть блызенько,
Почуютъ, що ты граешъ жалибненько,
Той прывернуть до могылы.

Этотъ прекрасный поэтическій конецъ, да и вообще вся дума рельефно обрисовываетъ, что такое была бандура для прежняго пѣвца.

Какъ я уже замѣтилъ раньше, вообще казацкій періодъ былъ въ высшей степени благопріятной эпохой для проявленія музыкальнаго духа народа и возникновенія всевозможнѣйшихъ пѣсенъ. Народъ жилъ интенсивно, радость и горе попеременно терзали каждую душу, не было покоя нервамъ, и творческія силы находили всевозможные способы выраженія во всѣхъ областяхъ. И дѣйствительно: въ этотъ періодъ было создано огромное количество всевозможныхъ думъ, пѣсенъ; женщины поэтически заговорили о своихъ чувствахъ, казаки запѣли о походахъ, битвахъ и воинскихъ доблестяхъ. Очевидно, на такой, если можно такъ выразиться, тучной музыкальной почвѣ свободно могли вырастать прекрасные плоды; народные поэты-рапсоды, геніальные бандуристы, они-то и были творцами пѣсенъ и думъ. Были ли они слѣпцы или зрячіе—это, на мой взглядъ, вопросъ, не имѣющій

особеннаго значенія. Важно лишь то, что составитель думъ былъ кость отъ костей казака, ломалъ съ нимъ походы, терпѣлъ всякую казацкую нужду и дѣлилъ горе и радость. Хотя каждый почти казакъ самъ игралъ на бандурѣ, но, само собой разумѣется, должны были появиться спеціалисты-музыканты, люди, имѣвшіе къ музыкѣ и въ частности къ бандурѣ особое призваніе. Такъ это и было, и Скальковскій имѣетъ полное основаніе утверждать, что „бандуристы были истинными скальдами войска запорожскаго, и почти каждый старшина имѣлъ у себя хлопцаторбаниста". Даже гайдамачество, этотъ послѣдній всплескъ народной воли, сохранило въ неприкосновенности институцію бандуристовъ, и въ Коднѣ вмѣстѣ съ гайдамаками были казнены въ 1770 году трое профессіональныхъ бандуристовъ.

Интересна исторія одного изъ подобныхъ гайдамацкихъ спутниковъ-музыкантовъ. Я не буду говорить здѣсь о всѣхъ его похожденіяхъ; ограничиваюсь лишь тѣмъ, что представляетъ для насъ интересъ въ настоящемъ случаѣ. Это—казакъ Даныло Бандурка. Онъ былъ доставленъ въ крѣпость св. Елизаветы изъ Сичи въ качествѣ запорожскаго гайдамаки въ 1761 году, хотя все его участіе въ возстаніи выразилось лишь въ томъ, что онъ игралъ гайдамакамъ на своей бандурѣ, косилъ имъ сѣно, охранялъ съѣстные припасы и т. п. Какъ выясняется изъ допроса, Бандурка родился въ Кіевѣ въ 1738 году; когда ему минуло десять лѣтъ, онъ „отлучился отъ родителей" и присталъ къ находившемуся въ польскомъ мѣстечкѣ Богуславлѣ бандуристу Матвѣю Волошину, учился у него годъ и впродолженіе этого года успѣлъ съѣздить въ Польшу. Возвратившись оттуда, онъ начинаетъ свою артистическую карьеру служеніемъ въ качествѣ спеціальнаго бандуриста при кіевскомъ губернаторѣ Леонтьевѣ, у котораго и служитъ три года, и лишь „по измертвіи его" пускается въ бродячую жизнь. Приблизительно около 1754 года онъ отправляется въ Запорожскою Сѣчь, гдѣ и пребываетъ шесть лѣтъ, „упражняясь при охотныхъ казакахъ бандурною игрою", за что и получаетъ отъ нихъ одежду и деньги. Въ 1760 году его приглашаютъ сопровождать гайдамакъ въ качествѣ бандуриста; онъ соглашается и съ товарищами запорожцами идетъ сначала въ зимовникъ на р. Ингулѣ, а оттуда—куда забросить свободная воля. И до самаго своего ареста Бандурка ѣздилъ съ гайдамаками: стерегъ

ихъ пожитки, оберегалъ батовню, а большею частью игралъ на бандурѣ; и при дѣлежѣ добычи гайдамаки не забываютъ своего барда: даютъ ему „польскій зеленаго сукна притертый кунтушъ и два рубля денегъ да бандуру".

Это извѣстіе имѣетъ большой интересъ. Отсюда ясно видно, что у гайдамакъ существовала потребность въ походномъ усладителѣ-бандуристѣ; что подобное лицо находилось у нихъ въ отрядахъ, и это былъ не слѣпой нищій, а зрячій, вполнѣ правоспособный казакъ корсунскаго куреня. Кромѣ того, достойно примѣчанія еще и то обстоятельство, что казакъ Даныло Бандурка служитъ при кіевскомъ губернаторѣ Леонтьевѣ въ качествѣ спеціалиста-музыканта. Это было обычнымъ явленіемъ въ то время и даже раньше: есть извѣстіе, что еще Петръ Великій имѣлъ у себя при дворѣ простыхъ казаковъ-бандуристовъ, которые распѣвали свои думы и пѣсни во время куртаговъ любившаго веселье царя; а царица Прасковья Ивановна особенно любила казацкое пѣніе; держала ихъ также у себя въ домѣ извѣстная въ то время любительница музыки, княгиня-меценатка Черкасская. При Елизаветѣ Петровнѣ, т. е. именно въ тотъ самый періодъ, когда дѣйствовалъ казакъ Даныло Бандурка, малороссійскіе кобзари особенно вошли въ моду: вѣдь самъ сіятельнѣйшій графъ Римской имперіи Алексѣй Разумовскій былъ нѣкогда простымъ придворнымъ бандуристомъ. Правда, съ возвышеніемъ въ первые сановники государства онъ забросилъ свою бандуру, но, не переставая быть музыкантомъ въ душѣ, онъ немало вліялъ на эту сторону жизни двора: при немъ въ штатѣ императрицы постоянно находилось нѣсколько бандуристовъ и даже бандурицъ.

Но насталъ вѣкъ Екатерины съ блестящей пышностью двора, и смиренные бандуристы были выброшены изъ штата, какъ никуда негодный пережитокъ: ихъ тихій инструментъ мало подходилъ къ шуму дворца. А затѣмъ пришло разореніе Сѣчи, закрѣпощеніе крестьянъ... Всѣ эти перипетіи исторіи не могли, конечно, не отразиться на физіономіи украинскаго кобзаря: онъ пересталъ быть пѣвцомъ казаковъ, ибо ихъ самихъ не стало,— онъ могъ теперь пѣть лишь о минувшемъ.

Но шли годы, былое становилось стариной, жизнь укладывалась въ совершенно иныя рамки, славныя преданья мало-по-малу

исчезали изъ памяти народной, и то, что интересовало народъ раньше, потеряло теперь для него свою цѣну. А соотвѣтственно этому мѣнялся и бандуристъ: одну за другой забывалъ онъ прежнія думы, приспособлялся, какъ только могъ, къ новымъ условіямъ существованія—и вотъ теперь онъ предъ нами, этотъ современный кобзарь и лирникъ, забитый потомокъ славныхъ отцовъ. Посмотримъ же, что онъ такое.

Всѣмъ онъ болѣе или менѣе извѣстенъ, этотъ скорбный пѣвецъ. Заходитъ онъ во дворъ, проскрипитъ что-нибудь на лирѣ или побренчитъ на бандурѣ, бросятъ ему изъ окна копѣйку, и онъ, кланяясь и благораря, уходитъ себѣ въ слѣдующій дворъ. Кажется, вотъ и весь онъ—слѣпецъ, нищій; но это далеко не такъ: его содержаніе не исчерпывается лишь этой стороной.

Прежде всего нужно сказать, что баднуристы, несмотря на совершенно и безвозвратно исчезнувшее казачество, несмотря на въ высшей степени отличныя отъ прежнихъ формы жизни, все же сохраняютъ еще въ своей памяти нѣкоторые остатки старины и являются такимъ образомъ единственными хранителями ея въ народной средѣ: каждый изъ нихъ знаетъ нѣсколько думъ, а подчасъ староказацкихъ пѣсенъ. Такъ, напр., общими думами для всѣхъ кобзарей Харьковской губ. являются три: „Про Олексія Поповича“, „Про трьохъ бративъ Озовскыхъ“ и „Про вдову та трьохъ сынивъ“; почему-то именно эти три думы лучше сохранились въ названной губерніи, и ихъ знаетъ каждый бандуристъ. Кромѣ думъ, у каждаго изъ нихъ имѣется въ репертуарѣ множество такъ называемыхъ „псальомъ“, не говоря ужъ объ обыкновенныхъ бытовыхъ, плясовыхъ и сатирическихъ пѣсняхъ. Не имѣя возможности вдаваться въ подробную характеристику современнаго кобзаря со всѣхъ сторонъ, я ограничусь здѣсь лишь сравненіемъ репертуара бандуристовъ Харьковской, Полтавской и Черниговской губерній.

Харьковскіе кобзари, какъ я только что упоминалъ, знаютъ три думы, названныя выше; лишь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ своемъ репертуарѣ думу „Про брата та сестру“, заиствованную помощью устной передачи; дума же, напр., „Про Хмельницького та Барабаша“, исполняемая однимъ изъ харьковскихъ бандуристовъ, выучена уже имъ „зъ кныжки“. Изъ такъ называемыхъ „псальомъ“ они знаютъ обыкновенныя, перечислять которыя здѣсь

нѣтъ надобности; число ихъ колеблется между 12—20, и лишь нѣкоторые изъ харьковскихъ кобзарей, какъ напр., Павло Гащенко и Петро Древченко знаютъ—первый 42, а второй 44 псальмы, причемъ многія извѣстныя одному изъ нихъ неизвѣстны другому, такъ что если даже считать этихъ двухъ носителями максимальнаго псальмоваго репертуара, то и тогда количество псальмъ, извѣстныхъ въ одной харьковской губерніи, поднимется до 60-ти, но есть основаніе думать, что старые бандуристы знаютъ ихъ еще больше [1]).

---

[1]) Вотъ списокъ „псальмъ“, извѣстныхъ бандуристу Павлу Гащенку:

1. Інсусе мой прелюбезный.
2. Що въ мыри являеться.
3. Нема въ свити правды.
4. Къ тебѣ, о Мати } „Зъ писенныка горы Афонской; у тому писенныку 31 псальма“, объяснилъ пѣвецъ.
5. Гора Афонъ
6. Спыть Сіонъ
7. Зъ другомъ явчора сидѣлъ („ся есть и въ Кыпвському псальмоцѣвпу)“.
8. Про Лазура.
9. Олексія Божого чоловика.
10. Проспалы мы, продрималы мы.
11. Душе моя прегрѣшная.
12. Ты создавъ мене, Творець.
13. Спомышляйся, чоловиче.
14. Смотрысь, какъ намъ смерты.
15. Колыбъ я знавъ, колы бъ я видавъ.
16. Плачъ Адама.
17. Сыротына.
18. Про сироту.
19. Царю, Хрысте.
20. Родъ жыдовской засмущенной.
21. Що уныло томный гласъ колоколовъ } „штундыцьки“
22. Полный мукы изступленыя } „штундыцьки“
23. Пора тоби пробудыться
24. Боже, зры мое смырепые.
25. Ужаспыся, чоловиче.
26. Да прыйде часъ.
27. Зъ мыромъ восплачемось.
28. Земля плачеться, рыдаеться („сю найбильше жинки спивають“)
29. Радуйтеся, люде.
30. Покой благодаты (Варвара).
31. Весело оклыкнимъ.
32. Склонитеся, викы (Аѳопьска).
33. Похвалымо Царя и Хрыста.
34. Пробудысь отъ сна, невѣсто.
35. Нынѣ, нынѣ я печаленъ.
36. Пресвитлый ангелъ.
37. Слава въ вышнихъ Богу, духъ мій радостно воспой.
38. Матерь Божа Святая.
39. О святѣйшихъ отче (Мыколаю).
40. Ушлы мои лита.
41. Васылію.
42. Паслы пастыри вивци на гори (про Почаивську).

Бандуристъ Петро Древченко не знаетъ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ „псальом“, но зато знаетъ слѣдующія:

30. Плаче душа, рыдае.
31. Сыдыть Господь на небесахъ.
32. Ой хто, хто Мыколая любыть.
33. Радуйся, Маріе, Небесна Царице.
34. О, горе мнѣ грѣшныку.
35. Господы премылосердный.

Кромѣ этихъ историческихъ и религіозно-нравственныхъ пѣсенъ, харьковскіе бандуристы знаютъ еще ходячія, распространенныя рѣшительно по всей Украинѣ пѣсни сатирическаго содержанія и много всевозможныхъ бытовыхъ, къ которымъ можно отнести и всѣ тѣ, коими надѣлила ихъ русская и вообще городская культура. Къ чисто музыкальному репертуару нужно отнести еще танцы, куда, кромѣ украинскихъ плясовыхъ мотивовъ, успѣлъ войти кое-какой „вáлецъ", „полечка", „маршъ" и весьма распространившаяся на Украинѣ „камáрыцька". Исполненіе харьковскихъ кобзарей не отличается особой музыкальностью и въ значительной степени утеряло чисто-украинскій характеръ: исчезли почти всѣ тѣ мельчайшія филигранныя украшенія, тѣ тонкіе мелизмы, которые придаютъ такую неотразимую прелесть украинской мелодіи и которыми такъ изобильно-богато исполненіе кобзарей другихъ губерній, въ особенности Полтавской. Приписать это должно исключительно вліянію городской, фабричной пѣсни, наскоро построенной по закону грубой мелодіи, заботящейся лишь о достаточномъ количествѣ крикливыхъ звуковъ, а ужъ никакъ не о художественной разработкѣ фіоритуръ.

Представителемъ кобзарей Полтавской губ. на Харьковскомъ съѣздѣ былъ извѣстный посѣтителямъ Петербургской кустарной выставки бандуристъ Мыхайло Кравченко. Довольно обширная статья о немъ (вышедшая теперь и отдѣльнымъ оттискомъ) помѣщена была въ майской книжкѣ „Кіевской Старины" за прошлый 1902 годъ; но пѣсенное богатство, которымъ обладаетъ Кравченко, значительно больше записаннаго г. Сластьономъ. Такъ, по теперешнимъ моимъ разспросамъ оказывается, что Мыхайло знаетъ семь думъ: три общихъ кобзарямъ Харьковской губ., три „Невольныцькихъ плача" и интересную думу „Про дивку-бранку".

---

36. Що по свиту своему мыру ищемъ.
37. Іерусалиме, святыся ныни (велыкодна).
38. Источникъ духовный (Троицька).
39. Вознесыся на небеса (Вознесенію).
40. Трубы громогласно (Ивану Богослову).
41. Стечитыся вѣрныхъ родъ (Ивану Предотечу).
42. Истыная Богу двоиця (Петру и Павлу).
43. Источныче благодаты (Иліи Пророку).
44. О горе мнѣ, грипшныку сущу.

Считаю не лишнимъ упомянуть для интересующихся, что мною подготовляется къ печати сборникъ „псальомъ" съ нотами. *Авт.*

Все это извѣстно ему отъ собратіи-бандуристовъ, такъ что положительно можно утверждать, что Полтавская губ. хранитъ въ устахъ своихъ кобзарей наибольшее количество историческаго пѣсеннаго матеріала. Вообще въ кобзарской памяти хранится, вѣроятно, большое количество думъ, но онѣ постепенно забываются вслѣдствіе запрещенія пѣть ихъ народу. Такъ, напр., этотъ же самый Мыхайло Кравченко говоритъ: „Я де-чого й бильше знавъ, та ото якъ почалы насъ преслидуваты, такъ я й повыкыдавъ усе зъ головы,—думка така: нащо воно теперъ и здалося?"

Псальмъ Кравченко знаетъ 23(а не 18, какъ было записано г. Сластьономъ), и я не берусь утверждать, что онъ на свободѣ не вспомнитъ и еще нѣсколькихъ, такъ какъ въ высшей степени трудно продиктовать сразу все то, что безъ всякой системы пріобрѣталось годами [1]). Изъ пѣсенъ бытовыхъ, а также юмористическаго содержанія Кравченко знаетъ, кромѣ тѣхъ, какія извѣстны харьковскимъ бандуристамъ, еще нѣсколько неизвѣстныхъ здѣсь, какъ, напр., двѣ пѣсни „Про сусидокъ", „Кужель", „Кумка", „Невдашечка" и т. п. Изъ танцевъ ему также извѣстны такіе, какъ „Молдаванка", „Вербунокъ", „Сорока"—совершенно исчезнувшіе изъ памяти кобзарей Харьковской губ., какъ наиболѣе тронутой городской культурой. Но уже, напр., такая вещь, какъ „Сковородынська псальма" (пѣснь 10-ая соч. Григорія Саввича Сковороды), неизвѣстна Кравченку; въ Харьковской же губерніи ее знаетъ всякій бандуристъ и лирникъ, очевидно, по старому варіанту [2]).

---

[1]) Вотъ псальмы, не записанныя г. Сластьономъ:

1. Що въ мыри являеться.
2. Мыколая (малого).
3. Исусе прелюбезной.
4. Когда бъ я знавъ, когда бъ я видавъ.
5. Создавъ Богъ Адама.

[2]) Такъ, напр., они 14 строку поютъ: „Сей за всихъ на всихъ заводыть скота", что является очевиднымъ извращеніемъ этой строки по старому варіанту: „Сей со всѣхъ націй заводить скота" („сей иностранны"... въ новомъ вар.). Строка 15 поется такъ же, какъ въ старомъ вар.: „Тотъ на картынахъ малюетъ собакъ", (а въ новомъ „Тѣ формируютъ на ловлю собакъ"). Въ 20 строкѣ исполняется „Крутыть на свій той прыказный права", а не „Строить на свой то и юрыста права", какъ въ новомъ варіантѣ, и т. д.

О кобзарѣ же Черниговской губ. я хочу сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ представляетъ совершенно новый, нарождающійся и имѣющій огромную будущность типъ бандуриста. Это—Терентій Макаровичъ Пархоменко, Черниговской губ.; Сосницкаго у., дер. Бурнивка. Ему тридцать лѣтъ; учился онъ у Андрія Гойденка, который, въ свою очередь, перенималъ кобзарскую науку у какого-то старика Даныла. Но изъ думъ Терентій ничего не перенялъ ни отъ своего учителя, ни отъ товарищей, что объясняется какъ тѣмъ, что въ Черниговской губ. и вообще очень мало сохранилось думъ, такъ и нѣкоторой замкнутостью самихъ кобзарей. „Скилькы я ихъ горилкою попоивъ, а ничого зъ того й не вышло“. А выучиться думамъ страшно хотѣлось Терентію: что-то родное, полное любви звучитъ у него въ душѣ, и я не встрѣчалъ еще бандуриста, который бы съ такимъ восторгомъ слушалъ историческія думы и пѣсни, какъ Пархоменко. И стремленіе къ родной старинѣ не осталось у него безысходнымъ: встрѣчая то одного, то другого изъ украинскихъ интеллигентовъ, онъ просилъ „проказывать“ ему думы, пріобрѣталъ книжки, пѣсенники и имѣетъ у себя теперь грамотнаго поводатаря нарочито для того, чтобы имѣть возможность учиться думамъ и старымъ пѣснямъ по сборникамъ. И теперь онъ обладаетъ довольно значительнымъ пѣсеннымъ матеріаломъ этого рода, знаетъ девять думъ и много историческихъ пѣсенъ. Но, заимствуя у интеллигенціи мотивы своихъ пѣсенъ, онъ не слѣпо идетъ за нивелированной, втиснутой въ несоотвѣтствующіе лады мелодіей, онъ индивидуализируетъ ее, придаетъ ей снова исчезнувшіе въ записи оттѣнки, такъ что она въ его устахъ совершенно не имѣетъ книжнаго вида.

Такимъ образомъ на этомъ бандуристѣ мы имѣемъ возможность наблюдать, что интеллигенція начала уже отдавать народу его богатство, взятое ею на время, и... хоть не особенно хорошо она его хранила, но кое-что все-таки сберегла.

Псальмъ Терентій Пархоменко знаетъ 25 [1]); пѣсенъ быто-

---

[1]) Вотъ онѣ:

1. Грыгорія (Велыкого)
2. Грыгорія (Малóго)
3. Хрестъ на древи отъ распьятый.
4. Царю-Хрысте, Боже мій.
5. Родъ еврейскій бувъ удаленъ.
6. Пьятныця.

выхъ и комическихъ у него не такъ много, и онѣ также разнятся отъ другихъ; впрочемъ къ этого рода пѣсенной литературѣ Терентій собственно и не имѣетъ большого пристрастія. На бандурѣ онъ играетъ прекрасно.

Искусство игры на бандурѣ, какъ и все, имѣетъ свою эволюцію и способъ игры, котораго придерживается Терентій, можетъ считаться наиболѣе старымъ. Но прежде чѣмъ говорить о бандуристахъ, я считалъ бы не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ инструментѣ.

Украинская бандура представляетъ изъ себя слѣдующее: нижняя дека („спиднякъ" по-украински)—это круглой, овальной или грушеобразной формы выдолбленная фигура, закрытая сверху приклеенной, а то и прибитой просто верхней декой („верхнякъ", съ прорѣзаннымъ посрединѣ отверстіемъ („голосныкъ"). Ручка бываетъ различной и длины и ширины—на три струны, на четыре, на пять, на шесть и болѣе; струны эти называются „бунтами"; часто ручка дѣлается пустой внутри для легкости и для „згуку". По окружности бандуры, называемой „брямка", идутъ „килочкы" для „прыстрункивъ"; число этихъ „прыстрункивъ" не можетъ быть установлено точно, такъ какъ измѣняется въ очень широкихъ предѣлахъ: отъ 6 до 30. Прикрѣпляются эти струны большею частью къ толстой проволокѣ, называемой „гритъ" [2]), и черезъ кобылку идутъ „до килочкивъ". Вотъ и все устройство этого несложнаго, но мелодичнаго и благозвучнаго народнаго инструмента.

---

7. Весело оклыкнимъ.
8. Плачь, душе моя, всегда.
9. Сонъ Богородици (про страданія Іисуса).
10. Растужыться тило, росплачеться душа.
11. Про почаевську Божу Матирь.
12. Ужасныся, чоловиче.
13. Ісусе мій, прелюбезный.
14. Мыхаилу.
15. Маты Дива.
16. Сыдытъ Господь на небеси.
17. Росплачеться мать сыра земля.
18. Петру и Павлу.
19. Про Арыстархія царевича (Заблудшаго сына).
20. Спамятай же, гришный чоловиче.
21. Що въ мыри является.
22. Когда бъ я знавъ, когда бъ я видавъ.
23. Ангели душу пробуджуваютъ.
24. Мыколая.
25. Лазура.

[2]) Читать нужно grit.

Скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, что я назвалъ выше эволюціей игры на бандурѣ.

Наиболѣе стараго способа игры на бандурѣ придерживается кобзарь Черниговской губ. Держитъ онъ бандуру между колѣнъ, перпендикулярно собственному корпусу; лѣвая рука его ударяетъ исключительно по бунтамъ, указательный и средній пальцы стоятъ перпендикулярно декѣ, большой палецъ лишь изрѣдка беретъ октаву отъ верхней или отъ нижней терціи. Изящество переборовъ, особенно при веселыхъ вещахъ, достигается тѣмъ, что терція берется дважды: разъ мягкой стороной пальцевъ и сейчасъ же обратнымъ движеніемъ ногтями. Этотъ способъ держать бандуру и пальцы и есть наиболѣе старый: онъ не даетъ возможности взять полнозвучнаго аккорда и примѣнить всей той массы штриховъ, какіе возможны на бандурѣ.

Позднѣйшая школа это та, которой придерживаются харьковскіе бандуристы, а также „зинькивська наука" Полтавской губ. При этомъ способѣ бандура держится не между колѣнъ, а на колѣнѣ и не перпендикулярно корпусу, а параллельно ему; правая рука также стоитъ не перпендикулярно декѣ, а паралельно ей, что даетъ возможность взять полный, широкій аккордъ. Лѣвая рука не прикована уже исключительно къ бунтамъ, а свободно движется по обичайкѣ, опираясь на большой палецъ; можетъ брать и приструнки и бунты, можетъ давать быструю гамму вверхъ или, перебросившись черезъ колки, таковую же внизъ,—вообще при этомъ способѣ игры, какъ я имѣлъ возможность убѣдиться на собственномъ опытѣ, бандура можетъ дать массу всевозможнѣйшихъ штриховъ до флажолетовъ и прочихъ тонкостей включительно. Конечно, изо всего этого богатства штриховъ слѣпцы-бандуристы владѣютъ немногими, но тѣмъ не менѣе въ инструментѣ все это есть.

Полтавская губернія занимаетъ среднее положеніе между двумя вышеописанными, и здѣсь можно наблюдать, что полтавскій бандуристъ держитъ бандуру уже на колѣнѣ, но въ среднемъ косвенномъ положеніи по отношенію къ корпусу; лѣвая рука держится на бунтахъ, т. е. какъ у бандуристовъ Черниговской губ., а правая уже идетъ такъ же, какъ у харьковскихъ бандуристовъ.

Такимъ образомъ на этихъ трехъ представителяхъ народной

музыки мы можемъ наблюдать нѣкоторую эволюцію игры на бандурѣ. Къ этому можно еще добавить, что полтавскіе, а въ особенности черниговскіе бандуристы поютъ большею частью въ одиночку, харьковскіе же любятъ и умѣютъ составлять ансамбли. И еще одна деталь-пережитокъ: полтавскіе и черниговскіе бандуристы носятъ свою бандуру за спиной, т. е. такъ, какъ носили ее и двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда бандуристъ былъ вольнымъ пѣвцомъ и могъ не подвергать свой инструментъ всѣмъ случайностямъ погоды; харьковскіе же бандуристы носятъ бандуру на боку и подъ полой, т. е. такъ, какъ должно носить ее слѣпцу-нищему, не разъ выгоняемому изъ хаты во всякую непогодь, за хлѣбомъ насущнымъ и подвергающемуся гоненіямъ администраціи.

Говоря все время о бандуристахъ, я почти совершенно не упоминалъ о лирникахъ, т. е. о музыкантахъ, играющихъ на такъ называемой лирѣ. Лира—это весьма давно извѣстный инструментъ[1]). На одной изъ миніатюръ, украшающихъ славянскій псалтырь, относимый къ XIII или XIV вѣку, представленъ царственный псалмопѣвецъ Давидъ, играющій на „рылѣ"; само собой разумѣется, что художникъ, писавшій миніатюры, не воображалъ себѣ Давида съ древне-еврейскимъ инструментомъ,—инструментъ принадлежалъ времени составленія псалтыря. Маскѣвичъ, бывшій въ 1600 году на Москвѣ, упоминаетъ, что на вечеринкахъ у бояръ играютъ на „рылѣ", причемъ описываетъ и самый инструментъ, и его описаніе свободно можетъ относиться и къ современной намъ лирѣ. Въ оркестрѣ Петра Великаго упоминаются „пять игра врыле". Вообще этотъ инструментъ былъ весьма распространенъ и не только въ Россіи, а и въ другихъ странахъ: на одномъ изъ теперешнихъ изданій пѣсенъ Беранже можно видѣть виньетку съ изображеніемъ играющаго на инструментѣ, схожемъ съ нашей лирой. Этотъ инструментъ въ настоящее время представляетъ изъ себя слѣдующее: три струны натянуты въ аккордъ (обыкновенно mi, la, mi) и приводятся въ дрожаніе безконечнымъ смычкомъ въ формѣ колеса, надѣтаго на стержень съ ручкой и приводимаго въ движеніе правой рукою. Средняя изъ струнъ перебивается лѣвой рукой при помощи 9—11 деревянныхъ клави-

---

1) См. о ней въ „Этногр. Обозр." кн. XLVI, 1.

шей и даетъ такимъ образомъ мелодію, двѣ же остальныя тянутъ все время одну и ту же ноту. Очевидно, что никакихъ crescendo и diminuendo этотъ инструментъ не допускаетъ; фразировать приходится лишь ускореніемъ и замедленіемъ темпа и отчасти небольшимъ staccato. По репертуару лирники ничѣмъ не разнятся отъ бандуристовъ, а поэтому ничего особеннаго о нихъ сказать нельзя.

Скажу еще нѣсколько словъ о вымираніи кобзарей. Въ публикѣ пользуется большимъ рапространеніемъ мнѣніе, что Остапъ Вересай былъ послѣднимъ украинскимъ бандуристомъ. Что сказать на подобное мнѣніе? Приходится лишь удивляться, какъ мало интересуются жизнью Украины люди науки, живущіе на ея территоріи. И странно: вымираетъ какой нибудь зубръ—и этимъ все встревожено, учреждается цѣлая институція съ канцеляріями, бумагами, чиновниками, слѣдящими за благополучнымъ исходомъ сносей самки зубра, а умеръ послѣдній якобы украинскій бандуристъ, носитель духа народнаго,—и всѣ какъ-то удовлетворились простымъ констатированіемъ факта... Но, къ счастью, Остапъ Вересай не былъ послѣднимъ украинскимъ бандуристомъ. Я не велъ систематическихъ записей о существующихъ кобзаряхъ, но и то у меня имѣются слѣдующія цифры: въ Харьковскомъ, Богодуховскомъ и отчасти лишь въ прилегающихъ уѣздахъ у меня записано 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Опрошенный мною черниговскій бандуристъ сказалъ, что знаетъ у себя въ Сосницкомъ уѣздѣ (и отчасти въ прилегающихъ) 6 бандуристовъ и 21 лирника; Мыхайло Кравченко въ Миргородскомъ уѣздѣ и въ части прилегающихъ знаетъ 9 бандуристовъ и 15 лирниковъ, а подобныя цифры свидѣтельствуютъ о чемъ хотите, только не объ исчезновеніи кобзарей. Кобзари не вымираютъ, а если и вымираютъ, то весьма и весьма медленно; они все еще хранятъ, хотя и съ трудомъ, свое пѣсенное богатство и все ждутъ, не дождутся лѣнивыхъ адептовъ науки, чтобы ими занялись, какъ они того заслуживаютъ, и сохранили бы ихъ достояніе для послѣдующихъ поколѣній. Но ученые медлятъ, а всякія „начальства" прилагаютъ усиленныя старанія къ искорененію кобзарства.

Въ древнія времена одной изъ главнѣйшихъ заботъ православнаго духовенства и правительства было сугубое преслѣдованіе „свѣцкихъ срамотныхъ пѣсень, чуденія, скаканія и пляса-

нія". Въ то время преслѣдующіе были твердо увѣрены, что „когда гусли начьнуть гуденіе всякое — тогда, якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отыдутъ и ангелы Божіи отъ тыя смрадныя бесѣды, и возрадуются бѣсы". И даже болѣе: были увѣрены, что музыка является однимъ изъ главнѣйшихъ золъ государственныхъ, ибо „сего ради казни пріемлемъ всячьскыя и нахоженье ратныхъ!"... Поэтому и неудивительно, что правительство, идя по стезѣ, указанной духовенствомъ, „попирало до конца проклятое бѣсованіе", и даже тишайшій Алексѣй Михайловичъ издаетъ повелѣніе „изымать окаянныхъ скомраховъ, бить батоги ихъ нещадно", ни въ чемъ неповинныя „сурны, бубны и домры ломать безъ останку, хари жечь на огнѣ безостатку жъ".

Но тогда все это было понятно... Что же думать, если и теперь, по прошествіи столькихъ вѣковъ „изымаются" на Руси даже не „скомрахи окаянные", а бѣдные слѣпцы-бандуристы? Что же думать, если и теперь, уже безъ всякаго смысла „ломаются безъ остатку" ихъ убогіе инструменты? И это не риторическая фраза: два года тому назадъ одинъ изъ бандуристовъ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ,—оказывается, что его бандуру, за которую были заплачены послѣдніе гроши, разбилъ объ уличный столбъ какой-то черезчуръ ужъ ревностный блюститель порядка, и слѣпой нищій лишился послѣдняго заработка.

Еще 30 лѣтъ тому назадъ почтенный А. А. Русовъ въ засѣданіи Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества поднималъ вопросъ о томъ, что нельзя же смѣшивать этихъ слѣпцовъ съ профессіональными бродягами и нищими, но на эти слова почему-то никто не обратилъ никакого вниманія. А между тѣмъ до боли ясно, что въ то время какъ бродяги, нищіе и могутъ работать, да не хотятъ, эти несчастные слѣпцы и хотятъ, да не могутъ. Каждый изъ нихъ, помимо игры на своемъ инструментѣ, старается по возможности изучить какое-либо ремесло: одинъ вьетъ веревки, другой плететъ корзины, третій вяжетъ сѣти. „Якъ поповьешь отыхъ верьовокъ зъ мисяць",—говоритъ Мыхайло Кравченко — „такъ зъ пучокъ (пальцевъ) дванадцять шкуръ злизе,—куды вже тамъ граты!" Одинъ бандуристъ, умѣющій хорошо звонить, чуть не съ плачемъ вспоминалъ о томъ, какъ онъ не успѣлъ прійти во время, чтобы занять мѣсто

звонаря въ одной изъ церквей его прихода. „Теперъ тамъ зрячій, а зрячій могъ бы и що друге знайты",—съ горечью вспоминаетъ онъ. Очевидно, что не страсть къ бродяжничеству заставляетъ его теперь ходить изъ хаты въ хату, а лишь та общая всѣмъ намъ нужда, законность которой не можетъ быть никѣмъ ужъ, кажется, отрицаема,—это просто желаніе ѣсть. Но, очевидно, и эта простая необходимость является какимъ-то преступленіемъ, ибо вотъ что говоритъ одинъ изъ кобзарей Опанасъ Барь: „Эхъ що намъ усюды бувае видъ тыхъ городовыхъ, урядныкивъ, становыхъ то що! и струны тоби на бандури порве, и бандуру грозыть поламать, а посперечайся, то й боки наштовха́—не ходы та й годи!—Де жъ я, ваше благородые, того хлиба шматокъ визьму? адже мини до дому його нихто не прынесе.—То й такъ здыхай, а штобъ не ходывъ бо нидзя!" И это не единичные случаи—это хроническое явленіе. „Такъ одъ ныхъ и ховаемось,—говоритъ другой бандуристъ—„неначе, нехай Богъ мылуе, мы злодіи яки-небудь або що. Якъ зачуємъ, що йде або йиде, то такъ куды влучывъ, туды й упавъ, абы бида мынула... И то жъ, скажить, яки часы насталы: жыденята зъ катери́нкамы (шарманками) ходять, то тымъ же й можна, хочъ воно й на весь городъ скыглыть, а тутъ же про Боже спиваешь, людей одъ грихивъ одводышь—ни, не можна!"

И насколько это явленіе глубоко касается кобзаря, насколько оно представляется доминирующимъ въ его жизни, видно изъ того, что оно стало даже темой особаго творчества современныхъ кобзарей: у меня въ записной книжкѣ имѣется отрывокъ изъ сочиненія одного кобзаря на эту тему. Вотъ что гласитъ этотъ продуктъ горькихъ размышленій теперешняго Бояна:

«Якъ на славній Украини кобзари-лирныкы проживають,
А велыки паны про ихъ ничого не знають,
Якъ воны, бидолагы, страждають,
Черезъ те, що грошей, а частенько й хлиба не мають.
А чому жъ воны не мають?
А тому воны не мають, що куды не пидуть,
Не дуже-то ихъ улюбляють,
Видъ усюды проганяють,
Усякои воли ихъ лышають.
За велыкымы панамы та за здоровымы головамы
Нема де кобзареви прожыты,

Жинку й дитокъ кормыты.
Та не такъ уже ти паны, якъ оти паненята,
Чого воны тилькы надъ нами не вyробляють?
И хто имъ таки воли надавъ,
Що коженъ зъ ныхъ зъ кобзаря скилькы хотивъ назнущавъ
Усюды насъ бьють, усюды насъ лають,
А стринешься зъ началныкомъ—въ полыцію забырають.
Иде соби кобзарыкъ, ничого лыхого не думае, не гадае,
Про себе мугыче-спивае
А тутъ его на рижку вже полыцевськый дожыдае
И заразъ його, бидолаху, въ полыцію забырае,
По улыци його пхае та штовхае
И кобзу ему, нещасному, на шматкы розбывае.
Що жъ винъ його у тюрму запыхае,
Колы винъ и такъ темный, свиту Божого не выдае?
Нащо його въ ту тюрму садовыты,
Колы йому, безщасному, й безъ того тяжко в свити жыты?
И що жъ намъ нещаснымъ робыты?
Найкраще, якъ панськои мылосты просыты...
А паны жъ такы на кобзаривъ мылосты не мають
Ихъ прохання не прыймають
И геть зъ очей проганяють.
Щобъ же такы намъ, биднымъ, початы?
Якъ бы то отыхъ велыкыхъ панивъ ублагаты?
Що мы жъ темни, невыдющи,
Никуды шляхивъ-дорогы не знаемъ,
Якъ до тыхъ велыкыхъ панивъ доступыты,
Щобъ ихъ объ своимъ нещасти сповистыты.
Ой, паны жъ вы добродіи! Добру вы ласку майте,
И намъ хочь маненькои воли дайте,
Щобъ вильно моглы мы ходыты,
Шматка-хлиба просыты,
Бо що заграемъ, заспиваемъ,
Зъ того тилькы и пропытанья маемъ.
А тоди мы будемъ за васъ Бога молыты,
Щобъ давъ вамъ Господь щасно въ свити прожыты».

Не художественно, аляповато скомбинирована эта рифмованная проза, но больно читается подобный „гласъ народа". А вотъ какой благородный отвѣтъ далъ Кравченко, когда его спросили передъ отъѣздомъ въ Петербургъ: „А що, дядьку Мыхайло, якъ бы й вамъ, якъ отому Рябинину, довелося спиваты передъ царемъ—щобъ вы йому сказалы?" На это онъ отвѣтилъ: „Мини самому ничого не треба, а якъ бы Богъ прывивъ до того, то прохавъ

бы я пресвитлого Царя, щобъ вильно було нашій братіи ходыты всюды"... Къ такому отвѣту комментаріи излишни.

Чѣмъ вызвано подобное гоненіе на бѣдныхъ слѣпцовъ—непонятно, но думается, что никому другому, а именно людямъ науки нужно обратить на это вниманіе. Вѣдь отъ подобнаго образа дѣйствій терпятъ не одни только бандуристы, а и сама наука. Учреждаются общества для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, но что же они будутъ собирать, если всѣ кобзари будутъ „выкыдаты зголовы" свое пѣсенное богатство, какъ это сдѣлалъ Мыхайло Кравченко, выкинувшій изъ своей памяти нѣсколько думъ, не надѣясь на улучшеніе современнаго положенія вещей и заранѣе приговоривъ себя, какъ музыканта, къ преждевременной смерти.

А сами бандуристы? Вѣдь очень и очень многимъ изъ нихъ приходится содержать своимъ пѣніемъ не только себя, а и семью, и эта скрипящая лира или кобза является часто кормилицей многихъ ртовъ. Обиженные самой природой, поставленные въ рѣшительную невозможность добывать иными путями средства къ существованію—что могутъ предпринять они, когда ихъ кобзу разобьютъ объ уличный столбъ? Мы возмущаемся, когда помѣщичьи недоросли стрѣляютъ въ старый крестъ на козацкой могилѣ; мы еще болѣе возмущаемся, когда видимъ, какъ темный народъ истребляетъ какихъ-либо полезныхъ птицъ, пишемъ объ этомъ книжки, читаемъ лекціи,—что же здѣсь мы ничего не предпринимаемъ, когда тоже самое производится надъ живыми людьми? что же здѣсь мы такъ мало объ этомъ заботимся? Почему этимъ несчастнымъ слѣпцамъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ нужно ожидать какого-нибудь ученаго собранія или археологическаго съѣзда, чтобы кто-нибудь осмѣлился сказать тамъ о нихъ хотя одно робкое слово? А между тѣмъ кобзарь—это та же полезная птица; кормясь сама, она приноситъ пользу и другимъ: и наукѣ, давая ей нужный матеріалъ для ея изслѣдованій, и народу, уча его добру своими псалмами и думами. Позаботимся же на будущее время о сохраненіи этихъ смирныхъ и полезныхъ пѣвчихъ птицъ. Первый починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ принадлежитъ XII археологическому съѣзду, собравшемуся въ Харьковѣ, въ августѣ 1902 года. По постановленію съѣзда было возбуждено ходатайство передъ Министромъ Внутреннихъ

Дѣлъ объ огражденіи кобзарей отъ преслѣдованія властей, и отъ г. Министра уже полученъ сочувственный отзывъ на это ходатайство. Дай Богъ, чтобы это не осталось только на бумагѣ, а получило бы примѣненіе въ жизни. Тогда для кобзарей настанетъ новая эра, многіе перлы музыкально-національной старины будутъ спасены отъ забвенія, а хранители этой старины за это... „будуть Бога молыты, щобъ давъ вамъ Господь щаспо въ свити прожиты".

И. Хоткевичъ.

СМѢСЬ.

Объ успѣхахъ этнографіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Обычная рѣчь предсѣдателя на годичномъ засѣданіи Великобританскаго Антропологическаго общесва 28-го января 1902 г. представляетъ для лицъ, занимающихся этнографіей и интересующихся успѣхами этой науки, значительный интересъ. На этотъ разъ предсѣдатель A. S. Haddon коснулся положенія «антропологическихъ» наукъ въ Соединенныхъ Штатахъ. И если въ заключеніе своей рѣчи онъ могъ признаться въ вполнѣ понятномъ чувствѣ зависти, возбужденномъ въ немъ той необычной энергіей, съ которой представители этихъ наукъ въ Америкѣ расширяютъ имъ дорогу, пробиваютъ имъ новые пути и передъ которой особенно ярко выступаетъ «равнодушное» отношеніе къ своему предмету его англійскихъ собратьевъ,—другія страны, въ томъ числѣ и Россія, безусловно могутъ присоединиться къ его пожеланію, чтобы этотъ примѣръ «ревностныхъ усилій и достохвальнаго осуществленія намѣченныхъ цѣлей» въ твердой постановкѣ этнографіи подѣйствовалъ вдохновляющимъ образомъ.

По краткости времени, удѣленной рѣчамъ на торжественныхъ засѣданіяхъ, Haddon не могъ подробно остановиться на всестороннемъ разсмотрѣніи всего того, что предпринимается въ Соединенныхъ Штатахъ для наиболѣе быстраго роста «антропологическихъ» наукъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что слово anthropology въ рѣчи Haddon'a имѣетъ весьма широкое значеніе, обнимая и физическую антропологію—антропографію, и этнографію, и археологію. Онъ почти не коснулся многочисленныхъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью научныя изслѣдованія антропологическія, археологическія и этнографическія и давшихъ такіе серьезные результаты, и остановился преимущественно на «антропологическихъ» коллекціяхъ различныхъ музеевъ Соединенныхъ Штатовъ и на постановкѣ антропологическихъ наукъ какъ учебныхъ предметовъ въ сѣверно-американскихъ университетахъ и коллэджахъ. Что касается до музеевъ Соединенныхъ Штатовъ, то имѣется крупное изслѣдованіе A. B. Meyer'a: Ueber Museen des Ostens der Vereinigten Staaten von Nord Amerika B. I u. II Berlin, Friedlan-

der 1900 и 1901. Командированный со спеціальной цѣлью изучить устройство сѣверо-американскихъ музеевъ и библіотекъ Мейеръ въ высшей степени добросовѣстно и детально исполнилъ свое порученіе; по выраженію Гэддона, его отчеты неоцѣнимы для лицъ, интересующихся преуспѣяніемъ и поддержаніемъ музеевъ и библіотекъ, и надо надѣяться, что въ будущемъ ни одинъ архитекторъ не станетъ чертить планъ новаго музея, не справившись предварительно съ его трудомъ. Имѣя подъ руками отчеты нѣмецкаго ученаго, мы позволимъ себѣ изъ приведенныхъ имъ данныхъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія къ интереснымъ фактамъ и поучительнымъ цифрамъ, взятымъ изъ рѣчи председателя Антропологическаго общества.

Крупныя пожертвованія въ пользу различныхъ научныхъ учрежденій въ Америкѣ не рѣдкость. Гэддонъ не даромъ ставитъ въ заслугу американскимъ ученымъ, что они умѣютъ возбудить интересъ въ капиталистахъ къ поддержанію своей науки, и капиталистамъ, что они очевидно болѣе своихъ собратьевъ въ Англіи (добавимъ и въ другихъ странахъ) понимаютъ цѣну научныхъ изысканій и изученія. Изъ исторіи возникновенія многочисленныхъ просвѣтительныхъ учрежденій Америки явствуетъ, что американскіе милліонеры охотно жертвуютъ милліоны на научныя цѣли. «Въ Америкѣ, замѣчаетъ Мейеръ, понимаютъ обязанности, налагаемыя собственностью», и онъ приводитъ списокъ нѣкоторыхъ пожертвованій. Такъ, семья Stanford внесла 25 мил. марокъ на учрежденіе университета ихъ имени, Hopkins—15 м., Clark—12 м., на подобную же цѣль, семья Vanderbild—15 м. на университетъ ихъ имени, Peabody—24 м. на различныя учрежденія научнаго характера и т. д.

«Ни въ одномъ государствѣ міра, говоритъ Гэддонъ, не дѣлается столько для этнологіи, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ». Ежегодно издерживаетъ около 15 мил. фунтовъ стерлинговъ одно Bureau of Ethnology. Оно каждый годъ выпускаетъ по два большихъ тома, число которыхъ въ настоящее время превысило цифру 20, и которые содержатъ цѣнные матеріалы Powell'a, Boas'a, Mooney'a, Gatschet и др. Множество неизданнаго матеріала хранится еще въ этомъ обществѣ. Знаменитый Смисзоновскій институтъ имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи, кромѣ Astrophysical Laboratory и Zoological Park, также и Bureau of Ethnology и отдѣлъ Антропологіи національнаго музея. Антропологическій отдѣлъ разбивается на слѣдующія подотдѣленія, показывающія, какъ широко понимается здѣсь слово антропологія: этнологія, историческая археологія, доисторическая археологія, медицина, исторія, исторія религій, отдѣленія техническія, біографическія.

Коллекціи этого обширнаго, антропологическаго отдѣла имѣютъ быть помѣщенными въ зданіи National Museum; въ настоящее время за неимѣніемъ мѣста онѣ находятся въ зданіи, принадлежащемъ Смисзоновскому институту. Председатель Антропологическаго отдѣла W. H. Holmes въ распредѣленіи собраній намѣренъ преслѣдовать двоякую цѣль: представить 1) культурную исторію всего человѣчества, 2) характерныя черты отдѣльныхъ племенъ и народовъ. Такъ, въ музеѣ находится

прекрасный отдѣлъ орудій, начиная съ каменныхъ и кончая самыми новѣйшими. Эволюціи способовъ передвиженія по сушѣ и по водѣ также представлены черезвычайно полно. Какъ и въ большинствѣ другихъ музеевъ Соединенныхъ Штатовъ, наибольшее вниманіе удѣлено народамъ Сѣверной Америки: эскимосамъ, племенамъ сѣверо-западнаго побережья, индѣйцамъ пуэблосамъ и т. д. Бѣдны коллекціи, относящіяся къ Центральной и Южной Америкѣ и къ другимъ материкамъ. Каждую этническую группу Holmes старается представить наглядно въ манекенахъ, моделяхъ жилищъ, въ одеждахъ, предметахъ обихода и т. д. Планъ Holmes'a еще далекъ отъ своего осуществленія за недостаткомъ мѣста.

При Пенсильваніїскомъ университетѣ имѣется также музей этнографическій и археологическій. Интересно, между прочимъ, замѣтить, что на устройство и поддержаніе его университетъ не тратитъ ничего. Музей содержится исключительно на частныя пожертвованія. Коллекціи его составились изъ предметовъ, собранныхъ во время научныхъ экспедицій разными лицами: Flinders Petrie въ Египтѣ, Frothingam—въ теченіе трехлѣтнихъ раскопокъ этрусскихъ могилъ. Миссъ Boyd занималась раскопками на о. Критѣ, Uhle собиралъ древности въ Перу и т. д. Средства на эти экспедиціи привлекались опять таки частнымъ путемъ. Отдѣлъ этнографическаго музея представляетъ значительный интересъ. Здѣсь собраны цѣнные матеріалы по этнографіи индѣйцевъ западной части Сѣв. Америки, богатая коллекція этнографическихъ предметовъ изъ Соровако, очень цѣнное собраніе игрушекъ и т. д. При музеѣ находится богатое книгохранилище, въ которое вошла библіотека извѣстнаго ученаго этнографа Дан. Бринтона (Brinton). Музей издаетъ свои Bulletins, въ которыхъ на ряду съ самостоятельными статьями спеціальнаго характера (археологія и этнографія) обращаютъ вниманіе таблицы съ изображеніемъ вновь поступившихъ предметовъ.

The American Museum of Natural History въ Нью-Іоркѣ основанъ въ 1869 г. Планъ начертанъ въ громадныхъ размѣрахъ. До сихъ поръ возведена приблизительно лишь $1/6$ часть этого колоссальнаго зданія. Въ осуществленіи и этого грандіознаго научнаго предпріятія сказалась широкая самодѣятельность общества. Городъ взялъ на себя постройку зданія. Все остальное—привлеченіе средствъ на пріобрѣтеніе коллекцій, пополненіе библіотеки, устройство чтеній, организація научныхъ экспедицій—лежитъ на отвѣтственности совѣта музея: предсѣдателя и 24 попечителей. Затрачивая значительныя суммы на постройку (до сихъ поръ израсходовано до 6 мил. руб.) городъ остается ежегодно въ дефицитѣ отъ 3—6 тыс. ф. ст., которые, однако, охотно покрываются совѣтомъ музея, состоящимъ преимущественно изъ крупныхъ жертвователей. Насколько щедръ совѣтъ музея, видно изъ нѣкоторыхъ цифръ, приведенныхъ Гэддономъ и Мейеромъ. Ежегодно отпускается на отдѣлы «антропологическихъ наукъ» отъ 6—10 тыс. фунт. стер., въ томъ числѣ отъ 4,500—7,300 ф. ст. на археологію и этнографію. 200000 рублей затрачено на научныя командировки съ цѣлью пріобрѣтенія коллекцій, 25000 р. выдается музею отъ города только на устройство чтеній для

учителей. Музей дѣйствительно сумѣлъ стать широкимъ разсадникомъ просвѣщенія. Его библіотека въ 1899 г. состояла изъ 44000 томовъ. Посѣтителей за этотъ годъ было 458000 чел. Въ аудиторіи музея, вмѣщающей 1500 чел., въ 1899 г. прочитано было 81 лекція (не считая чтеній устраиваемыхъ спеціально для учителей) и на нихъ присутствовало 66000 чел. Музей издаетъ «Annual Reports», «Bulletins» и «Memoirs»; кромѣ того ежемѣсячное изданіе «The American Museum Journal» — цѣлый кладъ цѣннаго научнаго матеріала. Экспедиціи, организуемыя музеемъ, обставлены нужными средствами. Въ 1899 г., сообщаетъ Мейеръ, изъ этихъ экспедицій три имѣли въ виду изысканія въ области палеонтологіи, двѣ—зоологическія изслѣдованія, восемь были чисто археологическаго и этнографическаго характера. Изъ экспедицій, снаряженныхъ музеемъ за послѣдніе годы, особенный интересъ представляютъ слѣдующія: B. Laufer, потрудившійся надъ изученіемъ племенъ, живущихъ по Амуру, направился въ Южный Китай; Marshall K. Salive занимался раскопками въ Мексинѣ. J. R. Swanton изучалъ гайдаховъ, G. Hunt работалъ въ сѣверной части о. Ванкувера. Dixon изслѣдовалъ калифорнійскія, A. L. Kroeber—алгонкинскія племена; William Jones—индѣйскія племена, Sac и Fox; H. H. St-Clair—шошоновъ. Morris Jesop, предсѣдатель совѣта музея, на свои щедрыя пожертвованія (въ 1900 г. имъ было издержано 4200 ф. ст.) снарядилъ рядъ экспедицій, изъ которыхъ особенный интересъ представляютъ для русскихъ этнографовъ организованныя съ 1897 г. въ различныя мѣстности сѣверо западнаго побережья Америки и сѣверовосточной Азіи для изученія настоящаго и прошедшаго племенъ, живущихъ по берегамъ сѣверной части Тихаго океана. Изъ семи экспедицій, снаряженныхъ подъ общимъ руководительствомъ F. W. Putnam'a, предсѣдателя антропологическаго отдѣла музея, три направились въ Сибирь. Съ чисто антропологическими цѣлями посѣтилъ Ales Hrdlicka юго-западную часть Соединенныхъ Штатовъ и сѣверную Мексику—области, населенныя въ прежнія времена пещерными жителями (cliff dwellers) и племенами пуэблосовъ, толтеками, астеками и чичимеками.

Изъ залъ, посвященныхъ этнографіи, наибольшій интересъ представляютъ тѣ, которыя отведены этнографіи племенъ Сѣверной Америки. Особенно цѣнны своей полнотой коллекціи съ сѣверозападнаго побережья Америки, въ яркой картинѣ рисующей бытъ, религіозныя воззрѣнія, искусство тлинкитовъ, гайдаховъ, тшиміаковъ, нутка и племенъ Британской Колумбіи и штата Вашингтона. Эти коллекціи очень важны для изученія орнаментики, скульптуры, живописи, плетенія и пр. у различныхъ индѣйскихъ племенъ Тихоокеанскаго побережья. Очень серьезный интересъ представляютъ собранныя въ музеѣ мексиканскія древности. По свидѣтельству F. W. Putnam'a, этотъ отдѣлъ музея имѣетъ преимущество передъ подобными собраніями въ другихъ музеяхъ, такъ какъ, благодаря своей полнотѣ, онъ является существенно важнымъ для изучающихъ древнюю цивилизацію Мексики и центральной Америки. Интересны коллекціи по этнографіи эскимосовъ и туземцевъ Тихаго Океана. Африка,

Азія и Европа представлены черезчуръ бѣдно. Какъ Гэддонъ, такъ и Мейеръ отмѣчаютъ существенный недостатокъ въ распредѣленіи коллекцій. Многіе этикеты не вполнѣ могутъ удовлетворить любознательнаго посѣтителя; они къ тому же не отличаются желательнымъ единообразіемъ. На многихъ предметахъ нѣтъ вовсе объяснительнаго этикета. Все это, конечно, значительно затрудняетъ всякаго, желающаго серьезно ознакомиться съ коллекціями музея и сдѣлать ихъ основаніемъ для своихъ научныхъ построеній.

The Peabody Museum of Archaeology при Harvard University въ шт. Массачусетъ уже не имѣетъ возможности выставить всѣ свои многочисленныя все увеличивающіяся коллекціи. Археологія восточныхъ и центральныхъ штатовъ богато представлена въ музеѣ. Здѣсь находится множество предметовъ, добытыхъ раскопками въ земляныхъ насыпяхъ, тѣхъ загадочныхъ моундахъ (mounds), которымъ давали столь различныя и противорѣчивыя объясненія. Цѣнный вкладъ пожертвованъ музею м-съ Mary Hemenway, которая въ 1887—1893 г. совершала очень плодотворныя научныя изысканія археологическія и этнографическія въ Аризонѣ и Новой Мексикѣ, въ области заселенной индѣйцами пуэблосами. Въ 1901 г. музеемъ были организованы, при помощи крупныхъ частныхъ пожертвованій, многочисленныя экспедиціи, преимущественно археологическаго характера. A. M. Toyzer занимался изученіемъ языка и миѳовъ наваховъ. Изъ изданій музея особенное значеніе для этнографа имѣютъ Archaeological a. Ethnological Papers of the Peabody Museum. Что же касается до Memoirs of the Peabody Museum of American Archaeology a. Ethnology, то это періодическое изданіе посвящено преимущественно вопросамъ археологіи.

Field Columbian Museum возникъ всего 10 л. тому назадъ, во время всемірной выставки въ Чикаго. Тѣмъ не менѣе онъ сразу всталъ въ ряду первѣйшихъ музеевъ всего свѣта. Здѣсь также въ широкомъ размахѣ сказалась частная иниціатива. Одинъ изъ богачей г. Чикаго Фильдъ (давшій музею свое имя) пожертвовалъ сразу 1 мил. ф. ст. на устройство музея. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ уже частнымъ путемъ было собрано еще около 2 мил. ф. ст.—1200 человѣкъ приняли участіе въ подпискѣ; размѣръ взносовъ колебался на наши деньги отъ 2—200000 руб. По окончаніи выставки явилась возможность скупить множество экспонатовъ, вслѣдствіе чего новый музей сразу обогатился многочисленными коллекціями. Ученые этнографы съ почетной извѣстностью, W. H. Holmes, Franz Boas и F. W. Putnam руководили первыми шагами новаго учрежденія въ области «антропологическихъ» наукъ. Это не могло не отразиться крайне выгодно на организаціи этнографическаго и археологическаго отдѣловъ музея. Рядъ экспедицій для пріобрѣтенія новыхъ предметовъ былъ отправленъ музеемъ въ различныя мѣстности Сѣв. и Центральной Америки. Общее руководство научными командировками принадлежало Putnam'у. Средства давались или самимъ музеемъ или частными лицами. Коллекціи начали быстро стекаться въ новое учрежденіе. E. E. Ayer пожертвовалъ цѣнное со-

браніе археологическихъ предметовъ изъ Египта и Италіи (римскіе и этрусскіе); H. N. Higinbotham—коллекцію этнографическихъ предметовъ изъ Кореи; Armour и Aldis—мексиканскія древности и т. д. Музей состоитъ изъ пяти отдѣленій: «антропологическаго», ботаническаго, геологическаго, зоологическаго и орнитологическаго, (послѣдній безъ всякой вѣской причины выдѣленъ въ особый отдѣлъ). Въ антропологическій отдѣлъ входятъ, соотвѣтственно широкому пониманію слова антропологія въ Америкѣ, коллекціи по физической антропологіи, этнографіи, отдѣленія: путей сообщенія, жел. дорогъ, транспорта, книгопечатанія, графическихъ искусствъ, музыкальныхъ инструментовъ. Но въ этомъ отдѣлѣ отведено очень большое мѣсто этнографическимъ коллекціямъ, особенно относящимся къ племенамъ Сѣверной Америки. Въ музеѣ Фильда прекрасно представленъ бытъ племенъ: сіуксовъ и алгонкиновъ, кулакапановъ въ Калифорніи, гайдаховъ, эскимосовъ съ Н. Гренландіи, Аляски и Восточной Сибири, суньи, хопи и др. Особенно интересна коллекція древнихъ сосудовъ хопи (4000 экз.), добытыхъ путемъ раскопокъ. Селеніе современныхъ хопи цѣликомъ перенесено въ музей съ полной обстановкой быта. Для изученія религіозныхъ вѣрованій хопи въ музеѣ имѣется также весьма цѣнный матеріалъ. Богаты также собранія древностей изъ Иллинойса, Арканзаса, Мичигана, Тенесси и др. штатовъ. Этнографическія коллекціи изъ Венесуэлы, Колумбіи, Перу, Чили и Эквадора также многочисленны. Что касается Азіи, Африки и Европы, то, какъ и въ большинствѣ сѣверо-американскихъ музеяхъ, онѣ представлены слабо. Впрочемъ выгодно выдѣляются предметы, имѣющіе отношеніе къ театральнымъ представленіямъ на Явѣ и Цейлонѣ, также этнографическія коллекціи изъ Кореи и археологическіе предметы изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ и изъ Англіи. Заслуживаютъ особаго вниманія антропологическія (физическая антропологія) коллекціи. Мейеръ считаетъ этотъ отдѣлъ музея богатѣйшимъ во всемъ свѣтѣ по количеству человѣческихъ скелетовъ. Понятно, что и тутъ на первомъ мѣстѣ стоятъ туземныя племена Америки. Сотни скелетовъ и череповъ племенъ сѣверозападнаго побережья, алгонкиновъ, Blackfoot'овъ, Flathead'овъ съ р. Колумбіи (деформированные черепа), 150 полныхъ скелетовъ изъ Перу, черепа изъ прочихъ частей свѣта занимаютъ 33 шкапа. Распредѣленіе коллекцій, по мнѣнію Мейера, чрезвычайно поучительно. Подробное описаніе интересующіеся музейскимъ дѣломъ найдутъ въ вып. II-омъ изслѣдованія Мейера, стр. 12. Для лицъ, имѣющихъ дѣло съ установкой коллекцій въ музеяхъ и занесеніемъ отдѣльныхъ предметовъ въ каталогъ, не безынтересно будетъ, быть можетъ, прочестъ стр. 7—8 въ томъ же томѣ, на которыхъ Мейеромъ описанъ подробно «методъ каталогизаціи», принятый въ чикагскомъ музеѣ Фильда и доказывающій, что управленіе музея не боится кропотливаго труда для достиженія образцоваго порядка. Мейеръ указываетъ также на полноту объяснительныхъ карточекъ, приложенныхъ къ каждому предмету, что поднимаетъ цѣнность выставленныхъ коллекцій для посѣтителей. Музей Фильда выпускаетъ также повременное изда-

ніе, имѣющее интересъ для этнографовъ: Anthropological Series of the Publications of the Field Columbian Museum.

Наконецъ можно ждать возникновенія новаго археологическаго и этнографическаго музея въ С.-Франциско. Уже сейчасъ во временномъ помѣщеніи собраны значительныя коллекціи—результатъ научныхъ экспедицій, субсидируемыхъ щедрой рукой м-съ Ph. A. Hearst. Ею были оплачены раскопки G. A. Reisner'a въ Египтѣ, Max'a Uhle въ Перу и др. Благодаря ей Kroeber и Goddard могли производить свои научныя изысканія въ Калифорніи въ области лингвистики, миѳологіи и этнографіи. Въ послѣднее время м-съ Hearst обѣщала въ теченіе пяти лѣтъ вносить въ Калифорнійскій университетъ по 10000 ф. стер. на «антропологическія» изслѣдованія. Въ 1901 г. антропологическія науки вошли какъ предметъ преподаванія въ Калифорнійскій университетъ. На торжественномъ открытіи the Department of anthropology F. W. Putnam прочелъ лекцію о методахъ «антропологическихъ» изслѣдованій, миссъ A. Fletcher о значеніи изученія этнографіи, м-съ Zelia Nuttal о пиктографическомъ письмѣ древнихъ мексиканцевъ. A. L. Kroeber въ теченіе слѣдующаго академическаго года читалъ курсъ по языкамъ, миѳологіи и быту американскихъ индѣйцевъ.

Вопросъ о преподаваніи этнографіи въ университетахъ и коллэджахъ*) Соединенныхъ Штатовъ въ высшей степени интересенъ. У насъ этнографія до сихъ поръ лишь медленно отвоевываетъ себѣ мѣсто въ университетскомъ преподаваніи. Болѣе простора дано ей въ западно-европейскихъ университетахъ; но и тамъ читаются лишь отдѣльные курсы по общей этнографіи или по отдѣльнымъ вопросамъ ея, и лишь постепенно крѣпнетъ мысль о необходимости приготовлять спеціалистовъ этнографовъ, заставивъ ихъ пройти систематически курсъ по предметамъ, тѣсно связаннымъ съ главной ихъ наукой. Вотъ почему особенно интересна постановка антропологіи въ сѣверо-американскихъ университетахъ, бѣгло, за недостаткомъ времени, очерченная въ рѣчи Гэддона. И въ Америкѣ положеніе этнографіи, какъ науки, входящей въ университетскій курсъ, еще не твердо установилось. Въ настоящее время «антропологія», говоритъ Гэддонъ, преподается въ 33 университетахъ и коллэджахъ. Въ девяти случаяхъ она пристегнута къ соціологіи, въ пяти—къ философіи, въ трехъ къ психологіи, въ пяти—къ геологіи и зоологіи, въ одномъ случаѣ—къ медицинѣ и лишь въ пяти университетахъ существуетъ особый факультетъ (faculty) антропологіи. За болѣе подробными свѣдѣніями Гэддонъ отсылаетъ читателей къ статьѣ Mac Curdy, «The teaching of anthropology in the United States» (Science, N. S. v. XV. 1902, p. 211); самъ же онъ остановился кратко на преподаваніи «антропологіи» въ Colombia University въ Нью-Іоркѣ. Студентъ, избравшій «антропологію»

*) Американскіе университеты отличаются большимъ разнообразіемъ и не соотвѣтствуютъ вполнѣ нашимъ университетамъ. Низшіе классы коллэджей соотвѣтствуютъ высшимъ классамъ нашихъ гимназій, а высшіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—первымъ семестрамъ заграничныхъ университетовъ.

своимъ главнымъ предметомъ, выходитъ съ «антропологическаго» факультета настоящимъ ученымъ «антропологомъ». Первый годъ посвященъ изученію физической антропологіи, распредѣленію расъ на земномъ шарѣ, изученію языка; курсъ этнологіи развиваетъ передъ слушателями умственное состояніе и эволюцію его у первобытнаго человѣка, и останавливается на происхожденіи и развитіи отдѣльныхъ фазисовъ культуры. Лишь послѣ твердаго усвоенія перваго курса студенты допускаются къ продолженію своихъ занятій. Особенное вниманіе обращено въ дальнѣйшемъ на усвоеніе курсовъ психологіи и соціологіи, наукъ, тѣсно связанныхъ съ «антропологіей». Студентъ антропологическаго факультета Columbia University обязанъ прослушать лекторовъ психологическаго факультета (School of psychology) по общей сравнительной, экспериментальной, патологической, физіологической психологіи. Онъ долженъ посѣщать прекрасно обставленныя психологическія лабораторіи. Курсы соціологіи, статистики, археологіи также обязательны для будущаго антрополога; точно также и участіе въ многочисленныхъ семинаріяхъ и практическихъ работахъ въ музеяхъ. Не входя въ критику постановки «антропологическаго факультета» (отдѣленія) и подготовки спеціальныхъ «антропологовъ», невольно подумаешь, что и въ данномъ случаѣ Соединенные Штаты представляютъ примѣръ, который способенъ возбудить понятную зависть и вызвать благородное соревнованіе. Если проф. Cattell высказалъ, что существуетъ безотлагательная нужда въ лицахъ, спеціально обученныхъ антропологіи, и въ Америкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно сказать, что такія лица необходимы всюду, что этнографія завоюетъ себѣ прочное мѣсто среди другихъ наукъ только тогда, когда войдетъ въ научное университетское преподаваніе, когда сама окрѣпнетъ подъ сѣнью университетовъ. Необходимость въ лицахъ, спеціально изучавшихъ этнографію и связанныя съ ней болѣе или менѣе тѣсно науки, особенно чувствуется въ Россіи, гдѣ еще такъ много сохранилось живого этнографическаго матеріала, гдѣ важны труды и собирателей этнографовъ, но все болѣе и болѣе слышится призывъ къ *научной* систематизаціи собраннаго.

Рѣчь свою объ успѣхахъ «антропологическихъ» наукъ въ Соединенныхъ Штатахъ Гэддонъ заключилъ указаніемъ на дѣятельность ученыхъ обществъ: The Anthropological Society of Washington, The Ethnological Society of N. Jork, Section H of the American Association for the Advancement of Science, The Anthropological Club и проч., которыя распространяютъ знакомство съ излюбленными ими науками въ широкихъ кругахъ общества, также и на труды отдѣльныхъ лицъ, какъ Clarence B. Moore, E. S. Morse, Carl Lumholy, Miss Mary Owen, Duc de Loubat и др. авторы, не будучи связаны ни съ однимъ ученымъ обществомъ, оказали большія услуги этнографіи. Гэддонъ вполнѣ справедливо придаетъ большое значеніе и популяризаціи «антропологическихъ» наукъ въ широкихъ кругахъ общества: устройству чтенія, объясненіямъ коллекцій въ музеяхъ, изданію толковыхъ и иллюстрированныхъ путеводителей по музеямъ, выпусканію въ свѣтъ популярныхъ очерковъ

по этнографіи, археологіи и антропологіи, наконецъ, статьямъ въ журналахъ, газетахъ, и прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Все это дѣлается во всѣхъ странахъ западной Европы, также и у насъ въ Россіи, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

В. Х-на.

Основаніе Священной Бухары.

(Записано въ Бухарѣ со словъ караул-бѐги Се́ид - Бе́ка. Съ таджикскаго).

На границахъ Китая было когда-то одно царство, въ которомъ властвовалъ царь Хало́къ. Онъ и народъ его были невѣрные. Имѣлъ этотъ царь обыкновеніе: всякаго чужестранца, попадавшаго къ нему въ городъ, испытывать загадками, и если тотъ не могъ отгадать ихъ, то царь приказывалъ убивать его. И много людей погубилъ царь Хало́къ такимъ образомъ, потому что никто не могъ отгадать его мудреныхъ загадокъ.

Былъ въ замкѣ Люму́шк-Типа́, или Люмушки́нъ, гдѣ теперь стоитъ Бухара, семилѣтній мальчикъ Има́м-Козй-Ханъ, не по лѣтамъ отличавшійся умомъ и силою. Прослышалъ онъ о царѣ Халокѣ, о томъ, что много народу погубилъ тотъ невинно изъ-за того только, что люди не могли разгадать его загадокъ. Взялъ Има́м-Козй-Ханъ въ одну руку большого верблюда и явился къ царю Хало́ку. Доложили послѣднему о необыкновенномъ мальчикѣ, пришедшемъ съ такою странною и необычною ношею. Приказалъ царь привести его и, когда увидѣлъ, что это еще ребенокъ, разсердился и сказалъ:

— Что ты пришелъ ко мнѣ? Вѣдь ты еще дитя. Я думалъ, что явился ко мнѣ мужъ великій и брадатый.

Има́м-Козй-Ханъ, указывая на верблюда, котораго онъ держалъ въ рукѣ, сказалъ:

— О, царь, вотъ большой, котораго ты желаешь, а вотъ и тотъ— продолжалъ онъ, показывая на козла, бывшаго у него въ другой рукѣ,— у котораго такая длинная почтенная борода. Оба они отвѣчаютъ твоимъ требованіямъ о представительности. Говорить же за нихъ позволь мнѣ.

Понравилась царю рѣчь мальчика, благосклонно принялъ онъ его и сталъ задавать ему загадки, которыя тотъ тотчасъ и разгадывалъ. Восхищенный умомъ мальчика, царь сказалъ:

— Проси у меня все, чего ты хочешь: я все тебѣ дамъ!

Има́м-Козй-Ханъ отвѣчалъ:

— О, царь, дай мнѣ столько земли, сколько займетъ воловья шкура.

Засмѣялся царь Хало́къ такой наивной просьбѣ мальчика и далъ ему позволеніе взять себѣ во владѣніе землю, гдѣ онъ хочетъ. Има́м-

Козй-Ханъ разрѣзалъ воловью кожу на тонкіе ремни, связалъ ихъ и приказалъ своимъ людямъ окружить ими столько земли вокругъ своего замка Люмушкйнъ, сколько эта кожаная тесьма могла охватить.

Такъ Имам-Козй-Ханъ, благодаря своей мудрости, положилъ начало Бухарскому ханству.

А. Семеновъ.

Главныя основы распредѣленія земли и воды у туркменъ Закаспійской области.

Закаспійская область представляетъ собою, какъ извѣстно, громадное (въ 531738 кв. верстъ) пространство, состоящее изъ песчаныхъ безжизненныхъ пустынь и лёсовыхъ степей. На первыхъ, кромѣ печальныхъ бархановъ и одиноко торчащихъ кустарниковъ саксаула, ничего не увидишь. Пески раскинулись и вправо, и влѣво, пески—назади, пески уходятъ и впередъ. На лёсовыхъ же равнинахъ, если онѣ орошены, встрѣчается зелень травъ, растутъ деревья, разбросаны города и поселенія и движутся стада кочевниковъ. При недостаткѣ же орошенія и лёсовая степь становится такою же безжизненною, какъ и песчаная пустыня. Какъ часто можно наблюдать раннею весною и осенью, послѣ дождей, обширныя лёсовыя равнины, покрытыя ковромъ травъ и цвѣтовъ, а въ лѣтніе мѣсяцы эти спаленныя солнцемъ пространства унылы, безжизненны и почти такъ же страшны, какъ и пустыни. Поэтому вода въ этихъ странахъ—все; съ этимъ словомъ здѣсь тѣсно связано личное благосостояніе не только крупныхъ населенныхъ центровъ, но и каждаго отдѣльнаго домохозяина-земледѣльца. Ибо всюду и вездѣ здѣсь земледѣліе можетъ существовать лишь только при помощи орошенія и притомъ, за недостаточностью выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ, орошенія искусственнаго, для созданія котораго населеніе съ большою затратою труда и времени отводитъ изъ имѣющихся по близости рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ и родниковъ воду и распускаетъ ее при помощи громадной сѣти канавъ и подземныхъ каналовъ по землямъ, предназначеннымъ для посѣва.

Поэтому въ настоящемъ сообщеніи, говоря о землепользованіи, мы попутно коснемся и водопользованія, такъ какъ разграничить одно отъ другого невозможно.

Всѣ обрабатываемыя туркменами земли двухъ родовъ: такъ называемыя «мюльковыя» и «санашиковыя» [1]). Первыя суть тѣ, коими владѣютъ на правахъ личной собственности, а вторыя находятся въ общин-

---

[1]) Первое слово происходитъ отъ арабскаго *мулк*—собственность, владѣніе. Второе слово—отъ туркменско-азербиджанскаго отглагольнаго существительнаго *санашик*—счетъ, совокупность многихъ предметовъ (отъ глагола *санамагк*, что значитъ *считать, исчислять*).

номъ владѣніи. То же слѣдуетъ сказать и о водопользованіи; оно также двухъ родовъ: мюльковое и санашиковое.

Происхожденіе того и другого земле-водопользованія слѣдующее.

Каждый туркменъ, имѣющій свой дворовый участокъ земли, на которомъ стоитъ его жилище и находится садъ, виноградники и посѣяны овощи, владѣетъ этимъ участкомъ на правахъ личной собственности, т. е. мюлька. Для орошенія такихъ усадебныхъ участковъ, обыкновенно отъ общей воды, находящейся во владѣніи всего селенія, отдѣляется особая канава (иногда нѣсколько), по которой и располагаются всѣ мюльковые участки. Обычный, такъ сказать, узаконенный, размѣръ мюльковъ не существуетъ: все зависитъ отъ того, кому какой величины участокъ достался по наслѣдству. Въ среднемъ же величина мюльковъ колеблется между 1 и 6 «танапами» [1]).

Въ вопросѣ о правахъ собственности на каждый мюлькъ не вездѣ существуютъ одинаковыя, выработанныя исконнымъ обычаемъ, руководящія указанія. Именно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ и частью въ Мервскомъ и въ другихъ районахъ, мюльки и орошающая ихъ вода могутъ быть проданы или подарены владѣльцемъ ихъ другому лицу, т. е. ими можно распоряжаться, какъ полною собственностью. Въ другихъ же мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ большей части Мервскаго оазиса, мюльковые участки разсматриваются какъ общественная собственность и даются членамъ того или другого рода или группы лишь въ пожизненное владѣніе, а послѣ смерти владѣльца снова переходятъ въ собственность общества. Но при этомъ часто случается, что на мюлькахъ ихъ владѣльцы разводятъ фруктовые сады и виноградники и возводятъ постройки, т. е. затрачиваютъ массу труда и времени на приведеніе своего участка въ болѣе или менѣе цвѣтущій видъ; въ виду этого общество предоставляетъ право ближайшимъ родственникамъ умершаго мюльковладѣльца получить такіе участки въ мюлькъ. Если же наслѣдники и безъ того владѣютъ мюльками, то предоставляется право промѣнять послѣдніе на болѣе лучшій ихъ умершаго родственника.

Преимущество въ наслѣдованіи мюлькомъ и мюльковой водою предоставляется всегда младшимъ сыновьямъ, не женатымъ или поздно женившимся, или незамужнимъ дочерямъ умершаго. Причемъ, если послѣднія выходятъ замужъ, то участки у нихъ отбираются. За неимѣніемъ сыновей или дочерей право на оставшійся мюлькъ имѣютъ слѣдующіе ближайшіе родственники наслѣдодателя. При отсутствіи же наслѣдниковъ общество отдаетъ мюльки, обыкновенно по жребію, кому либо изъ своихъ сородичей или оставляетъ въ общественномъ пользованіи, сдавая ихъ

---

[1]) Отъ арабскаго *Танâб—веревка*. Такъ въ средней Азіи называется особая мѣра для площадей земли; въ различныхъ мѣстахъ она различна. Въ Закаспійской же области равна почти $1/6$ десятины.—Возможно, что во времена арабскаго владычества въ Средней Азіи участки земли измѣрялись при помощи опредѣленной длины веревки, откуда произошло и самое названіе единицы мѣры для площадей „танáб“, или „танáпъ“.

въ аренду. Каждому владѣльцу доставшагося ему мюлька принадлежитъ лишь неотъемлемое право или самому обрабатывать свой участокъ, или сдать его въ аренду, продавать же никто не имѣетъ права.

Отличіе *санашиковаго* землевладѣнія отъ мюльковаго состоитъ въ томъ, что общественныя земли находятся вдали отъ мюльковыхъ участковъ и предназначаются для посѣва злаковъ, хлопка и бахчей; составляя собственность всего селенія или рода, онѣ не подлежатъ отчужденію (мюльки могутъ быть отчуждаемы) и каждый годъ распредѣляются между членами общества, причемъ каждый, получившій надѣлъ, можетъ сдать его въ аренду другому до слѣдующаго передѣла земли. Надѣлъ, отобранный почему либо у одного изъ членовъ общества, поступаетъ въ распоряженіе всего общества, владѣющаго санашиковой землей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ, наприм., въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ) необходимость надѣлить дворовыми участками выдѣленныхъ изъ семьи новоженовъ и другихъ кибитковладѣльцевъ заставляетъ общество превращать санашиковыя земли,—часть, а иногда и всѣ,—въ мюльковыя. Въ этомъ случаѣ земля дѣлится на отдѣльные равные участки, которые по жребію и распредѣляются между новоженами.

Отъ расположенія земельныхъ участковъ, какъ мюльковыхъ, такъ и санашиковыхъ, зависитъ и положеніе оросительныхъ канавъ (называемыхъ у туркменъ «ябами»), т. е. ихъ направленіе и устройство.

Для орошенія усадебныхъ (мюльковыхъ) участковъ проводится отдѣльная канава на болѣе или менѣе продолжительное время, именно: гдѣ на мюлькахъ находятся глинобитныя постройки и разбиты сады, оросительныя канавы постоянны, но тамъ, гдѣ селеніе долго не засиживается на мѣстѣ и черезъ извѣстный промежутокъ времени переноситъ свои кибитки въ другое мѣсто,—забрасываются и прежніе «ябы».

Способъ полученія общественной (санашиковой) воды жителями того или другого селенія состоитъ въ слѣдующемъ.

Пересчитываютъ всѣхъ, имѣющихъ право на долю воды, а таковыми считаются: всѣ женатые мужчины, сироты, лишившіеся отца, вдовы, живущія не при дѣтяхъ, имѣющихъ воду, и женатые пришельцы, поселившіеся въ селеніи по пріемному приговору. Затѣмъ прибавляютъ къ этому числу тѣ доли воды, кои жертвуются обществомъ на благотворительныя дѣла [1]), и слѣдують на вознагражденье мѣстнымъ деревенскимъ властямъ, при избыткѣ же воды сюда причисляютъ и ту воду, которую желаютъ сдать въ аренду.

Всѣ, имѣющіе получить воду, получаютъ равныя ея доли, называемыя «су». Для примѣра допустимъ, что въ селенія число всѣхъ «су» (т. е. участниковъ въ дѣлежѣ воды) 240, каждый изъ нихъ долженъ пользоваться своею долею воды въ сутки опредѣленное количество времени. Но при отсутствіи у туркменъ часовъ, наконецъ при невозможности

---

[1]) Напр. въ Чикишлярскомъ приставствѣ, Красноводскаго уѣзда, существуетъ Худай-пай и „Ауліе-пай" воды, который отдается бѣднымъ, чтобы они молились объ урожаѣ и благополучіи всего „оба" (селенія).

водопользованья минутами вообще (24 часа или 1440 минутъ слѣдуетъ раздѣлить на 240—число всѣхъ «су»), отдѣльныя «су» группируются въ артели, наприм., хотя бы въ данномъ случаѣ, на 10 артелей, по 24 человѣка въ каждой, и соглашаются получать воду не по часамъ, а посуточно, т. е. однѣ сутки получаетъ воду одна артель, другія—другая и т. д., пока всѣ десять артелей не получатъ *полностью суточной доли* воды всей канавы селенія. Слѣдовательно, каждая партія въ данномъ случаѣ получаетъ свою долю воды для орошенія черезъ десять сутокъ. Такая группировка участниковъ водовладѣнія въ артели называется «саркáромъ» [1]), иначе говоря, «саркáръ» есть суточная очередь пользованія нѣсколькихъ лицъ всею водою оросительнаго источника или канала. Половины «саркара», т. е. дневныя и ночныя очереди поливокъ, называются «келемé». Относительно пользованія «келемé» артель сговаривается заранѣе: если, напримѣръ, одна половина артели полила свои участки днемъ, то другой предоставляется право сдѣлать тó же ночью. Само собою разумѣется, что части воды, выпадающія на долю каждаго участника въ дѣленіи послѣдней, не каждый годъ и не вездѣ представляются величиною опредѣленною. Чѣмъ больше воды въ каналѣ или источникѣ, или чѣмъ меньше лицъ, пользующихся водою, тѣмъ больше доли послѣдней, поэтому въ однихъ «обá» каждый участникъ водопользованія можетъ оросить своимъ «су» $^1/_2$—1 танапъ, а въ другихъ—4—7 танаповъ земли.

Санашиковая вода никоимъ образомъ не можетъ быть отчуждена другому лицу: она можетъ быть отдана только въ аренду до слѣдующаго раздѣла санашика. Въ случаѣ отобранія отъ владѣльца, она опять поступаетъ въ общее пользованіе всѣхъ соучастниковъ санашиковой воды. Всякій туркменъ, надѣленный общественною водою и выдѣленный въ отдѣльную кибитку, обязанъ платить государственную подать и нести всѣ натуральныя повинности. Очень многія лица въ селеніяхъ съ санашиковой водой, не имѣя почему либо возможности обрабатывать землю, отдаютъ послѣднюю вмѣстѣ съ доставшеюся имъ долею воды, въ аренду до слѣдующаго дѣлежа санашика, причемъ годовая арендная плата за одну су колеблется, смотря по мѣстности, отъ 5 до 20 рублей.

Для завѣдыванія водою въ каждомъ обá назначаются особые выборные, называемые «мирáбами» [2]), на обязанности которыхъ лежитъ надзоръ за правильностью распредѣленія воды между населеніемъ, за ежегодной чисткой канавъ и за цѣлостью дамбъ. Кромѣ главныхъ мирабовъ всего яба, каждая изъ второстепенныхъ, отдѣляющихся отъ главной, канавъ (инчé-яб) имѣетъ своего мираба, районъ котораго раздѣленъ на группы надѣловъ (пайкáлы [3]), принадлежащихъ каждая опредѣленному числу до-

---

[1]) Отъ персидскаго *сáрокáр*—часть, доля.

[2]) Слово *мирáб* составлено изъ двухъ словъ: арабскаго *мир*—глава, начальникъ и персидскаго *áб*—вода, и позаимствовано туркменами у персіянъ.

[3]) Отъ глагола *пайламаік*—дѣлить на части, отглагольное существительное.

хозяевъ. За распредѣленіемъ воды въ саркарствѣ слѣдятъ выборные «саркâр-бâши» и «келеме бâши», или «айтлык (адлыкъ) -бâши» [1]).

Всѣ эти лица могутъ быть избираемы неограниченное число разъ и очень многія изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ занимаютъ свои должности. За свой трудъ они получаютъ вознагражденіе или долями воды (су), или зерномъ, или деньгами, смотря по мѣстности.

Таковъ въ общихъ чертахъ принципъ распредѣленія земли-воды у туркменъ Закаспійской области. Болѣе детальное знакомство съ вопросомъ мѣстнаго земле-водопользованія представляетъ намъ сложную, выработанную долголѣтнимъ опытомъ, картину, на общемъ фонѣ которой такъ часто замѣчаются темныя пятна—это безчисленные и безконечные споры и тяжбы изъ-за воды различныхъ каризовъ [2]) и источниковъ; этими тяжбами завалены уѣздные начальники, каризные суды, Чрезвычайный Съѣздъ Народныхъ Судей и канцелярія Начальника области, и многолѣтней упорной враждѣ многихъ туземныхъ Капулетти и Монтекки изъ-за драгоцѣнной влаги не предвидится конца.

А Семеновъ.

Зырянская легенда о памѣ Шипичѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію легенды о памѣ Шипичѣ, я считаю необходимымъ пояснить значеніе слова «памъ», а также сказать нѣсколько словъ о личности Шипичи и отношеніи къ нему зырянъ.

Въ изслѣдованіяхъ этнографа Попова мы находимъ слово «памъ». Но значеніе, приданное этому слову, нельзя считать правильнымъ. Поповъ называетъ Пама, жрецомъ бога Іомы, причемъ Іома, по его словамъ, олицетворяетъ собою злую и хитрую бабу. Насколько я знаю, бога Іомы въ настоящее время въ представленіи зырянъ совершенно не существуетъ, по крайней мѣрѣ о немъ не осталось ни одной легенды. Только около Усть-Сысольска я слышалъ это имя на ряду со сказками о Еруслапѣ Лазаревичѣ, Полканѣ и другими, въ которыхъ видное мѣсто играетъ баба-яга. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ сказокъ баба-яга появилась у зырянъ, гдѣ получила имя Іомы.

Памомъ, по мнѣнію зырянъ, называется человѣкъ, обладающій громадной силой воли, могущій повелѣвать стихіями и лѣсными людьми; кромѣ того этотъ человѣкъ обладаетъ хорошими душевными качествами; его энергія, его познанія уходятъ на борьбу съ врагами зырянъ. Однимъ изъ такихъ памовъ былъ человѣкъ, по имени «Шипича». О немъ есть легенда. Интересно, что существуетъ много варіацій этой легенды, но еще

---

[1]) Слово *келеме-бâши*—арабско-тюркское, *атлык* (*адлык*)-*бâши* тюркское, оба слова означаютъ одно *начальникъ слова, приказанія или условности* (при распредѣленіи воды).

[2]) Иначе *кяхриз* (отъ персидск.*кâрûз*)— подземный каналъ, водопроводъ.

поразительнѣе то, что одинъ и тотъ же зырянинъ сегодня разскажетъ вамъ одну варіацію, завтра другую, смотря по тому, въ какомъ настроеніи находится разсказчикъ.

Трудно опредѣлить, въ какую эпоху появился этотъ зырянскій герой. Одни изъ зырянъ говорятъ, что Шипича былъ до крещенія ихъ, другіе, что онъ первый былъ основателемъ города Усть-Сысольска. Можно думать, основываясь на нѣкоторыхъ легендахъ, что Шипича, дѣйствительно первый поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь городъ Усть-Сысольскъ.

Теперь, я сообщу переводъ одной изъ варіацій легенды о памѣ Шипичѣ.

Въ низовьяхъ рѣки Вычегды сидѣло нѣсколько отважныхъ, добрыхъ удальцовъ, знакомыхъ съ опасностями и привычныхъ проводить время въ грабежѣ. Сердца ихъ ожесточились. Они наслаждались страданіями жертвъ, попавшихъ къ нимъ въ руки, безжалостно и даже съ восторгомъ бросали дѣтей и дѣвушекъ зырянъ въ пламя. Но одно имя пама Шипичи, приводило ихъ въ бѣшенство; они сознавали свое безсиліе передъ нимъ, и глаза ихъ, при воспоминаніи о Шипичѣ, загорались гнѣвомъ и бѣшеной яростью.

Памъ Шипича водворился при самомъ впаденіи рѣки Сысолы въ Вычегду. Шипича былъ вдовъ и имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей, которыя сильно любили его.

Не одну сотню русскихъ памъ утопилъ въ рѣкахъ, защищая зырянъ отъ ихъ нападенія. Этимъ онъ доставлялъ большое наслажденіе васамъ, которыя бросались на жертвы и прикладывали свои горячія, полныя страсти щеки къ холоднымъ губамъ утопленниковъ, но, не находя удовлетворенія своей страсти, онѣ бросались отъ однихъ труповъ къ другимъ, и наконецъ въ бѣшенствѣ впивались въ ихъ тѣло, своими тонкими, хрупкими и какъ ледъ холодными пальцами. Вода относила васъ отъ ихъ жертвъ. Счастливъ былъ памъ, но одно только иногда терзало его, это то, что онъ не могъ постигнуть Ена. Многое Шипича зналъ, духи повиновались ему, стихіи были ему подвластны, но неизвѣстность будущаго и непониманіе Ена мучили его. Иногда Шипича доходилъ до того, что для того, чтобы забыться, онъ бросался въ объятія своей любовницы и въ страстныхъ объятіяхъ заглушалъ вопросы, такъ мучившіе его. Но и здѣсь его иногда преслѣдовали эти роковые вопросы.

Однажды, послѣ побѣды надъ новгородцами, памъ, съ гордостью и радостью на лицѣ, вышелъ изъ своего жилища и сказалъ: «Мнѣ подвластны стихіи природы; мнѣ послушенъ вѣтеръ; вода по моему повелѣнію измѣняетъ теченіе; она шумитъ, кружась, обхватываетъ враговъ и отдаетъ ихъ на жертву васамъ, и онѣ, какъ черви, ползутъ къ падали. Я достигъ спокойствія среди зырянъ; нѣтъ болѣе стоновъ, раздирающихъ мой слухъ, нѣтъ новгородцевъ, и зыряне спокойно могутъ жить и наблюдать жизнь природы».

Но сомнѣніе заползаетъ въ душу Шипичи; оно точитъ его душу, и невыносимая душевная боль заставляетъ его обратиться къ объятіямъ любовницы; но увы — онъ не находитъ желаемаго спокойствія. Любовница утѣшаетъ его, она говоритъ: «Скажи, скажи, знаменитый памъ, чего тебѣ не достаетъ? Тебѣ послушны духи; ты никому не платишь дани. Все покорно тебѣ. Ты свободно ѣздишь по озерамъ. Лѣсные люди гонятъ въ твои сѣти бѣлокъ. Заяцъ бѣжитъ на разложенный тобою костеръ. У тебя много золота и серебра».

И отвѣчаетъ ей памъ:

«Я несчастливъ. Меня постоянно мучитъ чувство одиночества; болѣе — меня не веселитъ пылъ мести и стонъ новгородцевъ, такъ неожиданно для себя кончающихъ жизнь при встрѣчѣ со мною. Меня давитъ небо, лѣса и я мечусь въ безысходной тоскѣ среди всѣхъ васъ, гдѣ все мелко и невыносимо гадко, и, что всего тяжелѣе, это—сознаніе моего безсилія передъ могуществомъ Ена. И вотъ въ этомъ состояніи я ищу утѣшенія на твоей груди, но проходитъ минута, и я, еще болѣе обезсиленный и жалкій въ своемъ состояніи, бѣгаю и рву въ бѣшенствѣ на себѣ волосы. Если бы даже Енъ мнѣ далъ могущество настолько, чтобы я могъ перемѣнить все окружающее, то и тогда бы я не зналъ, что мнѣ дѣлать, такъ какъ мнѣ не извѣстна конечная цѣль созданія міра, и я задалъ бы себѣ вопросъ: къ чему мы живемъ?—если бы не было стоновъ отъ обиды, глупаго самодовольства отъ побѣды, и если бы мы, не получивъ отвѣта, кинулись убивать другъ друга, единственно для того, чтобы избѣжать этого ужаснаго вопроса».

На это любовница отвѣчала: «Успокойся, дорогой памъ. Смирись духомъ. Откажись отъ своего могущества». Но Шипича не хотѣлъ сдѣлаться простымъ смертнымъ; онъ говоритъ: «Пройдутъ года; все здѣсь измѣнится, но я одинъ буду неизмѣннымъ наблюдателемъ жизни, и смерть не коснется меня!» Любовница пама настойчиво убѣждаетъ его сдѣлаться простымъ смертнымъ. Она говоритъ: «Ты много уже пожилъ, много встрѣчалъ восходовъ солнца, ты уже насладился сладкими поцѣлуями. Придетъ время, и мы вмѣстѣ покинемъ міръ. Но если даже мнѣ суждено умереть одной, я буду тѣнью приходить къ тебѣ и ползать у твоихъ ногъ, чтобы ты не забылъ меня». Шипича отвѣтилъ: «Нѣтъ, я не могу наградить тебя безсмертіемъ, а самъ не могу покинуть этотъ міръ. Я, благодаря своему знанію, отгоню отъ себя смерть, такъ какъ не въ силахъ промѣнять сіяніе дня, шелестъ листьевъ и плескъ волны на смерть».

Между тѣмъ на высокомъ берегу Вычегды поселился другой памъ (имя утрачено), другъ Шипичи.

Давно этотъ памъ не сзывалъ зычнымъ голосомъ духовъ;—давно они уже не разсказывали ему о мірскихъ дѣлахъ. Памъ рѣшилъ сдѣлаться простымъ человѣкомъ и заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Однажды онъ былъ на работѣ, какъ вдругъ услышалъ голосъ сына: «Отецъ, отецъ, по рѣкѣ противъ теченія плыветъ лодка, никто не гребетъ, а лодка подвигается». Въ это время раздался голосъ съ лодки

«Сусло, стой!» —и сусло остановилось. Лицо пама выразило гнѣвъ; мощной походкой направился онъ къ берегу и громко закричалъ: «Сусло стой, такъ и лодка стой» [1]). Лодка остановилась, точно сорокъ сильныхъ рукъ ухватились и держатъ ее. Три дня и три ночи стояла лодка, и сусло не капало; и понынѣ бы лодка новгородцевъ стояла, если бы они не сумѣли умилостивить пама. Новгородцы умоляли его говоря: «Памъ, могущественнѣйшій изъ людей, ты отпусти насъ, молодыхъ и неопытныхъ, пошутившихъ надъ тобой, великимъ памомъ. Ты самъ былъ молодъ, и горѣлъ желаніемъ, показать старикамъ свое умѣніе властвовать надъ духами. Такъ не лишай же насъ радости жить».

Величественнымъ жестомъ памъ пригласилъ къ себѣ новгородцевъ. Сусло закапало въ чашки (таси), и новгородцы подъѣхали къ берегу. Памъ любезно встрѣтилъ гостей и спросилъ ихъ, куда они держатъ свой путь. Новгородцы отвѣчали: «Мы ѣдемъ убить пама Шипичу. Только теперь и можно убить его, такъ какъ онъ пируетъ съ любовницей, а потому не имѣетъ власти надъ духами». На эти слова памъ съ усмѣшкой сказалъ: «Въ моей власти—позволить держать вамъ путь дальше. Я другъ Шипичи и могу приказать своимъ духамъ преградить вамъ путь, но благодаря тому, что я давно покинулъ мірскія дѣла, я не предприму ничего. Я сдѣлался простымъ смертнымъ и только оставилъ себѣ власть призывать духовъ, при угрожающей мнѣ опасности».

Въ это время вѣрные Шипичѣ духи принесли вѣсть объ угрожающей ему опасности. На другой день новгородцы подошли къ берегу (гдѣ теперь стоитъ соборъ Троицы). Это мѣсто было недалеко отъ жилища Шипичи.

Шипича призвалъ своихъ слугъ и велѣлъ имъ наполнить водой чанъ. Погруженіемъ въ воду онъ вновь пріобрѣталъ силу, потерянную въ объятіяхъ любовницы, и, насколько погрузитъ онъ свое тѣло въ воду, настолько погрузится лодка новгородцевъ и вновь никогда не поднимется. Но слуги Шипичи, напуганные властью своего пама и его безсмертіемъ, порѣшили погубить его. И вотъ по утру не оказалось у пама ни капельки воды, а враги подходили къ берегу. И не одинъ десятокъ ножей вонзились въ тѣло пама; но онъ съ улыбкой встрѣчалъ удары. Кровь лилась изъ его ранъ два дня. Рука разбойниковъ устала наносить удары; но жертва трусости и измѣны не издала ни одного крика, и съ устъ страдальца не сорвалось ни одного упрека. Дочери видѣли весь ужасъ страданія и сжалились надъ отцомъ. Рѣшивъ, что не такъ смерть страшна, какъ испытываемыя отцомъ мученія, обратились съ просьбой къ убійцамъ—разрѣзать серебряный гашникъ отца. И лишь только разрѣзали гашникъ, улетѣла жизнь Шипичи.

Не стало пама. Новгородцы обратились къ дочерямъ пама съ мольбой выбрать изъ ихъ шайки себѣ друга жизни. Дочери пама съ презрѣніемъ отвергли всѣ предложенія; но смерть отца причинила имъ та-

[1]) Фраза: „Сусло стой, такъ и лодка стой“ разсказчиками передается на русскомъ языкѣ.

кія сердечныя муки, что онѣ не захотѣли воспользоваться безсмертіемъ, дарованнымъ имъ отцомъ, и гордо отвѣтили: «Мы послѣдуемъ за отцомъ».

Ночь сдѣлалась свѣтлѣе дня. Высоко къ небу поднялись столбы пламени: то горѣлъ домъ Шипичи. Дочери рѣшили скорѣе погибнуть, чѣмъ остаться жить безъ отца,—онѣ подожгли домъ и погибли въ пламени, а вмѣстѣ съ собой погубили и убійцъ своего отца.

Такъ погибъ памъ Шипича и его дочери.

Я передалъ легенду о памѣ Шипичи, слышанную мною отъ одного лица. Другіе зыряне передаютъ легенду точно такъ же, но съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Эти варіаціи я и хочу привести. Въ одной варіаціи Шипича не является жестокимъ мстителемъ, но только ограждаетъ свою личность отъ нападенія. Такъ, когда новгородцы подошли къ берегу, чтобы убить Шипичу, онъ намѣревался погрузиться въ воду, а вмѣстѣ съ этимъ новгородцамъ показалось, что домъ Шипичи находится въ водѣ.

Есть еще варіація, гдѣ убійцами Шипичи являются не новгородцы, но какая-то шайка разбойниковъ, которые грабили зырянскія поселенія, и только Шипича умѣлъ оградить зырянъ отъ ихъ набѣговъ. Одно остается неизвѣстнымъ въ легендѣ, кто были слуги Шипичи: были ли это плѣнные русскіе или зыряне. По однимъ преданіямъ, это были русскіе, которые, зная тайну Шипичи, при приходѣ новгородцевъ, измѣнили ему и не налили въ чаны воды; по другимъ преданіямъ, это были зыряне, которыхъ угнетало величіе Шипичи, и они воспользовались первымъ случаемъ, чтобы погубить его.

Также существуетъ не одинаковое представленіе о любовницѣ Шипичи. Нѣкоторые зыряне разсказываютъ, что любовница измѣнила Шипичѣ вмѣстѣ съ слугами. Она просила Шипичу дать ей безсмертіе; Шипича отказался; тогда она стала умолять его сдѣлаться простымъ смертнымъ, но и на это предложеніе Шипича не согласился; тогда уязвленная любовница рѣшила отомстить ему и примкнула къ заговору слугъ.

По смерти Шипичи его любовница вышла замужъ за одного изъ новгородцевъ, убившихъ Шипичу; нѣкоторые старики увѣряютъ, что послѣднихъ потомковъ любовницы и этого новгородца они помнятъ. Послѣдніе потомки приблизительно умерли въ 1845 году.

Сохранилось преданіе о кончинѣ друга Шипичи. Послѣ того какъ онъ не предупредилъ Шипичу объ угрожающей ему опасности, раскаяніе такъ мучило пама, что онъ рѣшилъ покончить съ собою, отказавшись отъ своего безсмертія.

Въ заключеніе скажу, что памы вырождаются, какъ и все въ природѣ, такъ что послѣдній памъ уже не обладалъ безсмертіемъ и не всѣ духи ему повиновались. По разсказамъ, онъ существовалъ лѣтъ сто тому назадъ.

Такъ перевелись памы въ зырянской землѣ.

В. П. Налимовъ.

Критика и библіографія.

Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. *Томъ II.* Изданъ подъ редакціей *С. В. Пахмана.* (Томъ XVIII Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи). СПБ. 1900. (IX+429).

Первый томъ сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ Географическаго Общества былъ изданъ въ 1878 году «Комиссіей для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ», которая была въ 1876 году основана при Отдѣленіи Этнографіи, по инициативѣ Н. В. Калачова. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ довольно оживленныхъ и успѣшныхъ занятій, посвященныхъ преимущественно разработкѣ собранныхъ уже раньше, въ числѣ другихъ этнографическихъ матеріаловъ, свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ, дѣятельность комиссіи надолго почти замерла. Изученіе этнографіи вообще, однако, за это время продолжалось, даже развивалось. Такое, на первый взглядъ непонятное явленіе, непонятное въ особенности въ виду увлеченія началами обычнаго права, которое охватило русское общество подъ вліяніемъ «народнической» литературы, не можетъ не остановить на себѣ вниманія. Разъясненію его посвящено предисловіе разсматриваемаго нами второго тома «Сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ», который изданъ черезъ 22 года по выходѣ въ свѣтъ перваго тома, подъ редакціей С. В. Пахмана. Мнѣніе, высказанное такимъ крупнымъ дѣятелемъ въ области изученія обычнаго права, который притомъ имѣлъ возможность наблюдать его развитіе, такъ какъ при немъ оно зародилось, а затѣмъ пошло на убыль, заслуживаетъ полнаго вниманія и самаго тщательнаго разбора. Только тогда, когда мы уяснимъ себѣ причины, по которымъ вспыхнувшій-было интересъ къ обычному праву ослабѣлъ, а дальнѣйшіе результаты его разработки оказались незначительными, мы сможемъ правильно поставить вопросъ о томъ направленіи, въ которомъ слѣдуетъ продолжать эту работу съ надеждою на успѣхъ. Интересъ къ обычаю, какъ цѣнному наслѣдію народной жизни, какъ звену въ цѣломъ народной мысли, не уяснивъ котораго, нельзя понять народной психологіи, не могъ угаснуть и несомнѣнно живъ. Но какія же обстоятельства неблагопріятно повліяли на изученіе обычнаго права, между тѣмъ какъ этнографія вообще разрабатывалась довольно успѣшно?

Соображенія, высказанныя редакторомъ Сборника по этому поводу, къ сожалѣнію, нельзя признать исчерпывающими. Намъ кажется даже, что причины, имъ выставленныя, частью несущественны, частью, пожалуй, мнимыя. Проф. Пахманъ группируетъ въ четырехъ пунктахъ тѣ воззрѣнія, которыя, на его взглядъ, неблагопріятно отразились на успѣхѣ собиранія и разработки нашего обычнаго права. «Можетъ показаться страннымъ», говоритъ онъ, приступая къ изложенію этихъ причинъ: «если мы скажемъ, что самымъ неблагопріятнымъ и даже опаснымъ въ настоящемъ дѣлѣ обстоятельствомъ должны быть признаны *теоретическія обобщенія*». Признаемся, намъ это кажется не только страннымъ, но и явно невѣрнымъ. Прежде всего серьезные изслѣдователи, напримѣръ, Оршанскій, сознавали партикуляризмъ обычнаго права въ Россіи и прямо указывали на невозможность, на основаніи отрывочныхъ данныхъ, собранныхъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, устанавливать нормы, будто бы общія для всего народа. Нѣкогда, вѣдь, г. Мулловъ въ этомъ упрекалъ не кого иного, какъ самого проф. Пахмана, въ рецензіи на первый томъ его «Обычнаго гражданскаго права въ Россіи». Правда, тѣмъ не менѣе, въ обиходъ русской науки, а въ особенности русской публицистики, вошелъ рядъ поспѣшныхъ, едва-ли правильныхъ обобщеній, въ родѣ излюбленной трудовой теоріи при объясненіи основанія наслѣдованія или теоріи общей крестьянской семейной собственности, которая проникла даже въ судебную практику и нынѣ грозитъ надолго сохранить искусственно въ качествѣ общей нормы то, что наблюдалось въ отдѣльныхъ глухихъ мѣстностяхъ какъ переживаніе уже пройденной остальной Россіей стадіи развитія въ народной жизни,—грозитъ лишить младшихъ членовъ семьи свободы самоопредѣленія и закрѣпостить ихъ семьѣ даже тамъ, гдѣ необходимо полное напряженіе личной иниціативы со стороны всѣхъ членовъ семьи: и старшихъ, и младшихъ въ равной мѣрѣ! Но именно эти обобщенія представляютъ собой не столько результатъ научной обработки, сколько «предвзятыя теоріи»,—какъ говоритъ самъ проф. Пахманъ. Предвзятыя теоріи господствуютъ, однако, въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ недостаточно выработано *научныхъ* обобщеній, а не тамъ, гдѣ послѣднихъ много. Эти предвзятыя теоріи возникли, главнымъ образомъ, помимо научной работы, въ народнической беллетристикѣ и публицистикѣ (за рѣдкими исключеніями, въ родѣ Оршанскаго), и представляютъ собою отчасти переживанія стараго, барски-сентиментальнаго взгляда на крестьянскую жизнь. Противъ нихъ не было, однако, выставлено достаточно сильныхъ и убѣдительныхъ научныхъ аргументовъ—въ томъ числѣ самимъ проф. Пахманомъ, который чутьемъ юриста чувствовалъ несостоятельность, напр., вышеприведенныхъ теорій, но не доказалъ своего взгляда съ той обстоятельностью и полнотою (въ смыслѣ обилія использованнаго матеріала), какія были необходимы, чтобы лишить почвы эти теоріи въ качествѣ предполагаемаго выраженія общаго всему народу на всемъ пространствѣ Россіи обычноправового убѣжденія. Иначе говоря—было выработано не слишкомъ много, а слишкомъ мало научныхъ обобщеній, которыя, вѣдь, сами по себѣ, даже независимо отъ ихъ вѣрно-

сти, представляютъ основу и условіе всякой систематической работы. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняется, что въ области обычнаго права народническія построенія понынѣ преобладаютъ въ литературѣ и вліяютъ даже на судебную практику, между тѣмъ какъ въ области экономическихъ ученій тѣ же народническія теоріи отвергнуты почти всѣми или, по крайней мѣрѣ, лишились прежняго кредита. Почему же, однако, спросятъ, въ этой послѣдней области нашлось достаточное число изслѣдователей, вступившихъ въ борьбу съ «обобщеніями», а среди изслѣдователей обычнаго права ихъ не оказалось? Я думаю, что причиною тому было—отсутствіе образцовъ и примѣровъ въ западно-европейской литературѣ. Экономисты новаго направленія, какъ и большинство, пока, русскихъ ученыхъ, шли по слѣдамъ своихъ западныхъ коллегъ. Обычнымъ же правомъ на Западѣ до сихъ поръ занимались мало и, во всякомъ случаѣ, почти только съ апріорной, философской точки зрѣнія. Достаточно упомянуть, что до сихъ поръ господствуетъ теорія обычнаго права Пухты, сложившаяся на почвѣ изученія одного лишь римскаго права, притомъ крайне несовершеннымъ еще методомъ (въ началѣ XIX вѣка). За самое послѣднее время въ Германіи замѣчается, однако, оживленіе научнаго интереса къ собиранію и разработкѣ обычнаго права въ виду необходимости считаться съ обычаями населенія вновь пріобрѣтенныхъ колоній. Я увѣренъ, что оживленіе научной работы въ этой области въ Германіи отразится благотворно и на нашей литературѣ. Пока же громадное большинство русскихъ юристовъ, воспитанное на западныхъ теоріяхъ, чуждается этой глыбы сырого матеріала. Есть, впрочемъ, признаки, что возрастающій интересъ къ юридическому положенію крестьянъ повлечетъ за собой потребность лучше разобраться въ крестьянскомъ правѣ.

Вторымъ тормазомъ въ дѣлѣ изученія обычаевъ проф. Пахманъ считаетъ требованіе критическаго отношенія къ собранному или изданному матеріалу. Онъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, высказанныя кѣмъ-либо требованія провѣрки въ такой формѣ, которая практически невыполнима,—иначе мы отказываемся понять этотъ аргументъ. Мы полагаемъ, что лучше совсѣмъ опустить какое-либо наблюденіе, нежели использовать такое, которое, на повѣрку (поскольку таковая возможна при наличныхъ средствахъ изслѣдователя) оказывается недостовѣрнымъ. Къ сожалѣнію, эта вылазка противъ требовательности критиковъ сдѣлана, повидимому, pro domo sua. Ниже, при разборѣ отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ Сборникъ, мы покажемъ, какіе печальные результаты влечетъ за собою отказъ отъ критическаго отношенія къ собранному матеріалу. Общія же соображенія на тему о необходимости критики источниковъ излишни для всякаго хотя сколько-нибудь знакомаго съ требованіями и предположеніями научной работы. Пришлось бы повторять общеизвѣстное, проповѣдывать то, что нѣмцы называютъ «Binsenwahrheiten». Да и самъ авторъ предисловія, на страницѣ VIII, указываетъ, что ему пришлось критически просѣять доставленный ему матеріалъ. Онъ сдѣлалъ это лишь недостаточно осторожно и полно, какъ мы увидимъ ниже.

Въ-третьихъ, авторъ предисловія обращаетъ вниманіе на ходячее (будто бы) воззрѣніе, которое, «признавая всю важность изученія народно-обычнаго права, ограничиваетъ это изученіе исключительно интересами исторіи». Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ авторъ намекаетъ, повидимому, на воззрѣнія, высказанныя М. М. Ковалевскимъ. Мы и тутъ не можемъ согласиться съ С. В. Пахманомъ. Никто, во-первыхъ, по крайней мѣрѣ ни одинъ сколько-нибудь видный изслѣдователь, не отвергалъ систематическаго, полнаго обслѣдованія обычно-правовой жизни народа. Отвергалась,—и, думаемъ, вполнѣ правильно,—возможность и желательность сочинить изъ этихъ обычаевъ полную (lückenlos) систему права; указывалось, что обычное право не есть какъ бы разсыпанный кодексъ, который надлежитъ лишь собрать и разбить по статьямъ. Иначе говоря, оспаривалась возможность кодификаціи этого права въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ народномъ быту. Съ этими соображеніями, однако, трудно не согласиться. Составить «Своды гражданскаго права отдѣльныхъ уѣздовъ» (ихъ на одну Евр. Россію свыше 600), какъ предлагаетъ, напр., г. Башмаковъ,—работа совершенно непосильная русской наукѣ, она была бы непосильной даже западнымъ изслѣдователямъ,—а сверхъ того безполезная. Никому лучше, конечно, самого редактора, какъ сенатора гражд. касс. деп., неизвѣстно, что мы уже переживаемъ, въ законодательствѣ и въ еще бóльшей степени въ судебной практикѣ рецепцію западно-европейскаго права, сложившагося на почвѣ римскаго, и что по большинству цивильныхъ институтовъ никакого другого пути къ развитію русскаго права не можетъ быть. Не цѣлесообразнѣе ли въ этихъ именно случаяхъ отказаться отъ романтической и утопической мечты о вліяніи обычнаго права на кодификацію и ограничиться выполнимой задачей—обслѣдовать возможно полно тѣ вопросы, отвѣтъ на которые сохранитъ, во всякомъ случаѣ, научное значеніе для объясненія развитія русскаго права?

Четвертымъ препятствіемъ, затормазившимъ, по мнѣнію автора, изученіе обычнаго права, является воззрѣніе, которое онъ самъ называетъ наивнымъ. «Оно сводится къ мнѣнію, что вообще это изученіе безполезно, такъ какъ юридическіе обычаи, какъ нормы, лишены опредѣлительности». Намъ кажется, что подобный, не столько наивный, сколько основанный на полномъ непониманіи самаго характера обычнаго права, взглядъ могъ остановить только такихъ сотрудниковъ, содѣйствіе которыхъ, во всякомъ случаѣ, оказалось бы безполезнымъ, подобно участію того любителя, о которомъ авторъ разсказываетъ на IV страницѣ.

Итакъ, обозрѣвъ всѣ причины застоя въ разработкѣ обычнаго права, приведенныя пр. Пахманомъ, намъ все-же кажется, что явленіе это, заслуживающее по указаннымъ выше основаніямъ, полнаго вниманія, не разъяснено имъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ области народнаго творчества тотъ-же періодъ довольно богатъ образцовыми изданіями и серьезными научными изслѣдованіями; почему вышелъ рядъ хорошихъ монографій по быту нашихъ инородцевъ; — и почему, наряду съ этимъ, мы слышимъ лишь жалобы на отсутствіе всего этого въ области рус-

скаго обычнаго права? Лично намъ кажется, что это произошло оттого, что изслѣдованія въ этой области до сихъ поръ рѣдко ставились на вполнѣ научную почву и до конца сохранили слишкомъ тѣсную связь съ народническими предразсудками (которыхъ пр. Пахману не слѣдовалобы смѣшивать съ научными обобщеніями). Вопросъ этотъ, однако, настолько сложенъ, что заслуживаетъ несомнѣнно болѣе подробнаго обслѣдованія.

Послѣ всѣхъ пессимистическихъ разсужденій предисловія особенно пріятно констатировать, что самый сборникъ, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей котораго мы переходимъ, представляетъ во всякомъ случаѣ отрадное исключеніе. Большая часть статей цѣнна, и если-бы редакторъ сборника, отказавшись отъ своего предразсудка противъ критики доставленнаго ему матеріала, кое-что выбросилъ (смотри ниже), его можно было бы поставить въ образецъ собирателямъ.

Въ первой же статьѣ г. Воронова «Юридическіе обычаи остяковъ Сибири и самоѣдовъ Томской губерніи» приходится отличать свѣдѣнія, сообщаемыя объ этихъ двухъ народностяхъ. Обычаи остяковъ излагаются по рукописи кн. Н. А. Кострова, извѣстнаго своими работами по обычному праву якутовъ и татаръ, а нравы и обычаи самоѣдовъ—по рукописи Н. Григоровскаго. Свѣдѣнія, сообщаемыя первымъ, полнѣе и, въ общемъ, цѣннѣе, чѣмъ у второго. Вторая и третья статьи сборника являются попытками свести въ систему данныя по обычному праву двухъ губерній: Смоленской — С. В. Пахманомъ и Могилевской—А. Ѳ. Брандтомъ. Обѣ статьи, въ особенности первая, авторъ которой располагалъ къ тому-же болѣе обильнымъ матеріаломъ, составлены очень удачно и должны будутъ служить хорошей опорой дальнѣйшему обслѣдованію этихъ губерній. Въ краткомъ отчетѣ нѣтъ мѣста обсужденію деталей, и я ограничусь замѣчаніемъ лишь по одному пункту статьи пр. Пахмана. Въ главѣ о правонарушеніяхъ онъ приводитъ (стр. 94) и правило «грѣхъ пополамъ», не давая ему ясно формулированной юридической квалификаціи (затрудняя ее даже своей системой). И вотъ при обсужденіи этого именно мѣста въ засѣданіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества (въ отдѣленіи по обычному праву) было замѣчено, что «правило «грѣхъ пополамъ» едва ли можно признать юридической нормой; это только компромиссъ, который является testimonium paupertatis народно-обычнаго суда, неумѣніе его разобраться въ сложныхъ явленіяхъ правовой жизни»,—и это заявленіе не встрѣтило прямого возраженій (см. «Право» 1901 г. стр. 56). Такое непониманіе нормъ обычнаго права самими юристами возможно лишь вслѣдствіе того, что эти нормы до сихъ поръ почти не подвергались научной обработкѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, упомянутое правило по существу своему не что иное, какъ правило развитаго германскаго права (въ первоначальной своей

---

[1]) Интересную попытку конструкціи упомянутаго правила даетъ г. Тимофеевъ въ январьской книжкѣ за 1903 г. „Вѣстника Права". Замѣчанія въ текстѣ сдѣланы въ дополненіе къ этой статьѣ.

формулировкѣ даже тождественнаго), что при наличности вины не только лица, причинившаго вредъ, но и самого потерпѣвшаго, вредъ возмѣщается первымъ лишь въ части, соотвѣтствующей относительной степени его вины. На практикѣ, при наличности вины обѣихъ сторонъ, приходится признавать ихъ участіе въ установленіи причинной связи между событіемъ и вредомъ—равнымъ, слѣдовательно, присуждать потерпѣвшему половину ущерба (ср. этотъ-же сборникъ стр. 204). Это правило, чуждое римскому праву, нѣмецкіе кодификаторы сочли полезнымъ внести въ новыя германскія гражданскія уложенія, придавъ ему конечно болѣе правильную формулировку, (см. напр. ст. 254 и 856 Герм. Гр. Улож.). Оттуда оно перенесено и въ Проектъ нашего будущаго Гражданскаго Уложенія (ст. 1078 проекта обязательственнаго права). Кодификаціонная коммиссія замѣтила, впрочемъ, родство этой нормы съ разсматриваемымъ правиломъ нашего обычнаго права. (ст. Пр. Об. Пр. V стр. 530) [1]). Въ статьѣ г. Брандта также очень мало обращено вниманія на точную юридическую квалификацію обычаевъ. Нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ у него свѣдѣній, между тѣмъ, новы и любопытны, какъ своеобразные институты. На стр. 106 разсказанъ, напр., обычай дѣлить хлѣбъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ остальное имущество, притомъ напоминающихъ извѣстное, много занимавшее нѣмецкихъ юристовъ, положеніе Саксонскаго Зерцала ч. I ст. 22 § 3: musdelen hovede spise.

Четвертая статья, составленная В. П. Шеинымъ, озаглавлена невѣрно: «Очерки народно-обычнаго права Вологодской губерніи». На самомъ дѣлѣ, она даетъ только очеркъ обычнаго права одного Великоустюжскаго уѣзда Вологодской губ., но, взамѣнъ того, очень обширный и полный. (Это самая крупная статья сборника, 85 страницъ). Особенность сообщеннаго въ ней матеріала состоитъ въ томъ, что, наряду съ рѣшеніями, въ ней использовано много договоровъ (вѣроятно изъ «договорныхъ книгъ» волостныхъ правленій, хотя къ этой статьѣ нѣтъ пояснительнаго примѣчанія редактора о ея источникахъ). Благодаря этому, свѣдѣнія, сообщенныя въ ней, интересны и въ цѣломъ рядѣ случаевъ новы, въ особенности въ области обязательственнаго права, а такъ какъ ея источниками служили юридическіе акты, въ ней приводится дѣйствующее на самомъ дѣлѣ обычное право, а не одни преданія о немъ или его переживанія. Приведенъ на стр. 196, напримѣръ, приговоръ целяковскаго вол. суда, которымъ мужъ присужденъ за оскорбленіе жены дѣйствіемъ къ общественнымъ работамъ на пять дней (тяжелая степень наказанія), и нѣтъ фантастическихъ разсказовъ, будто, согласно современному обычному *праву*, мужъ можетъ вволю бить жену и т. п. Вообще эта статья кажется намъ самой цѣнной въ Сборникѣ [2]). Превосходна также слѣдующая статья П. С. Ефименки: «Наслѣдованіе зятьевъ-пріемышей по обычаямъ Архангельской губерніи». Посвященная сравнительно небольшому

[1]) Трудно, кажется, найти болѣе наглядный примѣръ тому, какимъ путемъ норма обычнаго права можетъ попасть въ наше писанное право!

[2]) На нѣкоторыхъ несовершенствахъ метода автора при пользованіи источниками мы не останавливаемся, т. к. они общи почти всѣмъ изслѣдованіямъ.

вопросу, она даетъ о немъ очень полныя свѣдѣнія, подкрѣпленныя очень цѣнными документами, перепечатанными in extenso въ приложеніи къ статьѣ. Этотъ пріемъ доказательства безспорно единственно вполнѣ научный.

Шестая статья «Свадебные обычаи Костромской губерніи» не даетъ сколько нибудь цѣнныхъ свѣдѣній по обычному праву, и мы отказываемся понять, что побудило редактора помѣстить ее въ сборникѣ. Это одна изъ типичныхъ статей по этнографіи въ слащавомъ полубеллетристическомъ тонѣ, которая могла-бы быть помѣщена въ сборникѣ разсказовъ, — если-бы у автора былъ какой-либо талантъ. Но спрашивается, какое имѣетъ отношеніе къ обычному праву, или хотя-бы къ свадебнымъ обрядамъ, кто сколько выпилъ «румочекъ ? Подобныя статьи могутъ лишь произвести на свѣжаго человѣка впечатлѣніе, будто работа этнографа мало имѣетъ общаго съ научнымъ изслѣдованіемъ. Гораздо лучше составлены «Замѣтки о крестьянской семьѣ въ Новгородской губерніи» и восьмая статья «Преступленія и наказанія по понятіямъ крестьянъ Поволожья» (слѣдовало во всякомъ скучаѣ оговорить «средняго») Е. Т. Соловьева. Авторы ихъ основываютъ сообщаемыя ими свѣдѣнія не на какихъ либо документахъ, а на личномъ наблюденіи, т. е. на разсказахъ отдѣльныхъ крестьянъ. Этотъ способъ собиранія матеріала при нѣкоторыхъ преимуществахъ не лишенъ опасныхъ сторонъ. Первый изъ приведенныхъ авторовъ, насколько можно судить по очерку, избѣгъ ихъ. Онъ передаетъ дѣйствительно черты обычнаго права, хотя и не обильныя, но въ общемъ достовѣрныя и интересныя. Любопытно, напримѣръ, что до сихъ поръ крестьяне иногда передаютъ наслѣдникамъ владѣніе завѣщаннымъ имуществомъ еще при жизни, сближая завѣщаніе и дареніе,—черта характерная для древне-русскаго завѣщанія. Второй-же авторъ, г. Соловьевъ, впалъ въ ошибку, обычную при такомъ методѣ собиранія обычаевъ: разсказы, даже преданія, иногда простыя разсужденія крестьянъ онъ передаетъ какъ нынѣ *дѣйствующее* обычное право, и возводитъ такимъ путемъ много напраслины какъ на русскихъ крестьянъ, такъ и на инородцевъ. Да и не легко при разспросахъ удостовѣриться въ главной чертѣ обычнаго *права*—продолжающейся opinio necessitatis, если нѣтъ въ виду юридическихъ актовъ, въ особенности судебныхъ рѣшеній. Вотъ примѣръ: Крестьяне дѣйствительно и теперь часто говорятъ, что за порубку чужого, въ особенности казеннаго лѣса не слѣдовало-бы наказывать. Таковымъ было несомнѣнно и ихъ юридическое убѣжденіе нѣкогда, когда, при его изобиліи, лѣсъ дѣйствительно казался какъ бы ничьимъ. Но вотъ уже лѣтъ 40 какъ въ Евр. Россіи, за исключеніемъ развѣ крайняго сѣвера, они на самомъ дѣлѣ неизмѣнно наказываютъ за порубку, самое бо́льшее — карая за нее нѣсколько легче, чѣмъ за обыкновенную кражу. Въ своемъ изслѣдованіи «Имущественные проступки по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ» пр. М. Духовской говоритъ: «Нельзя не замѣтить, что ни въ одномъ изъ сотенъ опубликованныхъ рѣшеній не встрѣтимъ мы намека на приведенные выше взгляды о безнаказанности лѣсопорубокъ». Съ этимъ вполнѣ соглашается

знатокъ нашего обычнаго права Е. И. Якушкинъ, подтверждая это наблюденіе рядомъ доказательствъ (Обычное право II, XXXV). Несмотря на все это, нашъ авторъ говоритъ, какъ о нормѣ современнаго обычнаго права, будто «народъ смотритъ на казенный лѣсъ какъ на свою собственность, принадлежащую всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности»,—что, будь замѣчено мимоходомъ, просто абсурдъ. Въ дополненіе къ этому онъ двумя страницами дальше приводитъ *наказанія за порубку лѣса* (стр. 281). Еще нѣсколькими страницами дальше авторъ говоритъ уже не о безнаказанности, а о «весьма легкомъ отношеніи народа къ лѣснымъ порубкамъ» и частыхъ, будто-бы, клятвопреступленіяхъ по этимъ дѣламъ (стр. 290). Такія непродуманныя, основанныя на розсказняхъ и слухахъ, сужденія встрѣчаются у автора и по другимъ вопросамъ. Какъ это, напримѣръ, юродивые «притворяются святыми»? Чѣмъ можно доказать, что мирные казанскіе татары убійство русскаго вообще за грѣхъ не почитаютъ? и т. д. Иногда авторъ опирается просто на пословицу. Но вѣдь эти изреченія сложились очень давно, иногда взяты изъ странствующихъ сказаній и часто ничего общаго не имѣютъ даже съ древнимъ прошлымъ русскаго обычнаго права. Иначе можно было бы утверждать, что пословица «не пойманъ—не воръ», сложившаяся вѣроятно въ эпоху, когда furtum manifestum наказывалось какъ особый проступокъ, доказываетъ, что русскій народъ и теперь не считаетъ предосудительнымъ удавшееся похищеніе. Къ даннымъ, сообщаемымъ въ статьяхъ, подобныхъ разсмотрѣнной, слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ.

Девятая статья «Народные юридическіе обычаи по указаніямъ судебной практики» составлена, по указанію редактора въ примѣчаніи къ ней, однимъ молодымъ судебнымъ дѣятелемъ. Задумана она очень удачно. Въ практикѣ общихъ судебныхъ мѣстъ встрѣчаются данныя по обычному праву, хотя и немногочисленныя, но цѣнныя своею достовѣрностью или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что на судѣ дѣлались серьезныя попытки провѣрить ихъ. Къ сожалѣнію, у насъ попадаютъ въ печать почти только опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ, въ которыхъ, по самому характеру ихъ задачи, свѣдѣнія о содержаніи того или иного обычая могутъ встрѣтиться лишь очень рѣдко. Но тѣмъ менѣе слѣдуетъ пренебрегать ими. До сихъ поръ они не были собраны и приведены въ систему. На ряду съ этимъ хотя и доступнымъ всѣмъ, но разбросаннымъ матеріаломъ, судебнымъ вѣдомствомъ, по поводу кодификаціонныхъ работъ, были собраны другія свѣдѣнія по обычному праву, которыя, однако, не были опубликованы. Авторъ разсматриваемой статьи воспользовался, на ряду съ касс. рѣшеніями, частью этого новаго матеріала изъ изданій различныхъ редакціонныхъ комиссій, именно: 1) Замѣчаніями о недостаткахъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ. Изд. редакціонной комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія. СПб. 1891 и 2) сводомъ отчетовъ по ревизіи судебныхъ мѣстъ, изд. комиссіей для пересмотра законоположеній по судебной части. СПб. 1897.—Онъ не использовалъ, къ сожалѣнію, болѣе обильнаго свѣдѣніями источника, который остался недоступнымъ пишущему эти строки, но на который дѣлаетъ

ссылки пр. Таганцевъ въ своихъ статьяхъ («Право» 1902 г. стр. 202), въ частности X томъ Матеріаловъ по судебной реформѣ, гдѣ содержится, между прочимъ, записка кн. Дондукова-Корсакова о преобразованіи военно-горскихъ управленій на Кавказѣ. Въ ней есть довольно подробныя указанія на современное состояніе кавказскихъ обычаевъ. Но и въ тѣхъ предѣлахъ, которые поставилъ себѣ авторъ, статья его очень полезна и заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію, автору, «молодому судебному дѣятелю», очевидно, раньше не знакомившемуся съ обычнымъ правомъ, редакторъ изданія не оказалъ никакой помощи. Онъ впалъ поэтому въ нѣкоторыя грубыя ошибки, которыя легко было избѣгнуть, подвергнувъ собранный въ источникахъ матеріалъ хотя бы элементарной критикѣ. Я не буду останавливаться на некритическомъ пользованіи «Замѣчаніями» судебныхъ дѣятелей, среди которыхъ авторъ не отличаетъ сообщеній о судебныхъ рѣшеніяхъ отъ случайныхъ, явно поверхностныхъ предположеній составителей замѣчаній. Въ замѣчаніи № 653 Юрьевецкій мировой съѣздъ сообщаетъ, напримѣръ, о томъ, будто у мѣстныхъ крестьянъ лица женскаго пола вполнѣ уравнены (!) въ наслѣдственныхъ правахъ съ лицами мужского пола; въ слѣдующемъ (№ 654 Котельническаго съѣзда) говорится уже: «было бы вполнѣ справедливо дѣлить наслѣдство между всѣми наслѣдниками какъ мужского, такъ и женскаго пола въ равныхъ частяхъ»; а въ третьемъ (№ 655 Курмышскаго съѣзда) сказано: «дочери при родныхъ братьяхъ въ раздѣлѣ имущества отца не участвуютъ». Нашъ авторъ пользуется всѣмъ безъ оговорокъ. Гораздо существеннѣе недосмотры при пользованіи «Замѣчаніями» по обычному праву инородцевъ, главнымъ образомъ замѣчаніемъ № 1219 объ обычаяхъ инородцевъ Ставропольской губерніи. Они излагаются въ Сборникѣ на страницахъ: 304, 307, 311, 313, 315, 326 и 336. Начнемъ съ бѣглой провѣрки характера и степени достовѣрности источника, изъ котораго почерпнуты эти свѣдѣнія. Такъ какъ дѣло идетъ о юридическихъ преданіяхъ мусульманскихъ ногайцевъ, мы провѣримъ, по примѣру мусульманскихъ юристовъ, «иснадъ»—цѣпь передатчиковъ этихъ преданій. При урегулированіи внутренняго управленія ногайцевъ ук. 6. 2. 1827 г. (2 П. С. 3. 878) имъ было предоставлено право по цѣлому ряду вопросовъ гражданскаго права руководствоваться своими обычаями. Одновременно мѣстному начальству было вмѣнено въ обязанность собрать свѣдѣнія о законахъ и обычаяхъ инородцевъ магометанъ, при чемъ къ указу была приложена соотвѣтствующая программа,— одна изъ первыхъ программъ по собиранію обычнаго права (не только въ Россіи). Руководствуясь этой программой, завѣдывавшій управленіемъ ногайцевъ и трухменъ маіоръ Шейхъ-Али (онъ же Шихаліевъ) составилъ въ 1851 г. сборникъ свѣдѣній объ ихъ обычаяхъ. Какъ мы увидимъ ниже, онъ, по всей вѣроятности, воспользовался услугами подвѣдомственныхъ ему кадіевъ или даже муллъ. Сборникъ этотъ былъ представленъ на утвержденіе кавказскаго намѣстника, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, остался безъ движенія въ штабѣ главнаго мѣстнаго военнаго управленія. - Въ 1879 г. этотъ сборникъ былъ напечатанъ въ Ставропольскихъ

Губ. Вѣдомостяхъ. Къ сожалѣнію, Губ. Вѣдомости за этотъ годъ не были доступны пишущему, такъ какъ ихъ не оказалось въ Моск. Публ. Рум. музеѣ. Но изъ замѣчанія Е. И. Якушкина подъ № 1091 «Обычнаго права русскихъ инородцевъ» можно заключить, что перепечатка была не вполнѣ точной, безъ подробнаго указанія источниковъ, которыми пользовался Шейхъ-Али. Въ 1883 г. членъ Ставропольскаго окружнаго суда Р. въ отвѣтъ на запросъ министерства о мѣстныхъ обычаяхъ сдѣлалъ рядъ выписокъ изъ Губ. Вѣдомостей, уже явно не полныхъ и едва ли всегда точныхъ. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ его замѣчаній (напечатанныхъ въ «Сборникѣ замѣчаній»), онъ совершенно не уяснилъ себѣ наиболѣе характерной особенности мусульманскаго наслѣдственнаго права: призванія наслѣдниковъ (асабатъ) лишь послѣ того, какъ кораническіе наслѣдники (аглу л-фардъ) получатъ свои указныя части (фараидъ). Наконецъ, въ 1900 году авторъ разсматриваемой нами статьи эксцерпировалъ эксцерпты г-на Р., не замѣчая, что ихъ источникъ уже напечатанъ. Такимъ образомъ уже самая «опора» сообщаемыхъ намъ свѣдѣній не внушаетъ особаго довѣрія. Сомнѣнія наши въ достовѣрности приведенныхъ обычноправовыхъ нормъ должны превратиться въ полную увѣренность въ ихъ невѣрности, какъ только мы постараемся опредѣлить ихъ внутренній смыслъ и характеръ. Уже Е. И. Якушкинымъ, въ цитированномъ выше мѣстѣ, было обращено вниманіе на то, что въ сборникѣ Шейха-Али внесены, на ряду съ обычаями ногайцевъ и трухменъ, нѣкоторыя положенія шаріата. Провѣряя это указаніе, легко убѣдиться, что даже большинство нормъ въ сборникѣ передаетъ лишь основныя положенія шаріата, и что нашъ авторъ, въ свою очередь, ошибочно предполагаетъ, будто инородцы Ставропольской губерніи выработали у себя нормы, за немногими исключеніями, чуть не дословно совпадающія съ постановленіями Корана. Особенно ярко это бросается въ глаза, конечно, въ отдѣлѣ наслѣдственнаго права. Положенія, напечатанныя въ «Сборникѣ» на стр. 326 подъ буквами *а* и *в*—*л* представляютъ собою довольно близкій къ подлиннику пересказъ стиховъ 12—15 четвертой суры. Положеніе *б* включено сюда ошибочно, такъ какъ право на доплату калыма (мехра) не есть наслѣдственное право, а простое послѣдствіе того, что послѣ фактическаго совершенія брака или послѣ смерти мужа жена пріобрѣтаетъ полное личное право на калымъ. Это *долгъ* мужа, который уплачивается прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ раздѣлу наслѣдства (см. сура 4, 28 и хидая, русск. пер., I, 176). Такое же точное повтореніе Корана или отдѣльныхъ юридическихъ хадисовъ составляютъ постановленія о бракѣ и супружескихъ отношеніяхъ, о правахъ родителей и т. д. Шейхъ-Али настолько близко придерживается мусульманской юридической литературы, что является даже возможность опредѣлить, что его совѣтчики, подвѣдомственные ему муллы и кадіи придерживались ханифитскаго толка. Онъ призываетъ къ наслѣдованію мать во всемъ имуществѣ, если никакихъ другихъ наслѣдниковъ нѣтъ (стр. 327 і). По ученію же Шафіи въ этомъ случаѣ наслѣдуетъ казна (В. д. Бергъ, Основныя начала, стр. 97). Точно также Шейхъ-Али, со-

гласно Абу-Ханифѣ, возлагаетъ рѣшительную присягу при спорѣ о долгѣ на отвѣтчика (Сб., стр. 336 д.), слѣдуя хадису: доказывать долженъ истецъ, а присягать тотъ, кто отрицаетъ (sc. искъ). По мнѣнію же Шафіи, истецъ сверхъ того долженъ пополнить отсутствіе у него доказательствъ особою присягой. (См. В. д. Бергъ, Основныя начала, стр. 162).

Отступленія отъ шаріата, сознательныя или безсознательныя, конечно, есть и у Шейха-Али, напр. въ нормахъ объ отцовской власти, о возвратѣ всего калыма жениху при расторженіи условленнаго брака, о внѣбрачныхъ дѣтяхъ и др., но они не очень значительны. Они такъ малочисленны, вопреки вѣроятному положенію дѣла, что мы рѣшаемся высказать догадку, не составленъ ли самый сборникъ Шейха-Али, который вѣдь самъ былъ мусульманинъ, тенденціозно, съ цѣлью усилить значеніе шаріата. Такъ какъ въ него вошло довольно много мѣстъ, переведенныхъ изъ Корана, а арабскимъ языкомъ почтенный маіоръ едва ли владѣлъ, то, какъ уже было замѣчено, весьма вѣроятно участіе въ составленіи сборника подвѣдомственныхъ ему муллъ и кадіевъ, у которыхъ эта тенденція въ то время была особенно сильна,—достаточно вспомнить, какую борьбу съ адатами велъ Шамиль. Русская власть тогда именно старалась ослабить значеніе шаріата, и этимъ можно было бы объяснить нежеланіе намѣстника утвердить сборникъ. Какъ бы то ни было, авторъ разбираемой статьи не сдѣлалъ никакой попытки выдѣлить изъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала обычное право инородцевъ Ставропольской губерніи. Онъ повторяетъ даже за г. Р. совершенно неправильныя указанія, будто обычай (адатъ) именуется у нихъ «сулхъ» и «маслагатъ». Эти три понятія прежде всего необходимо разграничить. *Сулъхъ*—это примиреніе, мировая сдѣлка, компромиссъ, который особо рекомендуется Мохаммедомъ въ дѣлахъ между супругами (сура 4, стихъ 127). *Маслагатъ*—судебное рѣшеніе, постановленное обыкновенно третейскими судьями, и лишь если рѣшенія, подобныя ему, будутъ повторяться въ теченіе долгаго времени при аналогичныхъ случаяхъ, они могутъ привести къ установленію обычая, *адата*. Въ заключеніе мы еще разъ спросимъ, не предпочтительнѣе ли было, провѣривъ замѣтки г. Р. хотя бы по библіографическому пособію Е. И. Якушкина, отказаться отъ пользованія ими и не предлагать читателю неточнаго изложенія шаріата въ качествѣ обычая, созданнаго инородцами такого-то уѣзда и губерніи? Подлинная статья Шейха-Али, впрочемъ, все-же должна быть признана цѣнной, хотя бы какъ одно изъ немногихъ изложеній на русскомъ языкѣ, по источникамъ, мусульманскаго права. Послѣднюю часть Сборника составляетъ программа для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленная подъ руководствомъ С. В. Пахмана въ Отдѣленіи Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества, къ 1889 г., т.-е. приблизительно одновременно съ програмою, составленною въ Москвѣ М. Н. Харузинымъ при участіи членовъ Отдѣла Этнографіи при Имп. Общ. Любит. Естеств., Антр. и Этнографіи. Было бы интересно сравнить эти программы, такъ какъ обѣ обладаютъ

большими достоинствами, и по отдѣльнымъ вопросамъ приходится отдавать предпочтеніе то одной, то другой. Въ общемъ, однако, петербургская программа включаетъ меньше указаній на бытъ и общія культурныя условія обслѣдуемой мѣстности и разсчитана почти исключительно на русскихъ крестьянъ. Московская программа помогаетъ лучше освѣтить общественный бытъ крестьянъ и во всякомъ случаѣ одинаково пригодна для собиранія свѣдѣній объ инородцахъ. Въ этомъ ея существенныя преимущества при подготовкѣ матеріала для научныхъ работъ по этнографіи. Неудобство программъ, ограничивающихся преимущественно одними юридическими вопросами, признается въ настоящее время также на Западѣ—см. предисловіе Штейнмеца къ только что изданному въ Берлинѣ сборнику: Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Africa und Oceanien. Во всякомъ случаѣ, вновь отпечатанная петербургская программа послужитъ очень полезнымъ пособіемъ при составленіи новыхъ, мѣстныхъ программъ, потребность въ которыхъ сказывается все больше. Обновленія требуютъ, въ особенности, нѣкоторыя части программъ, важныя для работы среди инородцевъ. Для нихъ должны служить пособіемъ, на ряду съ русскими программами, вырабатываемыя теперь на Западѣ;—напр., программа общества: Internationale Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre въ Берлинѣ. Эта программа была намѣчена Постомъ, а затѣмъ выработана при участіи проф. Бастіана, Бернгефта, Дженкса, Ривье, Штейнмеца и др. Затѣмъ: Notes and Queries of the Antropological Institute of Gr. Britain and Ireland, программа Фразера для Австраліи, Колера для Африки, офиціальныя программы нѣмецкаго колоніальнаго вѣдомства и др.

Заключимъ нашъ обзоръ второго тома «Сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ» пожеланіемъ, чтобы онъ послужилъ цѣннымъ предвѣстникомъ возраждающагося научнаго интереса къ обычному праву. Есть, повидимому, признаки, что наша надежда не будетъ вполнѣ тщетной.

А. Вормсъ.

P. Benndorf. Die sächsische Volkskunde als Lehrstoff in der Volksschule. Dresden, 1901.

Интересъ къ этнографіи, повсемѣстно возрастающій съ каждымъ годомъ, проникъ, между прочимъ, и въ педагогическіе круги. Въ Германіи польза изученія въ школахъ мѣстной этнографіи (Volkskunde) горячо проповѣдуется многими педагогами.

Книга Бенндорфа представляетъ попытку составить подходящее руководство для учителей народныхъ школъ Саксоніи. Знакомство съ родной стариной и дѣйствительностью, какими они сохранились и бытуютъ въ крестьянскомъ населеніи, Бенндорфъ считаетъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ, по его мнѣнію, особенно въ наше время, характерной чертой котораго является «забвеніе стараго и стремленіе къ быстрой смѣнѣ новизны» и «вытекающія отсюда нервность современнаго чело-

вѣка, его легкомысліе и погоня за легкой наживой». Изученіе народнаго быта и жизни и сознательное къ нимъ отношеніе можетъ, по его мнѣнію, возбудить любовь къ родинѣ и, способствуя сохраненію традицій, сдѣлать человѣка болѣе устойчивымъ въ борьбѣ противъ несимпатичныхъ и разрушительныхъ теченій. Народовѣдѣніе, въ тѣсномъ смыслѣ знанія своего собственнаго народа, по выраженію извѣстнаго нѣмецкаго этнографа Эл. Гуго Мейера «любовно сохраняетъ въ воспоминаніи старину, объясняетъ ее изъ болѣе древнихъ явленій и внимательно указуетъ пути къ подготовленію и повороту къ новому». «Оно,—цитируетъ Бенндорфъ изъ статьи Beyschlag'a: Volkskunde u. Gymnasialunterricht (Ztsch. f. d. deutsch. Unterr. 14 Jahr., 1 H.),—«схватываетъ собственными глазами и слухомъ живую дѣйствительность и всѣ проявленія народнаго духа, старыя и новыя, безобразныя и прекрасныя, глупыя и умныя. Въ сплетеніи различныхъ явленій оно ищетъ законность и взаимную связь, которыя лежатъ въ глубинѣ души народа и въ ней находятъ объясненіе». Преподованіе народовѣдѣнія, справедливо говоритъ Бенндорфъ, пробуждаетъ и развиваетъ способность къ наблюдательности и дѣлаетъ ее глубже. «Сопоставляя факты дѣйствительности съ фактами прошлаго, ученикъ увидитъ, что всѣ жизненныя явленія суть результатъ вѣковой эволюціи... Наблюдая и изучая бытъ своего народа, онъ придетъ къ пониманію, какими путями развилось существующее въ настоящее время... и на какой культурной ступени онъ самъ стоитъ». Онъ пойметъ путемъ сравненій стараго съ новымъ, быта населенія его родной мѣстности и населенія другихъ областей своего отечества съ бытомъ другихъ народовъ, что всѣ явленія жизни обусловлены ходомъ міровой эволюціи, въ которой участвуетъ и его время, что въ общей цѣпи жизни каждое явленіе есть звено, котораго нельзя выкинуть произвольно. Отсюда вытекаетъ необходимо болѣе высокая оцѣнка проявленія народнаго духа и въ частности и своего народа. Воспитанный на такихъ понятіяхъ, ученикъ «будетъ стараться сохранить своеобразныя черты быта, выработанныя его народомъ и завѣщанныя ему отцомъ, и постарается развить ихъ, двинуть впередъ, чтобы и въ свою очередь передать ихъ своимъ дѣтямъ». Но центръ тяжести изученія своего народа лежитъ для Бенндорфа въ томъ чувствѣ глубокаго патріотизма и даже націонализма, которое оно воспитываетъ. Онъ особенно настаиваетъ на этой сторонѣ, которую, по его понятію, учитель обязанъ внѣдрять въ учениковъ. Онъ видитъ пользу преподаванія народовѣдѣнія, между прочимъ, и въ томъ, что ученикъ, навыкшій любить «свое», не будетъ легкомысленно воспринимать «надвигающееся на него чужое». Націоналистическія тенденціи автора сказываются, между прочимъ, и въ томъ, что онъ настоятельно требуетъ отъ учителя, чтобы тотъ указывалъ на отсутствіе славянскаго вліянія на саксонцевъ, несмотря на то, что Саксонія была первоначально занята славянами и лишь постепенно заселялась нѣмецкими пришельцами.

Народовѣдѣніе, какъ самостоятельный предметъ, еще не введено въ нѣмецкую школу. Бенндорфъ совѣтуетъ только пользоваться богатымъ этнографическимъ матеріаломъ при преподованіи другихъ предметовъ.

На урокахъ нѣмецкаго языка слѣдуетъ знакомить дѣтей съ нарѣчіемъ данной мѣстности; «изъ областного говора, говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ педагоговъ, молодежь черпаетъ новыя силы для литературнаго языка». Сказки, басни, произведенія народнаго творчества вообще должны служить матеріаломъ для чтенія, переложенія и пересказа и должны войти въ книги для школьнаго чтенія: это содѣйствуетъ воспитанію ребенка въ чисто національномъ духѣ. Преподавая отечествовѣдѣніе, надо указать на вліяніе почвы и климата на физическій и духовный обликъ народа. Надо воспользоваться матеріаломъ, собраннымъ этнографами: ознакомить учениковъ съ народными названіями мѣстностей, со способомъ расположенія деревень и поселковъ и т. д. Исторія родного края черпаетъ также матеріалъ изъ богатой сокровищницы народовѣдѣнія; надо умѣть привлечь къ преподованію исторіи остатки прежнихъ временъ, сохранившіеся въ языкѣ и обычаѣ; преданія и легенды могутъ оживить историческое изложеніе. При преподаваніи естественной исторіи, Бенндорфу кажется умѣстнымъ знакомить дѣтей съ воззрѣніями народа по нѣкоторымъ явленіямъ природы, съ фауной и флорой. На урокахъ пѣнія должна царить народная пѣснь, дышащая любовью къ родному и возбуждающая эту любовь въ дѣтяхъ.

Высказавъ въ первыхъ двухъ главахъ свой взглядъ на преподаваніе народовѣдѣнія въ сельской школѣ, Бенндорфъ въ остальной части своей книги дѣлаетъ попытку сгруппировать весь этнографическій матеріалъ, касающійся Саксоніи, могущій служить руководствомъ для учителей при ихъ занятіяхъ съ учениками саксонскихъ сельскихъ школъ. Взявъ за основаніе большой трудъ R. Wuttke, Sächsische Volkskunde, Dresden, 1901, Бенндорфъ расположилъ свой матеріалъ на двѣ группы: древнія времена въ Саксоніи и отдѣльные очерки изъ народной жизни. Изложеніе сжатое, но весьма содержательное. Бенндорфъ рекомендуетъ начать съ доисторическихъ временъ, указать на остатки въ Саксоніи каменнаго, бронзоваго, желѣзнаго вѣковъ. Онъ упоминаетъ стоянки, гдѣ были сдѣланы археологическія раскопки, указываетъ на музеи въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Фрейбергѣ и др. городахъ, посѣтить которые было бы желательно съ учениками. Краткій археологическій отдѣлъ иллюстрированъ рисунками. Упомянувъ поверхностно о появленіи въ странѣ славянъ въ VI в., о способѣ поселенія, о стоянкахъ съ славянской культурой, Бенндорфъ посвящаетъ обстоятельную главу заселенію нѣмцами Саксоніи (съ IX-го в.). Здѣсь особенный интересъ представляетъ описаніе двухъ видовъ поселковъ, встрѣчаемыхъ въ Саксоніи, т. наз. Haufendorf и Reihendorf; приложены планы, на которыхъ ясно видно не только расположеніе домовъ въ той и другой формѣ поселковъ, но и положеніе общинныхъ земель (выгона, лѣсовъ и пр.) и участковъ, находящихся въ единичномъ владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ. Способъ землевладѣнія и землепользованія изложенъ сжато, но вполнѣ обстоятельно. Особенную главу Бенндорфъ отводитъ развитію городовъ; прилагая для наглядности планы нѣкоторыхъ изъ нихъ, онъ рекомендуетъ прослѣдить съ учениками по картѣ возникавшіе одинъ за другимъ го-

рода Саксоніи, указать, на какихъ пунктахъ они закладывались (на рѣкахъ, удобныхъ путяхъ сообщенія, при скрещиваніи дорогъ и т. д.), на развитіе базарныхъ мѣстечекъ, монастырей. Онъ указываетъ попутно на нѣкоторыя современныя переживанія обычаевъ, ведущихъ свое начало изъ среднихъ вѣковъ. Такъ, до сихъ поръ выставляютъ въ деревняхъ пукъ соломы на заарендованныхъ деревьяхъ, на запрещенныхъ дорогахъ, лугахъ и выгонахъ. Въ средніе вѣка пукъ соломы, выставленный на видномъ мѣстѣ во время базара, знаменовалъ т. наз. Marktfrieden, которое гарантировало полную безопасность пріѣзжимъ купцамъ въ продолженіе базарныхъ дней.

Вторая часть книжки Бенндорфа является сводкой чисто этнографическаго матеріала, относящагося къ крестьянскому населенію Саксоніи. Послѣдовательно проходятъ передъ читателемъ: 1) бытъ и обычаи, суевѣріе, культъ, народныя празднества; 2) преданія, сказки, юмористическіе разсказы; 3) народныя пѣсни, нарѣчія; особенности характера населенія различныхъ мѣстностей Саксоніи; 4) одежда и жилище. Знакомство съ саксонцемъ получается основательное. Бенндорфъ останавливается на обычаяхъ при рожденіи и крещеніи дѣтей, свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ, на празднованіи Рождества, Пасхи, Пятидесятницы, 24-го іюня, на храмовыхъ праздникахъ (Kirmess) и пр., на суевѣріяхъ крестьянъ и его проявленіи въ различныхъ случаяхъ. Говоря о преданіяхъ, онъ выбираетъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ Саксоніи: городамъ, монастырямъ, горамъ, озерамъ и пр. Весьма интересны приведенные образчики народныхъ пѣсенъ на различныхъ нарѣчіяхъ, каковыхъ въ Саксоніи четыре: верхнесаксонское или мейссенское, лаузицкое, фогтландское и нарѣчіе Рудныхъ горъ. Въ типахъ жилища можно отличить: славянскій типъ, типъ горныхъ мѣстностей и франкскій типъ. Бенндорфъ подробно описываетъ жилище саксонскаго крестьянина и его хозяйственныя постройки, иллюстрируя описаніе рисунками. Въ одеждѣ, въ большинствѣ случаевъ утратившей національныя черты, наибольшую самобытность сохранили алтенбургскій, фогтландскій и вендскій костюмы, которые обстоятельно описаны Бенндорфомъ.

Мы остановились довольно подробно на небольшой, но содержательной книгѣ Бенндорфа, во-первыхъ, потому, что мысль ввести знакомство съ этнографіей въ школьное преподованіе весьма симпатична, будь то знакомство съ этнографіей мѣстной, будь то болѣе широкое изученіе, чѣмъ изученіе родного уголка, будь то на первыхъ порахъ лишь составная часть другихъ предметовъ, — введеніе этнографіи въ кругъ преподаваемыхъ въ школѣ наукъ несомнѣнно принесетъ хорошіе результаты. Книга Бенндорфа, представляющая этнографическія данныя въ качествѣ матеріала для преподаванія, является одной изъ первыхъ попытокъ такого рода въ нѣмецкой педагогической литературѣ и была замѣчена специальной этнографической критикой. Во-вторыхъ, она важна и для этнографіи. Она представляетъ изъ себя какъ бы конспектъ этнографіи Саксоніи, даетъ необходимыя свѣдѣнія и, съ одной стороны, можетъ слу-

жить справочникомъ, съ другой — позволяетъ ознакомиться съ представителемъ одного изъ нѣмецкихъ племенъ, саксонскимъ.

В. Х—на.

Dr. Paul Horn: Geschichte der Türkischen Moderne (Leipzig, Amelang 1903, въ серіи «Die Litteraturen des Ostens»... Band IV).

Лѣтъ десять тому назадъ Барбье де Мэнаръ въ одной изъ библіографическихъ замѣтокъ [1]) высказалъ утвержденіе, что «одна только старинная османская литература заслуживаетъ научнаго изученія». Несправедливость заявленія этого становится теперь несомнѣнной, послѣ того, какъ Германія—страна «научности»—удостоила вопросъ новой османской литературы своимъ разсмотрѣніемъ [2]).

Группировка и систематизація матеріаловъ ея представляется предпріятіемъ вполнѣ заслуженнымъ, и можно лишь порадоваться появленію новаго труда, къ тому же имѣющаго неотъемлемыя заслуги.

Хотя авторъ не спеціалистъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, однако его большая начитанность въ новой турецкой литературѣ [3]) придаетъ его небольшому очерку (70 страницъ) несомнѣнный интересъ.

Всякій имѣвшій дѣло съ восточными книжными базарами пойметъ также, какъ трудно подобрать коллекцію книгъ по вопросу, гдѣ каждую минуту возникаютъ новые факты, появленіе которыхъ нельзя и предвидѣть. Изученіе молодой османской прозы и поэзіи гдѣ-либо, помимо Константинополя, конечно, сопряжено съ громадными затрудненіями. Все это надо принять во вниманіе, прежде чѣмъ касаться недостатковъ труда, объясняемыхъ и тѣмъ, что онъ въ значительной мѣрѣ представляетъ первый опытъ по данному вопросу.

Авторъ самъ заявляетъ, что долженъ былъ особенно торопиться. Это, конечно, и отразилось на его работѣ, въ большинствѣ случаевъ, представляющей простой краткій пересказъ трактуемыхъ произведеній. Не освѣщаемый никакими комментаріями, онъ по временамъ прямо утомителенъ, какъ это имѣетъ мѣсто при перечисленіи, напр., «Забавныхъ Исторій» А. Мидхата [4]).

Можно кое-что возразить противъ краткаго библіографическаго указателя (стр. 5), который долженъ касаться одной новой литературы,

---

[1]) Jour. As. 1893, I, 184.

[2]) У насъ первая попытка была сдѣлана еще 15 лѣтъ тому назадъ. Англійскій ученый Гиббъ также собирался разсмотрѣть новую турецкую литературу, если бы этому не помѣшала безвременная смерть. О книгѣ Гибба см. рецензію г. Гордлевскаго въ „Этногр. Обозр.“ 1901 № 4.

[3]) Изъ цитированныхъ имъ книгъ 124 отмѣчены звѣздочкой, что означаетъ, что авторъ знаетъ ихъ „aus eigener Anschauung“. Для восточныхъ книгъ это, конечно, очень много, но впрочемъ приведенное выраженіе довольно растяжимо.

[4]) Что, напр., дастъ читателю такой отзывъ: „Комиссіонеръ Сыдкы,—картина купеческой жизни стараго времени“. И съ такими вещами примирились бы мы (факты, вѣдь, всегда имѣютъ извѣстную цѣну), если бы работа Хорна называлась: Описаніе прочитанныхъ книгъ, а не *Исторія* литературы.

(такъ какъ отсутствуетъ, напр., Hammer). Зачѣмъ, напр., указывается статья Фоя (Foy, Purismus bei den Osmanen), не имѣющая къ литературѣ никакого отношенія и занимающаяся исключительно грамматическими явленіями? Очень странно, что, приводя 2 статьи на датскомъ и венгерскомъ языкахъ, авторъ не потрудился справиться о томъ, что есть на русскомъ языкѣ [1]), тогда какъ у насъ-то и имѣется первая попытка обрисовать османскую литературу какъ старую, такъ и новую, въ полномъ объемѣ. Мы разумѣемъ: Очеркъ исторіи турецкой литературы В. Д. Смирнова (въ IV т. Всеоб. Ист. лит. Корша Спб. 1889). Надо признать, что работа эта, хотя въ ней и обнаруживается нѣсколько отрицательный взглядъ на новыя теченія, интереснѣе для насъ работы Хорна потому, что указываетъ связь съ исторіей политической и культурной, а у Хорна представляется несомнѣннымъ пробѣломъ—именно игнорированіе общественной жизни и біографій писателей, которыя могли бы пролить немало свѣта при выясненіи характеристики авторовъ: вѣдь, не безынтересна карьера писателя-реформатора Кемаль-бея, встрѣтившаго довольно сдержанную оцѣнку у Хорна [2]). Любопытно черкесское происхожденіе и французское образованіе Ахмеда Мидхата, о чемъ у Хорна нѣтъ ни слова. Х. Рехми, если только не ошибаемся, состоитъ корреспондентомъ «Икдама» изъ Парижа, и этимъ, конечно, объяснились бы многіе взгляды его на западную цивилизацію.

Невольно припоминаются интересные портреты характеристики недавнихъ и современныхъ дѣятелей у проф. Смирнова [3]).

Слишкомъ мало изложеніе Хорна освѣщается иллюстрирующими цитатами; вѣдь, не можетъ же Мидхатъ, случайно встрѣтившій раньше нѣмецкаго переводчика, считаться единственнымъ образцомъ, а у турецкихъ романистовъ такъ часто попадаются интересныя сцены, любопытныя мысли, обрисовывающія ту борьбу восточныхъ и западныхъ началъ, которая происходитъ въ головахъ современныхъ турецкихъ интеллигентовъ. Европейская литература открыла турецкимъ литераторамъ глаза; они стараются дѣйствовать и подражать франкамъ, но при этомъ не утрачиваютъ ни типичныхъ чертъ своего племени, ни способности подвергать явленія оцѣнкѣ, хотя порой и нѣсколько курьезной.

Изъ частностей укажемъ на отсутствіе у Хорна очень популярнаго въ настоящеее время Сафветъ Незихи, автора романовъ «Бѣдняжка Нед-

---

[1]) Которымъ проф. Хорнъ, кстати сказать, владѣетъ.

[2]) Въ этомъ онъ сходится и съ Jacob: см. стр. II предисловія къ его Türk. Litteraturgesch. in Einzeldarstellungen. Heft I, Berlin 1901: „Kemal mehr Phrasenheld, als Dramatiker“. Кажется, вполнѣ законно ввести, такимъ образомъ, роль Кемаля въ должныя границы: онъ въ гораздо большей мѣрѣ искусный риторикъ, чѣмъ талантливый поэтъ и романистъ. Гораздо больше заслуги его, какъ одного изъ реформаторовъ стиля и языка, какъ искренняго патріота и симпатичнаго публициста.

[3]) Кемаля, А. Мидхата, Абу-Зыя Тевфика и т. д. Намъ не удалось найти въ Вѣстн. Европы, 1876 г. авг. и сент. статьи В. Д. Смирнова, на которую онъ ссылается въ своей работѣ. Очевидно, въ указаніе вкралась какая-нибудь опечатка.

ждетъ» (Заваллы Неджетъ) и «Въ мірѣ брака» (Тээхўль Алемиңде) и серіи фельетоновъ о женскомъ вопросѣ отдѣльнымъ сборникомъ (Макаляты Незихе). Не совсѣмъ можно согласиться съ характеристикой Рехми, талантъ котораго совершенно иначе обрисовывается въ изображеніи жизни турецкой женщины «Разведенная» (Муталлака), чѣмъ въ описаніи парижскихъ куртизанокъ.

Крайне неопредѣленны у Хорна фигуры турецкихъ знаменитостей: довольно граціознаго, хотя не совсѣмъ оторвавшагося отъ старины М. Экрема и Абдель-Хаккъ Хâмида, на котораго, очевидно, повліяли англійскіе образцы; въ его сборникѣ «Бунлар о дур» есть, хотя слабое правда, сходство съ индійскимъ жанромъ Киплинга. Многія темы А. Хâмида взяты изъ индійской жизни и исторіи [1]).

Относительно одной нѣмецкой дамы, вышедшей замужъ за турка, Хорнъ [2]) высказываетъ надежду, что она, быть-можетъ, сдѣлается со временемъ турецкой писательницей. По этому поводу мы можемъ замѣтить, что въ настоящее время на поприщѣ турецкой литературы уже дѣйствуетъ одна наша соотечественница: О. В. Лебедева, предсѣдательница Восточнаго Общества въ Петербургѣ, подписывающаяся по-турецки «Гюльнар-ханымъ мадамъ Ольга де Лебедефъ». Почтенная оріенталистка сотрудничаетъ въ нѣкоторыхъ константинопольскихъ органахъ. Изъ отдѣльныхъ сочиненій ея укажемъ біографію Пушкина «Шаиръ Пушкинъ» и очеркъ русской литературы «Рус-Эдэбіяты» (изд. Икдама).

Переходя къ транскрипціи Хорна, отмѣтимъ странное обозначеніе арабскаго X безъ точки черезъ нѣмецкое ch, вмѣсто чистаго h, какъ оно звучитъ по-турецки; и передачу дифтонга ej черезъ ê. Это [3]), впрочемъ, уже, вѣроятно, предназначается для нѣмецкихъ читателей, чтобы они не вздумали произносить aj хусайнъ.

Излагая содержаніе произведеній новоосманской литературы, Хорнъ говоритъ, что къ нимъ, какъ къ подражаніямъ европейской (главнымъ образомъ французской) беллетристикѣ, и относиться надо съ европейской точки зрѣнія. Это несомнѣнно вѣрно, но нельзя не прислушаться и къ тому, что турки сами говорятъ о своихъ писателяхъ, а въ этомъ отношеніи есть любопытныя явленія, совершенно игнорированныя Хорномъ: такова маленькая исторія литературы, составленная Хелим-Мемдухомъ (Конст. 1306 г.), такова біографія Кемаля, принадлежащая перу Абуз-Зыя (безъ обозн. даты), далѣе въ нѣкоторыхъ журналахъ помѣщаются постоянныя замѣтки о текущихъ явленіяхъ литературы [4]). Подобными источниками совсѣмъ не пришлось пользоваться Хорну, принужденному,

---

[1]) Этотъ писатель долгое время уже состоитъ при турецкомъ посольствѣ въ Лондонѣ. Horn, 36; Gibb, введеніе.

[2]) Horn 62.

[3]) Намъ неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ это начертаніе встрѣчается у нѣмецкихъ ученыхъ. См. напр., M. Hartmann: Der Divân Hüwêda's.

[4]) Напр., въ „Меджмуаи эдебіятъ". Въ иллюстрированномъ „Ма'луматъ" лѣтомъ 1901 г., № 292, была помѣщена обширная статья объ интересномъ сборникѣ „Рюбаби шикесте" Тевфикъ Фикрета, о которомъ см. у Хорна стр. 59.

вмѣсто того, по временамъ прибѣгать къ ненадежнымъ каталогамъ Аракеловой книготорговли.

Будущему историку придется обратить вниманіе на эти турецкіе источники. Хрестоматіи также не безполезны для отысканія авторовъ и наиболѣе замѣчательныхъ произведеній. Хорнъ не малое пособіе при изученіи новой турецкой поэзіи могъ бы найти даже въ оглавленіи любой общепринятой въ школахъ хрестоматіи. Сошлемся хотя бы на извѣстный намъ «Иктитафъ» М. Ата [1],—книгу, по которой можно основательно ознакомиться со многими лучшими современными поэтами, благодаря удачно выбраннымъ образцамъ.

Почти всецѣло [2]) оставлены Хорномъ въ сторонѣ и газеты; несмотря на то, что между ними есть не мало продажныхъ базарныхъ и раболѣпныхъ листковъ [3]), онѣ имѣютъ несомнѣнно извѣстное значеніе въ турецкой жизни, взять хотя бы роль «Икдама» въ образованіи современнаго языка, или органы Кемаль-бея изъ «освободительной» эпохи [4]).

Хотя въ общемъ отъ книги Хорна со всѣми ея безконечными сюжетами остается нѣсколько смутное впечатлѣніе, однако нѣкоторые факты все же намѣчаются. Ясно обрисовывается подражаніе французамъ. Взять хотя бы слѣды «La dame aux camélias» [5]), которая породила многочисленныхъ турецкихъ героинь, умирающихъ отъ чахотки и цѣлый рядъ лирическихъ настроеній (ср. указанный у Хорна сборникъ Абдель Керима и друг., стр. 58).

Можно подмѣтить и любимыя темы: это обычно неудачная любовь, проистекающая изъ особыхъ условій мусульманской семьи, основанія которой довольно расшатаны, судя по изображенію турецкихъ авторовъ.

---

1) Три части, Конст. 1317 г.

2) Horn, стр. 5.

3) Вродѣ тѣхъ, которыя издаетъ любимецъ Султана Тахиръ-бей. („Maloumat“, Ма'луматъ, Аль-ма'луматъ и т. д. на разныхъ языкахъ, разными шрифтами, съ иллюстраціями и безъ иллюстрацій). Какъ будто, онъ обрисованъ въ комедіи Карагёза „Писательство“ (См. у Куноша, Három Karagöz Játék 101—106), гдѣ турецкій Петрушка желаетъ издавать газету. Пріятель его Хаджіевадъ сомнѣвается въ его способности и говоритъ: „тебѣ газетное дѣло пристало, какъ верблюду торговля шелкомъ“. К. „Ну, не хуже другихъ!“ Х. „Газетчикъ долженъ умѣть читать и писать, а тебѣ это развѣ только Богъ подастъ!“ Далѣе идетъ рядъ вопросовъ, какіе К. знаетъ науки: „Статистику?“ К. „Большое отъ нея безпокойство!“ Х. „Отчего?“ К. „Отъ короткой подушки (кыса ястык)...“ Х. „Логику (мантик)?“ К. „Всего лучше знаю и очень люблю!“ Х. „Ну, посмотримъ, какъ ты знаешь?“ К. „Во время Рамазана ее жарятъ, сверху поливаютъ кислымъ молокомъ, а внутрь кладутъ начинку“ (разумѣется кушанье „манты“)... Далѣе К. разсказываетъ, какой у него богатый выборъ темъ: „напримѣръ, ждемъ зимы, за которою придетъ и лѣто; зимой грязь, лѣтомъ пыль, сколько еще всякихъ исторій; мы ихъ на 5 языкахъ напишемъ и будемъ продавать“. Х. „Развѣ ты знаешь столько языковъ“. К. въ доказательство говоритъ по-французски: „Дидонъ манджà пардонъ“, по-болгарски: „Знашти дайна мени добра ботъ“ и т. д.

4) Ср. Смирновъ 551—3.

5) У турокъ эта пьеса считается особенно излюбленной; когда она дается, театръ всегда полонъ. Въ 1901 г. она очень часто давалась труппой Минакіана.

Особенно ненормально положеніе рабынь, существующихъ, конечно, нелегально; къ чести турецкихъ авторовъ надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ они очень сочувственно относятся къ этимъ несчастнымъ, начиная съ знаменитаго романа Кемаля: «Приключенія Али-бея». «Злодѣйки» турецкихъ романовъ, главнымъ образомъ, изъ вольноотпущенницъ, изъ европейскихъ женщинъ, куртизанокъ и т. д.

Хотя европейское воспитаніе женщинъ и встрѣчаетъ себѣ критику [1]), однако и въ положеніи мусульманокъ чувствуются явно какіе-то недостатки. Особенно трогательно изображено положеніе жены въ повѣсти Рехми «Разведенная» (Муталлака), гдѣ молодая, нѣжно чувствующая женщина обречена на муки ревности, тогда какъ мачеха терзаетъ ее циничными разсужденіями, что не быть же ея сыну вѣрнымъ ей одной; ему можно жить, какъ хочется, и законъ это разрѣшаетъ.

Любовь и патріотизмъ вотъ чувства наиболѣе близкія османскимъ беллетристамъ. Отъ Кемалевой «Силистріи», до М. Эминъ-бея любовь къ отчизнѣ проходитъ яркой нитью. По справедливому замѣчанію Хорна [2]), родина слово не совсѣмъ понятное для турка, но, вѣдь, не мало сдѣлано современными писателями для развитія и облагороженія чувства патріотизма. Стоитъ посмотрѣть, сколько подъ этой рубрикой находится цитатъ въ четвертомъ выпускѣ «Та'лими Кыраатъ» Муллы Наджи.

Бросаются въ глаза при обозрѣніи новой литературы также и недовѣріе къ европейской культурѣ, какъ слѣдствіе любви ко всему родному, и нѣкоторыя особенности нравственнаго склада [3]).

Впрочемъ группировка содержанія османской литературы завела бы насъ далеко за предѣлы настоящей замѣтки; мы добавимъ лишь, что въ современной турецкой беллетристикѣ кроется не мало интереснаго и съ бытовой точки зрѣнія. Это скорѣе этнографическое значеніе османской литературы, быть можетъ, выходитъ за предѣлы простой исторіи ея, но нельзя не пожелать, чтобы будущіе историки, рисуя общую картину письменности не упускали изъ виду и характеристику османской жизни, обрисовку нравственнаго облика турка, его привычекъ, понятій.

Мало освѣщенъ у Хорна еще одинъ важный и крайне интересный вопросъ: какъ возникъ и развился этотъ младшій членъ семьи литературъ? Правда у Хорна встрѣчаются извѣстныя фразы, что послѣ поѣздокъ за границу турецкой молодежи въ 50-хъ годахъ зародилось новое направленіе, что повѣствованія разсказчиковъ-меддаховъ

---

[1]) Ср. „Мӱреббіе"—Рехми.

[2]) Horn, 31 — 32. Jacob, Türk. Lesebuch, Erlangen 1903, стр. 39, отмѣчаетъ, однако, что еще задолго до Кемаля турки говорили уже о „родинѣ", которую чаще всего называли „юрт", а иногда пользовались и арабскимъ словомъ „ватан".

[3]) Ср., напр., сочувственное отношеніе Кемаля къ матери Али-бея, которая съ нашей точки зрѣнія ведетъ себя крайне некрасиво. У того же автора цѣлая драма построена на чувствѣ мести (Гӱльнихаль см. у Horn, 31).

новліяли на тонъ беллетристики (по крайней мѣрѣ, на Мидхата) [1]. Но какъ шла борьба двухъ направленій, какъ основывались новыя турецкія газеты, какъ отстаивались новые принципы, и, самое главное, какъ выработалось могущественное средство выраженія даже самыхъ сложныхъ идей—современный турецкій языкъ, объ этомъ ничего не узнаетъ читатель. Исторія значительно отсутствуетъ въ Исторіи Хорна, и гораздо больше интереснаго даетъ въ этомъ отношеніи упомянутая выше работа В. Д. Смирнова; а черезъ это становится неяснымъ характеръ реформы, совершенной въ Турціи. Вѣдь прежней османской литературы читатели-неспеціалисты не знаютъ. Хотя Хорнъ и увѣряетъ, что достаточно прочесть его Исторію персидской литературы, чтобы ознакомиться со старой школой, мы позволимъ себѣ съ этимъ не согласиться. Въ серіи Amelang'а старая турецкая литература отсутствуетъ, да и не велика бѣда, если обыкновенный читатель не будетъ знать всѣхъ этихъ Фузули и Бакы, но въ исторіи новой турецкой литературы лишь мелькомъ упомянуть о старой—значитъ не дать почувствовать важнѣйшаго: насколько велики заслуги современныхъ писателей, которые вывели ее изъ круга той подражательности, гдѣ даже второстепенные персидскіе поэты, въ родѣ какого-нибудь Шевкета, считались основателями новыхъ направленій и безпрекословными авторитетами [2]).

Дѣло было, конечно, не въ томъ, чтобы, по выраженію Сами, «повоpотить поводья, отъ подражанія персамъ, въ сторону подражанія франкамъ», а въ томъ, чтобы водворить здоровый реализмъ. Прежде было рабское слѣдованіе во всемъ, а теперь подражаютъ преимущественно методу, по самому свойству котораго приходится обращаться непосредственно къ дѣйствительности. Сперва турки срисовываютъ свой бытъ, свою жизнь. Надо думать, что, изобразивъ ее ясно, они сами поймутъ ея недостатки и тогда начнется новый періодъ созданія національныхъ идеаловъ, индивидуализаціи литературы, къ чему уже и сдѣланы первые шаги.

Переходъ къ европейской манерѣ безъ утраты національнаго чувства—великая заслуга новой турецкой литературы, и можно лишь желать, чтобы дѣтство и юность ея перешли скорѣе въ полную зрѣлость. Реформа языка и литературы показываетъ, что въ Турціи есть и не гнилые элементы, что она способна къ воспріятію новыхъ началъ, что устранится политическій гнетъ, и другія стороны народной жизни могутъ найти обновленіе.

Влад. Минорскій.

Нибуръ, І. І. Рабство какъ система хозяйства. Этнографическое изслѣдованіе. Пер. съ англ. *А. Н. Максимова.* М. Изд. «Кн. Дѣло» 1902 г.

---

[1]) Ср. Jacob и Куношъ, во введеніи къ VIII т. Радловскихъ образцовъ, стр. XVIII.

[2]) См. Gibb, I, 130 и слѣд. У Хорна, въ его Gesch. d. Pers. Litt. (Amelang) онъ даже не упоминается.

Нерѣдко раздаются въ настоящее время упреки по адресу писателей, пользовавшихся для своихъ трудовъ этнографическимъ матеріаломъ, въ неразборчивомъ пользованіи этимъ послѣднимъ. Этотъ упрекъ ставятъ—въ большинствѣ случаевъ, видимо, справедливо—даже крупнымъ научнымъ именамъ, даже представителямъ самой науки этнографіи. Дѣйствительно, при новизнѣ науки, которая недавно только начала выступать болѣе твердыми шагами, не трудно было впадать въ ошибки, и для представлявшихся научной мысли выводовъ недостаточно строго выбирать доказательства изъ того поистинѣ огромнаго этнографическаго матеріала, который былъ уже пополненъ и пополняется все больше трудами путешественниковъ и изслѣдователей. Часто то или другое положеніе подтверждалось ссылками на бытъ племенъ, стоящихъ далеко не на одной ступени культуры. Такое неразборчивое пользованіе матеріаломъ позволило за послѣднія десятилѣтія новымъ силамъ подвергнуть разрушительной критикѣ нѣкоторыя положенія, казавшіяся незыблемыми, въ исторіи первобытной культуры, права и пр., хотя сами критики иногда не вполнѣ избѣгали ошибокъ своихъ предшественниковъ. Во всякомъ случаѣ, указаніе было сдѣлано справедливое. Въ настоящее время серьезное этнографическое изслѣдованіе немыслимо безъ строго-критическаго отношенія къ имѣющемуся въ распоряженіи этнографа матеріалу. Занявшись весьма интереснымъ вопросомъ о рабствѣ, какъ системѣ хозяйства, Нибуръ привлекъ къ своему изслѣдованію обширный этнографическій матеріалъ и детально переработалъ его, не испугавшись значительнаго и хлопотливаго труда. Съ чрезвычайной тщательностью постарался онъ классифицировать племена и народности (бытъ которыхъ былъ изученъ имъ въ отношеніи къ занимавшему его вопросу)—задача трудная, занимавшая многихъ изслѣдователей и едва ли блестяще разрѣшенная кѣмъ-либо изъ нихъ. Ставя въ основу своей классификаціи экономическое состояніе данной группы, Нибуръ принялъ слѣдующее дѣленіе: охотники и рыболовы, пастухи-кочевники, земледѣльцы первой стадіи (земледѣліе занимаетъ подчиненное мѣсто, средства существованія добываются преимущественно изъ другихъ источниковъ), второй стадіи (земледѣліе все еще не исключаетъ другихъ средствъ добыванія себѣ пищи, охоты и т. п.), третьей стадіи (земледѣліе является главнымъ средствомъ существованія). Но въ виду того, что и подъ эту схему не всегда можно вполнѣ точно подвести данную племенную группу, Нибуръ отличаетъ племена $З^1$ ($З^2$,$З^3$)$+$ск.—занимающіеся земледѣліемъ въ первой (второй, третьей) стадіи и въ значительной мѣрѣ скотоводствомъ, $З^1+Т$—земледѣліемъ и торговлей, $З^1+Т+$ск.—земледѣліемъ, торговлей и скотоводствомъ. Не входя въ разсмотрѣніе того, насколько удобна подобная классификація, можно отмѣтить только удивительно тщательное отношеніе автора къ имѣющемуся у него матеріалу. Собравъ на пространствѣ болѣе ста стр. литературныя свѣдѣнія о существованіи рабства и отсутствіи его у различныхъ народовъ земного шара, Нибуръ представилъ таблицу положительныхъ и отрицательныхъ случаевъ у разныхъ племенъ, расположивъ ихъ по географическимъ областямъ и отмѣтивъ ка-

ждый разъ буквами ох., ск. 3^1+ск. и т. д. къ какой группѣ народовъ она принадлежитъ. Нелегкій и хлопотливый трудъ автора ясно виденъ изъ этого. Опредѣливъ въ первой главѣ понятіе «рабство» и съ присущей ему тщательностью выдѣливъ родственныя съ рабствомъ явленія: зависимое положеніе женщинъ, дѣтей, покоренныхъ племенъ, зависимость членовъ общины отъ ея главы, крѣпостное состояніе, Нибуръ приступаетъ во второй части своей книги—къ разсмотрѣнію причинъ рабства у охотниковъ и рыболововъ, пастушескихъ и земледѣльческихъ племенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ, интересующіеся вопросомъ о рабствѣ, какъ системѣ хозяйства, съ удовольствіемъ и пользой прочтутъ книгу Нибура и отдадутъ должное тому терпѣнію, съ которымъ она составлена. Мы ограничимся приведеніемъ лишь общихъ выводовъ автора о причинахъ, содѣйствующихъ возникновенію и поддержанію института рабства. Причины эти раздѣляются, по мнѣнію Нибура, на внутреннія и внѣшнія. Внутреннія: А—общія: «открытыя средства существованія», независимыя, не требующія капитала, и легкость добыванія средствъ существованія; В — второстепенныя, экономическія—1) высокое положеніе женщинъ, 2) торговля, 3) заготовленіе припасовъ впрокъ; С — второстепенныя, не экономическія—1) милитаризмъ (когда рабы употребляются для войны), 2) рабство, какъ удовлетвореніе роскоши. Внѣшнія причины: 1) жизнь въ постоянныхъ жилищахъ, 2) жизнь большими группами, 3) заготовленіе припасовъ впрокъ, 4) работорговля, 5) сосѣдство низшихъ расъ. Причинами «отрицательными» Нибуръ считаетъ: А—1) закрытыя средства существованія, 2) трудно пріобрѣтаемыя средства существованія. В—1) женскій трудъ, замѣняющій трудъ рабовъ, 2) подчиненіе цѣлыхъ племенъ. С—милитаризмъ (особенно при усыновленіи иностранцевъ, когда изъ военноплѣнныхъ стремятся преимущественно увеличить количество воиновъ для защиты своей группы, территоріи). Книга Нибура является сводкой чрезвычайно богатаго матеріала по вопросу, интересному и для этнографа, и для политико-эконома, и соціолога. Цѣнность собранныхъ цитатъ увеличивается ихъ обработкой. Быть можетъ, и для разработки другихъ вопросовъ нѣкоторые изслѣдователи воспользуются, хотя отчасти, и методомъ Нибура, который тоже не лишенъ интереса. Доказавъ у охотничьихъ и рыболовческихъ племенъ, практикующихъ рабство, наличность причинъ, вызывающихъ къ жизни и поддерживающихъ этотъ институтъ, онъ дѣлаетъ обратную провѣрку и доказываетъ отсутствіе этихъ причинъ у племенъ, не имѣющихъ рабовъ, и т. д. Сведенный въ одинъ трудъ, обширный матеріалъ по рабству у различныхъ народовъ касается этого института не только какъ системы хозяйства. Авторъ правъ, предполагая, что различныя детали о положеніи рабовъ въ томъ или другомъ пунктѣ земного шара могутъ послужить предметами дальнѣйшаго изслѣдованія. Весьма интереснымъ поэтому является приложенный къ книгѣ перечень вопросовъ, какъ бы краткая программа, по которой можетъ направиться изученіе рабства въ другихъ, чѣмъ то, которое затронуто авторомъ, отношеніяхъ. Списокъ источниковъ, приложенный къ книгѣ, указываетъ

на громадность труда, исполненнаго Нибуромъ. Указатель даетъ возможность пользоваться матеріаломъ, собраннымъ въ его сочиненіи; но онъ могъ бы быть обстоятельнѣе составленъ именно въ виду обширности предлагаемыхъ читателю свѣдѣній.

Всякій новый вкладъ въ русскую этнографическую литературу какъ оригинальный, такъ и переводный съ радостью привѣтствуется всѣми, интересующимися наукой этнографіи. Переводы выдающихся произведеній западно-европейской этнографической литературы являются всегда желанными. Они даютъ возможность новымъ идеямъ, возникающимъ у западныхъ ученыхъ, новымъ научнымъ положеніямъ быстрѣе распространяться среди широкаго круга читающей публики. Оригиналы же часто остаются почти недоступными отчасти по своей дороговизнѣ, отчасти оттого, что не имѣются въ публичныхъ библіотекахъ. Русскіе этнографы, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ и трудъ А. Н. Максимова, — трудъ, прибавимъ, далеко не малый, и будутъ ему искренно благодарны, тѣмъ болѣе, что книга Нибура въ его переводѣ читается легко и свободно.

В. Х—на.

В. Н. Добровольскій. Смоленскій Этнографическій сборникъ. *Ч. IV.* Подъ ред. *Н. А. Янчука.* («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи». Т. XXVII) М. 1903, больш. 8°. XVI+720 стр. Ц. 2 р.

Хорошо извѣстный «Смоленскій Этнографическій сборникъ» В. Н. Добровольскаго, съ выходомъ 4-й части, закончился, и наука можетъ съ искреннимъ уваженіемъ привѣтствовать почтеннаго собирателя, которому удалось «дойти конца книгамъ». Правда, этими четырьмя томами не исчерпывается весь этнографическій запасъ свѣдѣній и матеріаловъ, которыми располагаетъ Влад. Ник.; у него многое напечатано и помимо этихъ сборниковъ, а еще болѣе того имѣется ненапечатаннаго; но здѣсь важно отмѣтить, что закончена серія изданія, которое, по своей цѣльности и научному значенію, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду себѣ подобныхъ. При трудныхъ условіяхъ создавался этотъ сборникъ; массы энергіи и труда потребовалъ онъ отъ своего собирателя, которому много огорченій пришлось пережить за «эти 20 лѣтъ». Но, къ чести неутомимаго русскаго труженика, онъ вышелъ изъ всѣхъ этихъ испытаній побѣдителемъ, «съ живой искрой интереса къ наукѣ» (XI стр.), не погасшей въ немъ, благодаря, м. б., тѣмъ свѣтлымъ лицамъ, о которыхъ онъ вспоминаетъ самъ съ чувствомъ искренней благодарности (XI—XVI стр.). Одинъ изъ нихъ, П. В. Шейнъ, былъ самъ такимъ же неутомимымъ труженикомъ-этнографомъ, самъ пережилъ не меньше лишеній и огорченій, жаждалъ дойти до конца своего «Великорусса» еще болѣе продолжительное время; но не пришлось ему выполнить этой «скромной», какъ онъ выражался, задачи. Кто хорошо зналъ П. В. Шейна и кто познакомится со скромной личностью В. Н. Добровольскаго изъ его краткаго, въ высшей степени искренняго предисловія къ 4-й части

«Смол. Сборника», тотъ поразится многими сходствами въ жизни и дѣятельности этихъ двухъ достойныхъ этнографовъ. Сходство доходитъ до крайнихъ подробностей. Между прочимъ и 4-я часть «Смол. Сборника» и I т. «Великорусса» посвящены Всев. Ѳед. Миллеру. Вс. Ѳ. для того и другого былъ вдохновителемъ на ихъ трудномъ пути безкорыстнаго служенія наукѣ. Для того и другого кружокъ ученыхъ, группировавшійся около Вс. Ѳ-ча, былъ лучшимъ отразителемъ новыхъ проникшихъ въ Россію или въ ней культивировавшихся научныхъ идей, во имя которыхъ оба они трудились «въ глуши» и боролись «съ нуждой». Многимъ и многимъ поучительны ихъ жизнь и ихъ трудъ. Они—не первые и не послѣдніе. Русская дѣйствительность давала и даетъ много образцовъ такого скромнаго, подвижническаго житія во имя науки; но рѣдко объ этомъ знаютъ, потому что пропадаютъ въ неизвѣстности матеріалы, изслѣдованія и сами ихъ собиратели и авторы, потому что или нѣкому ободрить ихъ, вывести на свѣтъ, или, что еще чаще, «нѣтъ средствъ».

Можетъ быть, мы и дождемся того, что народное міросозерцаніе будетъ оцѣнено въ самыхъ широкихъ кругахъ русскаго общества и въ научномъ, и въ общественномъ отношеніи; но будетъ это уже тогда, когда собраніе сборниковъ, подобныхъ «Смоленскому» или «Великоруссу», станетъ немыслимымъ, когда закроются послѣдніе слѣды архаической мысли народа наносными вѣяніями новой формаціи. Тогда раздадутся, вѣроятно, и упреки, но... въ чью сторону? Кто виноватъ?

Перейдемъ, однако, къ содержанію разсматриваемой 4-й части «Смоленскаго сборника». Она представляетъ собой какъ бы естественное продолженіе 2-й части, по богатству пѣсеннаго матеріала тамъ и здѣсь. Матеріалъ расположенъ въ 4-й части довольно систематично въ 28-ми группахъ, изъ которыхъ однѣ характеризуютъ народныя празднества, игрища, работы и другія событія въ календарномъ порядкѣ, другія—народное міросозерцаніе въ вопросахъ любви, семьи, общественныхъ, историческихъ, духовно-религіозныхъ и т. д. Каждая пѣсня сопровождается конспектомъ ея содержанія. Редакторъ самъ указываетъ, что въ группировкѣ матеріала «всегда встрѣчаются немалыя затрудненія, и идеала въ этомъ отношеніи достигнуть невозможно». При этомъ справедливомъ замѣчаніи не указано только на всѣ причины такихъ «затрудненій». Не только общность сюжетовъ въ пѣсняхъ разнаго характера причина тому, но и невозможность оріентироваться въ нихъ на твердыхъ научныхъ основахъ, при существующихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ нашихъ о прошломъ русскаго народа и его творчества. «Сборникъ» не есть изслѣдованіе, и его идеалъ не въ щепетильной систематикѣ, а въ добросовѣстномъ, хорошо провѣренномъ, достовѣрно узнанномъ и точно переданномъ матеріалѣ. Для этнографа не-лингвиста сборникъ В. Н. Добровольскаго образцовая работа. Но и лингвистъ, знающій, какъ пользоваться этнографическими сборниками, оцѣнитъ этотъ трудъ, тѣмъ болѣе, что наиболѣе яркія и типичныя явленія языка въ сборникѣ отмѣчены вполнѣ удовлетворительно.

Далѣе важно указать на нѣкоторыя наиболѣе интересныя мѣста по

содержанію сборника въ отдѣльныхъ частяхъ его. Въ отдѣлѣ «Игрища» собиратель ярко, со словъ разсказчиковъ, передаетъ 27 разсказовъ о разныхъ игрищахъ и «приговорахъ» къ нимъ. Эти игрища не такъ часто останавливаютъ на себѣ вниманіе нашихъ собирателей-этнографовъ, а между тѣмъ въ нихъ такъ много миѳическихъ и вообше архаическихъ слѣдовъ, что многія пѣсни и сказки съ меньшей силой даютъ представленіе объ этой старинѣ. Колядныя пѣсни (ихъ 113), весьма разнообразныя по содержанію, заключаютъ въ себѣ много любовныхъ и семейныхъ мотивовъ. Далѣе приведены пѣсни и нѣкоторые обычаи и обряды, которыми сопровождаются: Васильевъ вечеръ, масляница, возка навоза, приходъ весны (веснянки) и Благовѣщенье. Съ необыкновеннымъ мастерствомъ переданы въ нихъ нѣкоторыя народныя звукоподражанія (особенно въ веснянкахъ). «Скакухи, игровыя и другія хороводныя пѣсни», являющіяся продолженіемъ весеннихъ пѣсенъ, даютъ много если не новаго, то свѣжаго матеріала, съ цѣнными поясненіями. Далѣе слѣдуютъ: Егорьевъ день, Великъ день (бабы и волочебники), Зеленыя святки, Купала, Петровки, Жатва (жнивныя пѣсни), приготовленіе пива («пивныя»), пирушки («бесѣдныя»), посидѣлки, любовныя пѣсни, припѣвки, хороводы и проч., дѣтствія пѣсни и игры. Многое въ этихъ отдѣлахъ прочтется съ неослабѣвающимъ интересомъ и въ широкомъ кругѣ читателей. Все это или объяснено, или такъ расположено, что даетъ наглядную картину народной жизни.

Особый интересъ представляютъ остальные семь отдѣловъ: бытовыя пѣсни, молодецкія и чумацкія, солдатскія, тюремныя, историческія и духовные стихи. Терминъ «бытовыя» пѣсни слишкомъ обширенъ; это пѣсни, характеризующія различныя общественныя и личныя отношенія въ крѣпостное время, среди портныхъ, на базарѣ, въ батрачествѣ, среди нищихъ, отходниковъ, пьяницъ, скомороховъ, шутниковъ и т. п. Вѣрнѣе, это—пестрый отдѣлъ, изъ котораго нѣкоторыя пѣсни могли бы размѣститься въ нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ. Историческія пѣсни представлены нѣкоторыми интересными сюжетами былинными, а также о татарщинѣ, о Стенькѣ Разинѣ, князѣ Голицынѣ, Петрѣ Великомъ, гр. Чернышевѣ, Краснощековѣ, Лопухинѣ, Суворовѣ, Костюшкѣ, раздѣлѣ Польши, французахъ, Александрѣ I, Аракчеевѣ, Николаѣ I, Паскевичѣ, взятіи Варшавы, Крымской кампаніи, освобожденіи крестьянъ, русско-турецкой войнѣ 1877—8 гг. и др. Духовные стихи даютъ нѣкоторые интересные варіанты.

Въ концѣ сборника приложенъ словарь, составленный редакторомъ; въ него внесены «менѣе обычныя по формѣ и по значенію слова». Многія слова не встрѣчаются въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича.

Заканчивая эту краткую замѣтку о сборникѣ В. Н. Добровольскаго, укажемъ еще, что онъ изданъ довольно опрятно и выпущенъ въ продажу крайне дешево,—болѣе 45 листовъ убористой печати—всего за 2 рубля. Дѣлаетъ честь Императорскому Русскому Географическому Обществу, что оно не только дало средства на изданіе сборника, но и, при

доступной цѣнѣ этого изданія, даетъ ему возможность проникнуть въ болѣе широкіе круги русской читающей публики.

Вл. Б.

В. Е. Романовскій. Очерки изъ исторіи Грузіи. Приложеніе: Развитіе учебнаго дѣла на Кавказѣ и въ бывшемъ царствѣ Грузинскомъ въ XIX вѣкѣ. Тифлисъ. 1902. 8°. II+461+69 стр.

Попытки представить очеркъ исторіи Грузіи усилились въ 1900—1901 гг. по случаю исполнившагося столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи. Нѣсколько запоздавшимъ юбилейнымъ изданіемъ является и книга г. Романовскаго.

Авторъ имѣетъ въ виду въ четырехъ частяхъ:—1) краткій очеркъ исторіи Грузіи до конца XVIII в.; 2) сношенія Грузіи съ Россіей; 3) присоединеніе Грузіи къ Россіи; 4) внутреннее состояніе Грузіи въ концѣ XVIII в.,—дать общее и цѣльное представленіе о судьбахъ этой страны и «о тѣхъ главнѣйшихъ источникахъ и пособіяхъ, къ которымъ можетъ для подробнаго изученія обратиться любознательный читатель». Несомнѣнно, что автору, какъ не владѣющему грузинскимъ языкомъ, трудно было ознакомиться со всѣми историческими источниками. Достоинство его книги, опирающейся на нѣсколько извѣстныхъ ему сочиненій, заключается въ добросовѣстномъ изученіи послѣднихъ, а перѣдко и въ самостоятельной ихъ переработкѣ. Въ зависимости отъ пособій, его изложеніе то суживается, то расширяется: онъ слишкомъ кратокъ при обозрѣніи исторіи Грузіи XIII—XVII вв., но зато вдается въ сравнительно излишнія подробности, касающіяся сношеній Грузіи съ Россіей.

Не достаточно критически отнесся онъ къ начальной исторіи Грузіи, перепуталъ имена (сына Вахтанга, строителя Тифлиса, называетъ Дарчиломъ, вмѣсто Дачи), распространеніе ислама въ Мингреліи относитъ къ VI в., въ то время какъ проповѣдь Магомета относится лишь къ VII в. Несмотря на эти погрѣшности, книга г. Романовскаго удовлетворяетъ намѣченной имъ цѣли. Въ приложеніи же къ книгѣ «Развитіе учебнаго дѣла на Кавказѣ въ XIX в.» онъ даетъ любопытный обзоръ школьнаго вопроса за минувшее столѣтіе.

А. Хахановъ.

Графиня П. С. Уварова (составила). **Museum Caucasicum. Коллекціи Кавказскаго Музея,** обработанныя совмѣстно съ учеными спеціалистами и изданныя *Д-мъ Г. И. Радде*. Томъ V. Археологія. Тифлисъ, 1902.

Предсѣдатель Императорскаго Московскаго археологическаго общества, графиня П. С. Уварова уже не въ первый разъ даритъ ученый міръ своими цѣнными трудами по кавказской археологіи. Такъ, три года тому назадъ изъ-подъ ея пера появилась, какъ VIII-й томъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», капитальная, богато иллюстрированная работа, посвященная *Могильникамъ сѣвернаго Кавказа* (М. 1900 г.).

Недавно вышедшее въ свѣтъ описаніе археологическаго отдѣла Кав-

казскаго музея въ Тифлисѣ, представляетъ собою обстоятельный научный инвентарь хранящейся въ немъ коллекціи древностей [1]). Эти древности названнаго музея распредѣлены въ шести его залахъ, главнымъ образомъ, по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ. Такъ, залъ II-й заключаетъ находки изъ бассейна рѣкъ Куры и Аракса, III-й—изъ бассейна р. Ріона, IV-й—изъ области рѣки Терека и изъ Дагестана. Залъ I-й общаго характера: онъ отведенъ надписямъ, надгробнымъ камнямъ, клинообразнымъ надписямъ, моделямъ, орнаментамъ въ гипсовыхъ слѣпкахъ, майоликамъ, фотографическимъ снимкамъ древностей, церквей и т. д.; что же касается зала VI-го, то онъ заключаетъ нумизматическую коллекцію.

При составленіи описанія древностей музея, гр. П. С. Уварова нашла необходимымъ соединить вмѣстѣ однородные предметы, происходящіе изъ мѣстностей разныхъ рѣчныхъ системъ. Наиболѣе крупными подраздѣленіями даннаго описанія, иллюстрированнаго 18 фототипич. таблицами и 22 рисунками въ текстѣ, являются: Сѣверный Кавказъ (Осетія-Тагаурія, Дигорія), Закавказье, Сѣверный Кавказъ (Ставропольская губ.), Дагестанъ, памятники историческіе и христіанскіе. Къ этимъ отдѣламъ примыкаютъ еще слѣдующіе: Пантикапея, Нумизматика и Фотографіи. Къ каждому изъ отдѣловъ съ его подраздѣленіями предпосланы предварительныя свѣдѣнія какъ о самомъ мѣстѣ нахожденія тѣхъ или другихъ предметовъ, такъ и о производившихся развѣдкахъ (съ присоединеніемъ надлежащихъ библіографическихъ указаній).

Въ видѣ prolegomena къ самому описанію коллекцій музея, графиня П. С. Уварова предпослала очеркъ, посвященный выясненію научнаго интереса, представляемаго изученіемъ Кавказа, и обзору какъ русской, такъ и иностранной литературы по кавказовѣдѣнію. Съ особеннымъ интересомъ будетъ прочтено то мѣсто предисловія, гдѣ графиня Уварова говоритъ о *Запискѣ о необходимости учрежденія въ Россіи Азіатской Академіи*, представленной въ 1810 году С. С. Уваровымъ Императору Александру I, которая положила «начало правильной постановки у насъ вопроса объ изученіи Востока и его преддверья—Кавказа».

Мы не сомнѣваемся, что всѣ, кому придется изучать археологическія коллекціи Кавказскаго музея, найдутъ въ трудѣ графини Уваровой необходимое и весьма цѣнное для себя подспорье. Этотъ трудъ является лишь новымъ доказательствомъ не только прекраснаго знанія авторомъ кавказской археологіи, но и горячаго интереса къ ея изученію.

Л. М.

---

[1]) На ряду съ русскимъ текстомъ помѣщенъ и нѣмецкій его переводъ, сдѣланный (нынѣ покойнымъ) директоромъ Кавказскаго Музея Г. Радде. (Для полноты приводимъ и нѣмецкое заглавіе изданія: Die Sammlungen des Kaukasischen Museums im Vereine mit Special-Gelehrten bearbeitet und herausgegeben von Dr. Gustav Radde. Band V. Archaeologie bearbeitet. von Gräfin P. S. Uwarow. Tiflis, 1902).

Н. А. Заозерскій и А. С. Хахановъ. Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ: грузинской, греческой и славянской. Съ предисловіями издателей. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1902 г.

Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ дѣлаетъ новую и великую услугу отечественной наукѣ изданіемъ малоизвѣстныхъ доселѣ или совершенно неизвѣстныхъ памятниковъ грузинскаго церковнаго права. Первою такого рода попыткой является книга, заглавіе которой мы только что выписали. Номоканонъ Іоанна Постника, переведенный на грузинскій языкъ въ X в. и болѣе полвѣка интересовавшій науку церковнаго права, нынѣ, благодаря прекрасному переводу А. С. Хаханова, сдѣлался общимъ достояніемъ русской науки. Интересъ къ переведенному грузинскому Номоканону тѣмъ болѣе великъ, что переводъ сдѣланъ съ такого греческаго списка, котораго до насъ не дошло, и даетъ намъ возможность опредѣлить, каковъ былъ составъ въ X в. исповѣднаго и покаяннаго устава въ восточной церкви. Изданная г. Хахановымъ редакція грузинскаго Номоканона св. Евѳимія Святогорца состоитъ изъ двухъ частей: 1) такъ наз. канонарія и 2) запрещеній или епитимій св. Іоанна Постника—Патріарха. Ближе всего къ грузинскому канонарію подходитъ канонарій, изданный Мориномъ въ 1651 г. въ его сочиненіи Commentarius historicus de disciplina in administratione sacramenti poenitentia и нынѣ переизданный проф. Заозерскимъ. Что же касается запрещеній Іоанна Постника, составляющихъ вторую часть грузинскаго Номоканона св. Евѳимія, то наиболѣе подходящимъ, хотя и съ большими отступленіями, является греческій текстъ, изданный Питрою въ 1858 г. въ IV томѣ Specilegium Solesmense. Привѣтствуя переводъ грузинскаго номоканона на русскій языкъ, мы смѣемъ думать, что на этомъ не остановятся переводы на русскій языкъ другихъ памятниковъ грузинскаго церковнаго права, въ которыхъ мы надѣемся увидѣть болѣе ясно нѣкоторыя отличительныя черты грузинской церкви, любопытныя и для этнографа.

П. Гидуляновъ.

Карлъ фонъ-Дитмаръ: Поѣздки и пребываніе въ Камчаткѣ въ 1851—55 гг. Ч. I. Историческій отчетъ по путевымъ дневникамъ. СПб. 1901.

Записки, легшія въ основаніе настоящей книги, были составлены полстолѣтія тому назадъ. Тѣмъ не менѣе авторъ, основываясь на томъ, что со временъ Крашенинникова и Стеллера (1740) не было сдѣлано подробнаго описанія Камчатки, а за послѣднее время интересъ къ ней значительно ослабъ, рѣшился обнародовать свои путевые дневники. Академія Наукъ, исходя, очевидно, изъ тѣхъ же соображеній, взяла на себя ихъ изданіе. Цѣлью автора, командированнаго въ Камчатку въ 1850 г., было изслѣдованіе полуострова въ географическомъ и преимущественно въ геологическомъ отношеніяхъ. Его книга полна интереса

для географа и геолога, которые найдуть въ ней цѣнныя указанія. Мало удовлетвореннымъ ею остается этнографъ, которому даетъ такія неоцѣненныя данныя трудъ Ст. Крашенинникова. Конечно, нельзя ставить этого въ вину фонъ-Дитмару, преслѣдовавшему въ своемъ научномъ, сопряженномъ съ большими трудностями, путешествіи другія цѣли. Имъ, между прочимъ, былъ уже сдѣланъ значительный вкладъ въ этнографію Камчатки: Ueber die Koriaken u. die ihnen sehr nahe verwandten Tshuktschen mit einer ethnographischen Karte Kamtschatka's, статья, помѣщенная въ Изв. Имп. Ак. Наукъ за 1855 г. Но и въ изданныхъ теперь путевыхъ запискахъ фонъ-Дитмаръ заносилъ каждую встрѣчу съ инородцами и русскимъ населеніемъ Камчатки, описывалъ кратко ихъ жилища, одежду, пищу, способы ловли звѣря, рыбы, и т. д. Подобныя мелкія этнографическія замѣтки разсыпаны по всей книгѣ. Иногда онѣ пріобрѣтаютъ особенный интересъ черезъ сопоставленіе съ данными другихъ авторовъ. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя свѣдѣнія о вѣрованіяхъ камчадаловъ. У Крашенинникова находимъ свѣдѣнія о божественномъ родоначальникѣ камчадаловъ — Кутхѣ, который, подобно миѳическимъ родоначальникамъ другихъ народовъ, является отчасти въ роли культурнаго героя (эту послѣднюю роль въ преданіяхъ камчадаловъ играетъ преимущественно сынъ небожителя Кутхи—Тыжилъ-Кутха, которому отецъ опредѣлилъ жить и размножаться на землѣ). У фонъ-Дитмара находимъ краткое указаніе, что Кутхѣ, главному божеству камчадалъ, «до сихъ поръ» посвященъ воронъ. Исходя изъ аналогій съ извѣстнымъ Элемъ-ворономъ, культурнымъ героемъ и родоначальникомъ тлинкитовъ, съ ворономъ, какъ символомъ чукотскаго бога творца Тэнантумhина (Жив. ст. 1899 IV, 361) и др., можно предположить, что миѳическій родоначальникъ камчадаловъ Кутха носилъ раньше ясно опредѣленныя зооморфныя черты. Извѣстно, какое значеніе имѣютъ очень часто въ миѳологіи звѣри и птицы, связанные въ народномъ представленіи съ тѣмъ или другимъ божествомъ. Празднества, религіозныя пляски и пантомимы имѣютъ огромное значеніе для опредѣленія религіозныхъ воззрѣній даннаго народа. У Крашенинникова находимъ подробное описаніе ежегоднаго празднества камчадаловъ. Отдѣльными эпизодами его являются мимическія представленія, которыя Крашенинниковъ довольно удачно назвалъ «китовымъ и волчьимъ дѣйствіями» и которыя оба заканчиваются умерщвленіемъ и ритуальнымъ съѣденіемъ разорванныхъ на куски чучелъ кита и волка (сдѣланныхъ изъ мяса, жира и травы). Небезынтересно отмѣтить, что нѣкоторые участники «китоваго дѣйствія» изображаютъ при этомъ вороновъ (стр. 91—92), что можетъ указывать на сознаніе какой-то связи между представителями этого царства пернатыхъ и камчадалами, подобно тому, какъ сознаніе такой связи съ зооморфнымъ предкомъ рода - племени сказывается въ мимическихъ представленіяхъ нѣкоторыхъ дикихъ народовъ. У Крашенинникова (стр. 73, 75, 76) есть свѣдѣнія о Пилячучѣ, духѣ, повелѣвающемъ громомъ, молніей и дождемъ (Стеллеръ, говоритъ Крашенинниковъ, называетъ его Билюкаемъ). Пилячучь—духъ небольшого роста, живетъ на

облакахъ съ многими горными духами, камулами; радуга есть подзоръ его одежды, сшитой изъ россомашьяго мѣха, который «у камчадаловъ весьма высоко почитается». Ему подчинены всѣ животныя, пастухомъ надъ которыми его поставилъ ихъ творецъ Тыжилъ-Кутха. Онъ въ вихрѣ уноситъ иногда дѣтей камчадаловъ и заставляетъ ихъ служить себѣ. Иногда онъ спускается съ облаковъ на горы, ѣздитъ въ саняхъ, запряженныхъ птицами, особенно часто куропатками, «и бываетъ причиной великаго счастія тому, кто слѣдъ его увидитъ». Столѣтіе спустя послѣ путешествія Крашенинникова, фонъ-Дитмаръ нашелъ вѣрованье въ Пиллячуча сильно измѣненнымъ (б. м. запись сдѣлана въ иной мѣстности, чѣмъ дѣлалъ свои наблюденія Крашенинниковъ). Фонъ-Дитмаръ отмѣтилъ вѣрованье камчадаловъ въ духовъ карликовъ *пихлачи*. Они живутъ въ лѣсахъ и на низкихъ горахъ, и «зиму и лѣто разъѣзжаютъ по странѣ въ очень маленькихъ санкахъ, запряженныхъ тетеревами, и постоянно копятъ богатѣйшіе запасы самыхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ». Если замѣтить слѣдъ карлика, его легко обобрать. «Стоитъ только положить облупленную ивовую жердь поперекъ слѣда. Санки разобьются о препятствіе, карликъ же самъ не въ состояніи исправить ихъ и непремѣнно нуждается для этого въ помощи человѣка». За то, чтобы человѣкъ его выручилъ изъ бѣды, пихлачи готовъ отдать ему все, чего онъ ни попроситъ, и дешево продать свою услугу не совѣтуютъ камчадалы (стр. 353—354). Горные духи и во времена фонъ-Дитмара охраняли горы и огнедышащія сопки, такъ что всходить на нихъ, какъ и при Крашенинниковѣ, боялись камчадалы. А страшное божество грома, непогоды и вихря, хранитель звѣрей, Пилячуча спустился съ облачныхъ высотъ на низкія горы и въ лѣса долинъ, и на мѣсто его всталъ уже рядъ духовъ-карликовъ, лишь при особыхъ условіяхъ (если послѣдовать его приглашеніе и пойти за нимъ) могущихъ повредить человѣку и которыхъ можно обмануть самой заурядной хитростью.

В. Х—на.

В. В. Кирьяковъ. Очерки по исторіи переселенческаго движенія въ Сибирь. М. 1892 (376+VI).

Четыре очерка, изъ которыхъ состоитъ книга г. Кирьякова, имѣютъ въ виду познакомить читателей съ заселеніемъ Сибири отъ покоренія Сибирскаго царства до начала XIX вѣка, съ заселеніемъ Сибири съ начала XIX вѣка по 1861 г., съ заселеніемъ нашей окраины въ пореформенный періодъ нашей исторіи (по 1890 г. включительно) и, наконецъ, съ хозяйственнымъ бытомъ сибирскихъ переселенцевъ и вообще культурными условіями жизни сибирскаго населенія въ этотъ періодъ.

Хотя авторъ и оговаривается, что не имѣетъ цѣлью дать полную исторію какъ заселенія Сибири, такъ и крестьянскихъ переселеній въ нее, ограничивая свою задачу лишь обрисовкой главныхъ моментовъ этой двойной исторіи, тѣмъ не менѣе, даже въ предѣлахъ поставленной цѣли, на 236 страницахъ можно было только въ самыхъ общихъ чертахъ коснуться намѣченныхъ вопросовъ. Мудрено, въ самомъ дѣлѣ, на

22 страницахъ сколько-нибудь серьезно изложить процессъ разложенія крестьянскаго хозяйства въ предѣлахъ всей Европейской Россіи. А вѣдь это—отправной пунктъ въ вопросѣ о переселеніи въ Сибирь. Въ результатѣ — первые три очерка г. Кирьякова не что иное, какъ весьма поверхностная компиляція, сбивающаяся къ тому же мѣстами на легкую газетную статью. Что касается IV очерка, то здѣсь г. Кирьяковъ, наряду съ характеристикой сибирскаго землевладѣнія и землепользованія, имѣлъ въ виду познакомить читателя и съ этнографическимъ типомъ сибиряка, и съ ссыльной колонизаціей, и съ положеніемъ администраціи въ Сибири, и съ положеніемъ народнаго образованія, и врачебно-санитарнымъ дѣломъ. И здѣсь, въ концѣ концовъ, получилась та же поверхностная компиляція, что и въ первыхъ трехъ очеркахъ. Отдѣльныя части этой компиляціи носятъ, къ тому же, случайный характеръ, въ зависимости отъ случайнаго, очень часто газетнаго, матеріала, которымъ располагалъ авторъ. Въ этомъ отношеніи особенно слабы страницы, посвященныя современному положенію инородцевъ и вопросу объ участіи сибирскаго общества въ дѣлѣ содѣйствія народному образованію. Что касается характеристики сибиряка, то она сдѣлана подъ очевиднымъ и сильнымъ вліяніемъ очерковъ покойнаго Н. М. Астырева «На таежныхъ прогалинахъ». Односторонность характеристики Астырева въ свое время была указана сибирской печатью.

Авторъ въ большинствѣ случаевъ не дѣлаетъ ссылокъ на источники въ текстѣ, помѣстивъ въ предисловіи списокъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался. Къ удивленію, мы не нашли въ этомъ спискѣ, а также и въ текстѣ книги, указаній на такой капитальный трудъ, какъ «Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта, сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній».

Въ заключеніе отмѣтимъ, что по своимъ взглядамъ на прошлое и настоящее переселенческаго дѣла и на основные вопросы сибирской жизни авторъ примыкаетъ къ лучшимъ изслѣдователямъ нашей окраины. Жаль только, что въ его книгѣ эти взгляды мотивированы такъ поверхностно и зачастую на основаніи слишкомъ случайнаго матеріала.

Н. М-нъ.

К. Е. Бранденбургъ: Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллерійскому Музею. I. Отдѣлъ доисторическій. СПб., 1902.

Польза толковыхъ и пространныхъ каталоговъ музеевъ и путеводителей, снабженныхъ объяснительнымъ текстомъ, давно признана за границей, гдѣ подобныя изданія выпускаются за послѣднее время все чаще и чаще.

Примѣромъ, достойнымъ подражанія, является путеводитель по берлинскому этнографическому музею—Führer durch das Museum für Völkerkunde. Въ этой «карманной» прекрасно изданной книжкѣ въ 200 слишкомъ страницъ не только отмѣчены выставленные предметы по №№, иногда съ интересными объясненіями, но еще какъ бы предисловіемъ

къ каждому новому отдѣлу служитъ небольшой пояснительный текстъ, въ которомъ въ чрезвычайно сжатой формѣ даны весьма существенныя свѣдѣнія о странѣ, племенахъ, ее населяющихъ, ихъ бытѣ, религіозныхъ воззрѣніяхъ и т. п; есть указанія и на литературу. Такой путеводитель не только служитъ популяризаціей науки среди широкихъ круговъ музейскихъ посѣтителей, не только способствуетъ вполнѣ сознательному осмотру коллекцій, но можетъ даже при случаѣ служить очень полезнымъ справочникомъ. Весьма цѣлесообразно составленъ и каталогъ небольшого берлинскаго музея колоній — Deutsches Kolonial-Museum, который, между прочимъ, представляетъ большой интересъ для этнографа. Введеніе въ каждый новый отдѣлъ составляютъ свѣдѣнія о величинѣ данной области, захваченной Германіей, составѣ и численности ея населенія, строеніи, почвѣ, орошеніи, климатѣ, управленіи, военныхъ поселеніяхъ нѣмецкихъ войскъ, поддерживающихъ порядокъ въ колоніи, вооруженной силѣ, численности войскъ, также данныя о торговлѣ, ввозѣ и вывозѣ и пр. Указаны также года пріобрѣтенія Германіей отдѣльныхъ колоній, успѣхи отдѣльныхъ миссіонерскихъ обществъ. Этнографическія коллекціи кратко пояснены. Путеводитель иллюстрированъ. Менѣе удачно составленъ Allgemeiner Führer durch das K. K. naturhistorische Hofmuzeum въ Вѣнѣ. Музей пріютилъ и богатыя коллекціи этнографическія. Къ нѣкоторымъ изъ выставленныхъ предметовъ сдѣланы обстоятельныя поясненія; кромѣ того, книжка, тоже «карманная», снабжена хорошими иллюстраціями. Въ каталогѣ небольшого сравнительно музея — Museum für oesterreichische Volkskunde въ Вѣнѣ можно найти цѣнныя библіографическія указанія и интересныя мелкія этнографическія замѣтки. Въ каталогахъ и путеводителяхъ къ различнымъ музеямъ Россіи нерѣдко встрѣчаются пояснительныя, очень интересныя, примѣчанія и текстъ, которые, конечно, съ благодарностью цѣнятся посѣтителями.

Въ путеводителѣ къ доисторическому отдѣлу С.-Петербургскаго Артиллерійскаго музея посѣтителю, мало знакомому съ археологіей, будетъ, безъ сомнѣнія, очень полезно прочесть текстъ, предшествующій различнымъ отдѣленіямъ этого отдѣла музея. К. Е. Бранденбургъ въ сжатомъ изложеніи знакомитъ читателя и съ вѣкомъ каменнымъ, и вѣкомъ бронзовымъ и желѣзнымъ, съ древностями скиѳо-сарматскими и славянскими. Интересно также подробное описаніе нѣкоторыхъ экспозитовъ. Артиллерійскій музей преслѣдуетъ спеціальную, очень интересную для историка культуры цѣль: представить наглядно исторію вооруженія. Въ него войдутъ, очевидно, и этнографическіе предметы, иллюстрирующіе типы вооруженія, иногда довольно сложные, первобытныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ имѣть интересъ спеціальный и для этнографа. Надо пожелать, чтобы путеводители и по другимъ отдѣламъ музея составлялись по той же программѣ: облегчить среднему посѣтителю правильное пониманіе коллекцій и распространить среди публики, посѣщающей музей, знакомство съ элементарными хотя бы, но точными свѣдѣніями по археологіи, этнографіи, исторіи.

В. Х—на.

Труды Пермской Ученой Архивной Комиссіи. *Выпускъ IV.* Пермь, 1901 г.

Мѣстныя Архивныя Комиссіи, разрабатывая преимущественно вопросы, касающіеся исторіи ихъ края, нерѣдко оказываютъ существенную пользу и этнографіи. Вотъ почему труды, издаваемые областными учеными Архивными Комиссіями, всегда будутъ пользоваться вниманіемъ этнографа. «Чѣмъ шире кругъ наблюденія, повторимъ мы за составителемъ одного очерка въ настоящемъ выпускѣ Трудовъ Перм. Уч. Ар. Ком., чѣмъ больше фактовъ, служащихъ основаніемъ для заключеній; тѣмъ болѣе надежными бываютъ самыя заключенія». Статья редактора IV-го вып. А. А. Дмитріева знакомитъ читателя, на основаніи архивныхъ данныхъ, со «Слѣдами русскихъ поселеній въ Перми Великой до появленія Строгановыхъ». Интересенъ очеркъ Н. Н. Новикова: «Роль Пермской Семинаріи въ изученіи прошлаго Пермскаго края». Изъ него мы узнаемъ о трудахъ преподавателей и бывшихъ воспитанниковъ семинаріи. Эти труды направлены были преимущественно на изученіе раскола въ различныхъ проявленіяхъ его въ Пермской епархіи. Такъ, арх. Палладіемъ было выпущено обстоятельное сочиненіе (подъ иниціалами: А. П.): «Обозрѣніе Пермскаго раскола». Статьи о расколѣ помѣщались и въ Перм. Епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Въ этомъ же повременномъ изданіи появилась статья о. Луканина: «Историческое и этнографическое описаніе Березовскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда». О Пыскорскихъ древностяхъ писалъ въ Вѣдомостяхъ М. И. Капустинъ. Статьи о древнихъ городахъ Искорѣ и Покчѣ помѣщены въ «Памятной книжкѣ Пермской губер.». Можно только присоединиться къ пожеланію Н. Н. Новикова, чтобы ревностная работа Пермской семинаріи, затрогивавшая до сихъ поръ одну лишь церковную жизнь края, обратилась на изслѣдованіе и другихъ сторонъ древней общественной и частной жизни.—Статья Н. Н. Новокрещенныхъ: «Археологическія изслѣдованія въ западной части Пермской губ.» представляетъ содержательный дневникъ его археологическихъ поѣздокъ.—М. И. Капустинъ въ замѣткѣ: «Лубочная картинка начала XIX-го столѣтія» описалъ подробно одну лубочную картинку, имѣвшуюся въ его семьѣ: «Разговоръ между профессоромъ и крестьяниномъ», въ которомъ самое интересное дословная передача текста надписи. Такъ какъ «человѣкъ украшаетъ свое жилище лишь тѣмъ, что ему по вкусу», справедливо пишетъ М. И. Капустинъ, «изученіе мѣстныхъ лубочныхъ картинокъ могло бы послужить къ выясненію умственнаго развитія и развитія вкуса въ той или другой средѣ того или другого времени». Дѣйствительно, на описаніе лубочныхъ картинъ, встрѣчающихся въ данной мѣстности, еще мало обращено вниманія. Интересъ представляетъ, конечно, и возникновеніе новыхъ народныхъ картинокъ, напр., посвященныхъ различнымъ историческимъ событіямъ, и распространеніе ихъ въ народѣ. Извѣстно, напримѣръ, что на московскомъ рынкѣ появилось за послѣдніе года значительное количество картинокъ изъ англо-бурской и послѣдней китайской войны. Подписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ доказываютъ, что вирши, писанныя раешнымъ стилемъ, продолжаютъ

процвѣтать на картинкахъ, издаваемыхъ улучшеннымъ способомъ и не страдающихъ прежней наивностью рисунка.

В. Х—на.

Памятная Книжка Вятской губ. и Календарь *на 1903 г.* Годъ XXIV. Вятка. Изд. Губернскаго Статистическаго Комитета. 1902.

Въ этомъ оффиціальномъ изданіи, удѣляющемъ всегда мѣсто и этнографическому изслѣдованію края, находимъ за настоящій годъ очень интересный матеріалъ, собранный Д. К. Зеленинымъ: Пѣсни деревенской молодежи, записанныя въ Вятской губ. Это все такъ называемыя частушки (всего 505 №№)—тѣ бойкія, преимущественно четверостишья, которыя все больше и больше входятъ въ моду среди деревенской молодежи многихъ губерній, возникаютъ неудержимо и во множествѣ, какъ плодъ индивидуальнаго творчества, въ сельскомъ населеніи и сильнымъ напоромъ вытѣсняютъ старинныя пѣсни, въ точности передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе. Д. К. Зеленинъ отмѣчаетъ, какъ несправедливо относились къ новому типу пѣсенъ многіе этнографы-собиратели, которые, рядомъ съ высоко-поэтической старинной пѣснью, не хотѣли дать мѣсто въ своихъ сборникахъ частушкамъ, заклеймленнымъ названіямъ фабричныхъ пѣсенъ. Нельзя, однако, презрительно относиться къ этой новой формѣ народнаго творчества. Статья Зеленина, который уже защищалъ частушку въ своей брошюрѣ: «Новыя вѣянія въ народной поэзіи». (М. 1901 г.), и собранныя имъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Вятской губ. пѣсни представляютъ очень большой интересъ. Собранныя частушки распредѣлены собирателемъ по группамъ, характеризующимъ отдѣльныя черты народнаго быта, напр., I. Кого любить? III. Игранье (ухаживанье молодежи). IV. Гулянья. V. Подруги, товарищи, общество. VIII. Столкновеніе съ родителями по вопросу о бракѣ. X. Солдатство. XII. Присуха. XIII. Новая, городская культура. XIV. Костюмъ и т. д.—Въ этой же книжкѣ помѣщено продолженіе двухъ статей: Васнецова, Матеріалы для объяснительнаго областного словаря вятскаго говора, и В. Ф. Кудрявцева, Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края.

В. Х—на.

В. Клингеръ. Сказочные мотивы въ Исторіи Геродота. Кіевъ. 1903.

Въ краткомъ предисловіи авторъ, съ скромностью признаваясь въ недостаткахъ своего труда, какъ будто оправдываетъ его появленіе въ свѣтъ тѣмъ, что въ немъ «все-таки собранъ довольно обильный, отчасти неизвѣстный матеріалъ, который въ рукахъ болѣе искусныхъ можетъ оказаться полезнымъ». Одно это соображеніе вполнѣ оправдываетъ изданіе этой книги. Мысль выдѣлить изъ общаго содержанія Геродотовой Исторіи сказочные мотивы, какъ общенародные мотивы преданій и сказокъ, съ одной стороны, какъ прототипы нѣкоторыхъ средневѣковыхъ легендъ и новеллъ, съ другой—нельзя не признать удачной, и за точное выполненіе ея всѣ занимающіеся изученіемъ народнаго твор-

чества будутъ признательны автору. Еще болѣе благодарности заслуживаетъ этотъ трудъ за привлеченія большого матеріала для сравненія съ сказочными мотивами Геродота изъ средневѣковой литературы и народной словесности современныхъ европейскихъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямая преемственность средневѣковыхъ христіанскихъ легендъ отъ античныхъ, вполнѣ убѣдительно доказывается авторомъ, какъ бы оправдывая слѣдующее его положеніе: «итакъ, пресловутая непосредственность и самобытность устнаго безыскусственнаго творчества—въ значительной, по крайней мѣрѣ, степени—оказывается миѳомъ. Выходитъ, что та народная поэзія, въ которой, въ борьбѣ съ отжившимъ неоклассицизмомъ, аппелировалъ романтикъ, сама-то многимъ обязана ненавистнымъ древнимъ. Итакъ, если весь ходъ развитія литературы насъ учитъ тому, что художественная поэзія..., отторженная отъ материнской почвы народнаго творчества, неминуемо становится безжизненна и мертва, то, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что само народное творчество постоянно освѣжается притокомъ новыхъ идей и образовъ изъ области литературы». Изслѣдованіе г. Клингера пріобрѣло бы, на нашъ взглядъ, значительно больше интереса, если бы онъ расширилъ его рамки и привлекъ къ сравненію обширный матеріалъ собранныхъ фольклористами сказокъ и преданій, такъ называемыхъ, дикарей. Это еще болѣе раздвинуло бы его горизонты, которые, по его признанію, такъ расширило сопоставленіе сказаній древняго и новаго культурныхъ міровъ—и, быть-можетъ, еще съ большей ясностью выдѣлила бы и идею вѣчнаго неизмѣннаго тождества человѣческаго духа, глубокаго внутренняго родства древнихъ и новыхъ (прибавимъ отъ себя: всѣхъ) народовъ, придающую абстрактному термину «человѣчество» вполнѣ реальное значеніе великой братской семьи народовъ». Съ интересомъ читается первый параграфъ въ трудѣ г. Клингера: «Исторія изученія сказки», гдѣ на двѣнадцати страницахъ кратко и толково изложены главнѣйшія теоріи происхожденія миѳовъ и сказокъ: взгляды бр. Гриммъ, миѳологическая теорія М. Мюллера, главнѣйшія положенія «антропологической» школы (Тэйлоръ, Маннгардтъ, Гэдозъ, Э. Лангъ), «индійской» школы (Бенфей), наконецъ, взглядъ молодого французскаго ученаго Бедье (Joseph Bédier). Въ концѣ книги приложенъ очень полезный указатель, благодаря которому удобно пользоваться большимъ матеріаломъ, собраннымъ въ трудѣ г. Клингера.

Позволяемъ себѣ сопоставить мнѣніе Клингера объ испытаніи законнаго происхожденія ребенка съ мнѣніемъ Фрэзера, «такъ какъ оба, одинъ цитируя Эліана, другой—Варрона и Плинія, касаются въ своемъ изложеніи одного и того же извѣстія: псиллы (въ Ливіи), чтобы убѣдиться, законный ли родившійся ребенокъ, клали его между змѣями, и если змѣи не трогали младенца или при легкомъ укусѣ не дѣлали ему вреда, вѣрность жены была доказана. Клингеръ (стр. 136) предполагаетъ, что это и ему подобныя «сказанія» возникли на почвѣ сказочнаго мотива объ испытаніи вѣрности жены, тѣмъ или инымъ чудеснымъ способомъ (у Геродота—сказаніе объ исцѣленіи Ферoса). Фрэзеръ (Totemism, стр. 20 и слѣд.) видитъ въ переданномъ классическими писате-

лями извѣстіи дѣйствительный фактъ, относящійся къ разряду тотемическихъ ордалій, въ которыхъ высшимъ судьей является тотемическое животное, въ данномъ случаѣ—змѣя. При этомъ Фрэзеръ приводитъ нѣсколько аналогичныхъ фактовъ, гдѣ принадлежность къ данной группѣ, роду, племени испытуется подобными тотемическими ордаліями. Для лицъ, изучающихъ тотемическія воззрѣнія, интересъ представитъ § 4 книги Клингера, гдѣ по поводу преданія о вскормленіи Кира собакой (Кино, впослѣдствіи обратившійся, въ преданіи, въ женщину этого имени) имъ собранъ большой матеріалъ о чудесномъ вскормленіи животными героевъ сказокъ и преданій. Не во всѣхъ, конечно, случаяхъ этотъ мотивъ указываетъ на тотемическія воззрѣнія; но когда подобное преданіе пріурочивается къ герою-родоначальнику, въ немъ можно видѣть иногда болѣе или менѣе ясно тотемическія черты. Преданіямъ нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ не чуждъ этотъ мотивъ. Укажемъ для примѣра на сказаніе бурятъ о двухъ родоначальникахъ, вскормленныхъ свиньей (Потанинъ, Греческій эпосъ и ордынскій фолькъ-лоръ. Э. О. XXI).

Пользуемся также случаемъ, чтобы привести одну параллель къ чудесному избавленію Аріона дельфинами. Въ «житіи пр. Василія Новаго, списанномъ Григоріемъ, ученикомъ его», попавшимъ въ наши Четь-Минеи, встрѣчается слѣдующій эпизодъ. Мучитель Самонъ, истощивъ надъ святымъ всевозможныя пытки, послѣ которыхъ, однако, святой остается невредимымъ, велитъ его, наконецъ, бросить въ море. «Слуги убо,—читается въ мартовскихъ Четьяхъ-Минеяхъ,—поемше мученика въ третію стражу нощи, везоша кораблецемъ на море и въ пучину связана ввергше, возвратишася. Повелѣніемъ же Бога, хранящаго святыя своя, абіе два делфіни морстіи, вземше преподобнаго на хребты своя, изнесоша того на брегъ, глаголемы Еудомы, бѣ же то седмое преградіе Константінопольское, и тамо его на сӯсѣ посадиша». Въ этомъ сказаніи, на которое, быть-можетъ, сильно повліяло классическое преданіе, дельфины, занимавшіе фантазію различныхъ, не только европейскихъ народовъ, являются, какъ и въ пересказѣ Геродота, чудесными орудіями Промысла, защищающаго невиннаго.

Приведемъ также одну параллель къ столь широко распространенному сказанію о Рамсинитѣ, или ловкомъ ворѣ царской казны, записанную нами въ Пудожскомъ у. Олонецкой губ. Жили-были два вора и ходили они къ царю въ банку воровать. Такъ одного царь поймалъ и въ тюрьму посадилъ, да глаза ему и выкололъ. Другого сталъ ловить. Вотъ сдѣлалъ царь балъ и разбросалъ золотые по полу. Кто, значитъ, подыметъ, тотъ воръ и есть. А воръ молодой намазалъ на подошвы смолу, да и ходитъ по золотымъ. Они и прилипнутъ къ нему. Выйдетъ, почиститъ и опять пойдетъ. Такъ и не могъ царь его поймать. Приходитъ царь въ тюрьму. «Не поймалъ его», говоритъ. «Далеко тебѣ, царь, того вора поймать. А ты возьми козла, облѣпи его золотомъ и поставь на ярмаркѣ. Кто возьметъ козла, тотъ и воръ». Поставили козла, а козла-то и нѣтъ. Приходитъ царь въ тюрьму. «Украли козла». «Ну, теперь, разошли слугъ по всѣмъ домамъ смотрѣть, гдѣ царскій козелъ ва-

рится». Они, значитъ, и знали, который царскій козелъ. Пошли они, нашли козла, и написали они на воротахъ: «Въ этомъ домѣ царскій козелъ варится». А онъ вышелъ, увидалъ, да и пошелъ, написалъ надъ всѣми домами: «Въ этомъ домѣ царскій козелъ варится». Какъ пошли на слѣдующій день, на всѣхъ домахъ написано: «Въ этомъ домѣ...» и т. д., «Въ этомъ домѣ...» и т. д. Опять не поймали вора. Приходитъ опять царь въ тюрьму. (Повторяется тотъ же разговоръ). «А теперь ты сдѣлай балъ, и мостъ сдѣлай такой, чтобы какъ сталъ воръ на него и упалъ бы въ подполье». Сдѣлалъ царь балъ и мостъ такой худой сдѣлалъ. Пошелъ по немъ воръ и упалъ въ подполье. Что тутъ дѣлать? А онъ какъ зарычитъ: «Пожаръ, пожаръ!» Всѣ и бросились бѣжать, да и упали всѣ въ подполье. Опять не поймали вора. Приходитъ царь къ тому вору въ тюрьму. «Не могу, говоритъ, поймать». «Далеко тебѣ того вора поймать. А ты, вотъ, что сдѣлай. Положь въ банкѣ своемъ бочку со смолой. Какъ пойдетъ онъ воровать, такъ и падетъ туда». А ихъ двое ходило воровать: дядя и племянникъ. Онъ дядю и пустилъ впередъ. Тотъ и палъ въ бочку. Онъ тутъ голову ему снялъ, взялъ съ собой, да и ушелъ домой. Говоритъ старухѣ дядиной: «Такъ-то и такъ, дядю-то я порѣшилъ. А какъ тебѣ захочется поплакать по немъ, такъ завтра его по городу повезутъ. Ты возьми бутыль съ молокомъ, да поди. Какъ повезутъ его, ты опружь молоко и поплачешь. Спрашивать станутъ: зачѣмъ плачешь? Скажи, что куфаркой живешь у строгаго барина, такъ опружила молоко и боишься. Такъ она и сдѣлала. Опружила молоко и поплакала надъ нимъ. Ну, царь говоритъ: «Кто воръ, за того дочку свою отдамъ. Не будетъ онъ у меня въ банкѣ воровать». Ну, онъ самъ и объявился. Тутъ онъ за него и отдалъ дочь. Не сталъ онъ въ банкѣ воровать.—Въ этой нѣсколько попорченной версіи слѣдуетъ, повидимому, отличать отъ старшаго изъ двухъ воровъ, дяди, вора, сидящаго въ тюрьмѣ. И въ многочисленныхъ другихъ варіантахъ, какъ показано у г. Клингера, царь для поимки воровъ обращается за помощью къ третьему опытному вору, который и даетъ ему очень умные совѣты, но не достигающіе цѣли вслѣдствіе необычайной изворотливости младшаго вора.

В. Х—на.

Д. Бантышъ-Каменскій: Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Въ 3-хъ частяхъ. Съ 19 портретами, 5 рисунк., 26 раскрашенными изображеніями малороссіянъ и малороссіянокъ въ старинныхъ одеждахъ, планомъ, снимками и картою. Изданіе 4-е. Южно-Русскаго книгоиздательства Ф. А. Іогансонъ. Спб.—Кіевъ—Харьковъ. 1903. 8°. IX+609 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Нѣкоторые старые труды, сдѣлавшіеся библіографическою рѣдкостью, не утрачиваютъ, тѣмъ не менѣе, живого интереса въ новѣйшее время, хотя на ряду съ ними по тѣмъ же вопросамъ написано и напечатано не мало новаго. Знаменитый трудъ Бантышъ-Каменскаго принадлежитъ къ разряду такихъ же интересныхъ старыхъ изслѣдованій по Малороссіи.

Для этнографовъ напомнимъ, что въ этомъ трудѣ заключаются не

только историческія свѣдѣнія, но и чисто-этнографическія. Не говоря уже объ экскурсахъ въ область древней этнографіи Малороссіи (т. I, гл. 1), о разныхъ народныхъ движеніяхъ, укажемъ на нѣкоторые другіе вопросы: одежда татаръ и пища ихъ (ч. I, гл. 19), о запорожцахъ и ихъ Сѣчи (ч. II, гл. 25), духовныя драмы (ч. II, гл. 31), положеніе Малороссіи во время гетманства графа Разумовскаго (скотоводство, торговля, характеръ малороссіянъ, старинные обычаи, одежда, чины малороссійскіе, языкъ и т. д.) (ч. III, гл. 46).

Укажемъ также на цѣнныя примѣчанія (495—609), и названныя въ заголовкѣ приложенія (въ томъ числѣ 26 номеровъ костюмовъ).

Все это позволяетъ рекомендовать разсматриваемый трудъ, какъ полезное и для нашего времени изданіе.

Вл. Б.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Амурскій Край. 1903. Приамурскій Край: изъ „Вѣстника казачьихъ войскъ“ по помѣщенному тамъ „Статистическому обзору современнаго положенія казачьихъ войскъ“ приведены общія свѣдѣнія. Среди другихъ казачьихъ войскъ амурское занимаетъ 6-е мѣсто по владѣемой территоріи земли; по населенію— 10-е (22479 об. п.); наиболѣе распространеннымъ промысломъ въ Ам. казач войскѣ является земледѣліе, но оно занимаетъ все-таки 10-е мѣсто; рыбный промыселъ развитъ болѣе, чѣмъ въ другихъ войскахъ (3-е мѣсто); по скотоводству ему принадлежитъ 10-е мѣсто. Грамотность (1 учащійся на 120 душъ об. п.) развито сильнѣе, чѣмъ въ другихъ казачьихъ войскахъ (3-е мѣсто).— **23** и **24**. Областныя дѣла. Крестьяне нѣкоторыхъ селъ составили приговоры о переходѣ къ надворному владѣнію. При этомъ выяснилось, что послѣднее они понимали, какъ передѣлы на длинные сроки, послѣ которыхъ возможны новые передѣлы. Богатые, захватившіе раньше сотни десятинъ, теперь неохотно уступаютъ землю, а бѣднотѣ дѣлается тѣсно. — **25**. Внутреннія извѣстія: приведенъ уставъ „Общества Востоковѣдѣнія“ (въ С.-Петербургѣ)—**29** и **37**. *Семаври, В.* Очерки корейскаго быта. Данъ очеркъ корейцевъ въ русскихъ городахъ и на родинѣ, ихъ фанзъ, костюма и т. д. — **36**. Экспедиція въ Монголію (?) Д-ръ Г. І. Рамстедтъ (монголистъ) ѣдетъ къ прикаспійскимъ калмыкамъ.

Астраханскій Листокъ. 1903. 29. Астраханское казачье скотоводство. Приведена статистическая таблица на 11 лѣтъ, 1891—1901, (въ очеркѣ ошибочно они считаются за десятилѣтіе). Скотоводство падаетъ. Взгляды на причины этого явленія не установились. — **41**. О передачѣ управленія астраханскими и ставропольскими калмыками въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Приведено напечатанное „мнѣніе“ Государственнаго Совѣта.—**50**. *Мешкечи.* Еще о совмѣстныхъ распашкахъ въ калмыцкой степи. Главари нѣкоторыхъ „родовъ“ хлопочутъ о возстановленіи права совмѣстной (съ русскими крестьянами распашки, на томъ будто бы основаніи, что калмыки разоряются отъ запрещенія этой распашки. Авторъ видитъ въ этомъ интересы „міровыхъ главарей“, а не калмыковъ.

Виленскій Вѣстникъ. 35. С. Корень Борисовскаго уѣзда. Оно представляетъ еще „темный уголъ“, съ населеніемъ, так. наз. „заболотцевъ“, съ типичными особенностями въ обычаяхъ, языкѣ и одеждѣ. Спекулянты истощили однако эту когда-то дѣвственную мѣстность, оставивъ жителей въ бѣднотѣ.—**41**. О чемъ пишутъ: приведены изъ статьи Я. Кузнецова („Журн. Мин. Юстиціи“) нѣкоторыя пословицы и поговорки, свидѣтельствующія, какъ въ нихъ отразилось обязательственное право: 1. Нанялся—продался. 2. Внизъ вода несетъ. а вверхъ кабала везетъ. 3. Безъ долгу жить прямое панство, а въ долгъ пойдешь (деньги впередъ заберешь по договору личнаго найма), пойдешь въ подданство. 4. Давши кабалу, не тяжутся. 5. Долговать на дому,—придется за-

кладывать жену. 215. Кто поручится, тотъ и мучится. 221. Поручился,—продался. И т. д.—**43.** Смѣсь: Цѣна жены у различныхъ народовъ (изъ „Revue Mame“). **48.** М. Мегеляны Вилен. губ. Нищенство процвѣтаетъ здѣсь, какъ профессія; нищіе далеко не чужды грубыхъ пріемовъ сбора подаяній. **68.** О чемъ пишутъ: Изъ еврейскаго журнала „Jud. Zeit.“ приведена характеристика лодзинскихъ евреевъ. Ихъ два типа: „литваки“ и „польскіе“. Литваки монополизировали мануфактурную торговлю. Кромѣ того, лодзинскіе евреи, по характеру, представляютъ другія четыре категоріи: 1) хасиды, удаляющіеся отъ сіонизма, имѣющіе своего цадика, отдѣльную синагогу, отдѣльныя денежныя лотереи, 2) тоже хасиды, но менѣе строгіе въ обрядахъ, посѣщающіе рестораны, пьющіе вино, 3) евреи-нѣмцы; это—аристократы, модно одѣтые, презирающіе бѣднаго собрата и его традиціонный халатъ и 4) евреи прибылые; это изворотливые люди, выполняющіе всякаго рода порученія и комиссіи. Почти всѣ лодзинскіе „литваки“ считаются фабрикантами; но это не значитъ, что всѣ они владѣютъ фабриками. Крупныхъ фабрикантовъ далеко немного; остальные устраиваютъ „фабрику“ въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ, потомъ, какъ увѣряетъ „Jud. Zeit“, объявляютъ себя несостоятельными и уступаютъ дѣло другимъ. „Польскіе евреи“ влачатъ жалкое существованіе, торгуя лотерейными билетами, чаемъ Попова въ разносъ и доставкой водки—„пейсаховки“. — **70.** *Кудринскій Ѳ.* Апокрифы. (По поводу празднованія Академіей Наукъ литературной дѣятельности А. Н. Пыпина).—**82.** Смѣсь: Австрійскіе евреи. Издающаяся въ Лондонѣ еврейская газета „Jewish Chronicle“ сообщаетъ, что на 1000 миль по ту сторону Леопольдовыхъ горъ живутъ черные евреи, приносящіе въ жертвы козъ и птицъ и не охотящіеся по субботамъ. Они говорятъ нѣсколько словъ по-еврейски и имѣютъ нѣчто въ родѣ храма, сооруженнаго изъ древесныхъ стволовъ и вѣтокъ; у одного конца храма находятся двѣ каменныя плиты со странными надписями. Члены этого племени не вступаютъ въ бракъ съ другими (?) неграми, не ѣдятъ свинины и носятъ козьи шкуры съ длинною шерстью. Они необыкновенно чистоплотны.—**87.** Смѣсь: Деревня сумасшедшихъ. Эта деревня (300 домовъ) находится во французскихъ владѣніяхъ Индо-Китая, въ Лаосѣ; населеніе ея сплошь (безъ исключенія) сумасшедшее. Болѣзнь происходитъ отъ климатич. условій и злоупотребленія наркотикомъ. Пунктъ помѣшательства—страхъ, что въ животѣ безумца сидитъ „большой звѣрь“, въ родѣ буйвола. Сосѣди съ безумными (до эксцентричности) не сообщаются.

Восточное Обозрѣніе. 1903. 32. Красноярскъ. Засѣданіе Подотдѣла Географич. О-ва. Докладъ П. Е. Островскихъ: „О поѣздкѣ къ озеру Есею и на Тампакъ“. Помимо географическихъ свѣдѣній этой части Туруханскаго края, изложены были черты быта есейскихъ и пріѣзжихъ якутовъ, илимпійскихъ (рыболовы и пастухи) и турыжскихъ тунгусовъ (рыболовы). Озеро Тампака почти необитаемо,—одинъ тунгусскій балаганъ. На озерѣ, куда приходятъ оленеводы, устраиваются игры, пляска и борьба. Тунгусская пляска состоитъ въ медвѣжьемъ переступаніи съ ноги на ногу, при чемъ участвующіе издаютъ отрывистые гортанные звуки. Припѣвы болѣе или менѣе разнятся другъ отъ друга словами и мелодіей. Игра въ мячъ состоитъ въ подбрасываніи его ногой. Тунгусы способны передавать географич. познанія: чертятъ маршруты по снѣгу и по бумагѣ очень вѣрно.—**35.** Изъ Устьянскаго улуса. Народное бѣдствіе—полный неуловъ рыбы. Оленей мало, и потому ихъ рѣдко убиваютъ; къ тому же отъ якутовъ и тунгусовъ онъ переходитъ въ руки русскихъ кулаковъ. Рыбы промышляется вообще много и ее заготовляютъ въ погребахъ.—Якуты варятъ пищу два раза въ день: на обѣдъ и на ужинъ; нѣсколько разъ пьютъ чай. Но этотъ годъ не только лѣтній ловъ рыбы не удался, но и „подледный“ обманулъ надежды. Помощь со стороны администраціи приходитъ, но или поздно, или слабо, а чаще она парализуется эксплоататорскими инстинктами нѣкоторыхъ ловкихъ людей.—**36.** *Альфа.* Изъ Манчжуріи. Новый годъ у китайцевъ (заклинанія и манипуляціи для изгнанія злыхъ духовъ, духи-покровители, жертвоприношенія въ день Новаго года, процессіи

въ честь „бога провинціи“, театральныя зрѣлища). — **41.** *Козловскій Л.* Изъ жизни китайцевъ. I. Въ опіекурильнѣ. Курильня имѣетъ четыре класса на разныя цѣны для разныхъ посѣтителей; преобладаютъ мужчины. Принадлежности опіекурильщика: трубка, чашечка съ опіумомъ, палочка для набивки трубки—мѣдная лампочка. Курильщикъ лежитъ всегда на лѣвомъ боку, держа трубку въ лѣвой рукѣ; въ правой у него палочка, которой онъ беретъ изъ чашечки каплю опія и затѣмъ нагрѣваетъ ее надъ пламенемъ; опій начинаетъ вытягиваться и кипѣть, тогда курильщикъ начинаетъ его сглаживать по круглой стѣнкѣ трубки до тѣхъ поръ, пока опій не приметъ формы шарика; эта операція повторяется нѣсколько разъ, пока опій не станетъ эластичнымъ листомъ и не высохнетъ для горѣнія. Это и есть желаемый моментъ, — курильщикъ кладетъ тогда шарикъ въ трубку, пробиваетъ его палочкой, чтобы образовать отверстіе для воздуха, приближаетъ трубку къ лампочкѣ, самъ плотно обхватываетъ ртомъ открытую сторону мундштука и сильно втягиваетъ дымъ горящаго опія. Фантазіи и грезы не легко даются курильщику. Надо сильно втянуться въ этотъ порокъ, чтобы Нанъ-Гипъ-Цзы повелъ своего поклонника въ міръ наслажденій фантазіи. Но отвѣдавшій ихъ уже не отстаетъ отъ нихъ: такъ они заманчивы. Наоборотъ, опьянѣніе новичка выражается лишь въ быстрой и непослѣдовательной болтовнѣ и притупленіи слуха.—**43** и **45**. *X.* Письмо изъ Туруханска. Жалкое положеніе остяковъ. — **50.** *Козловскій Л.* Изъ жизни китайцевъ. Въ китайскомъ ресторанѣ. Описываются церемоніи, вопросы о лѣт..хъ, родинѣ и р дителяхъ, продолжительный обѣдъ: рисовое вино „самшу“, записываніе программы обѣда и музыкальныхъ номеровъ, мокрыя горячія салфетки для вытиранія лица и рукъ, подошедшая пѣвичка, гримасничающая передъ ручнымъ зеркальцемъ, рисъ и лепешки вмѣсто хлѣба, солоноватыя на вкусъ сои вмѣсто соли, наконецъ—жареная утка, свинина, гусь, курица, раки, кипяченыя въ винѣ креветки, японскія устрицы, китовый усъ, сердцевина бамбука, испанскій лукъ, моринованыя груши, корни водяной лиліи и масса другихъ яствъ—все это въ присутствіи любезнѣйшаго хозяина, съ тостами, съ услужливыми „боями“ (бой—слуга); наконецъ новая серія пѣвицъ, потомъ музыкальная какофонія, а потомъ новая серія издѣлій китайской кухни: засахаренныя улитки, тухлыя яйца и гвоздь китайскаго обѣда—ласточкины гнѣзда; подается любимѣйшее блюдо Конфуція, напоминающее сибирскіе пельмени и литовскіе колдуны. Послѣ пѣвичекъ начинаютъ мальчики мяукать веселыя шансонетки. Потомъ слѣдуетъ чай и трубки.—**51.** *И.* Красноярскъ. Въ подотдѣлѣ Геогр. О-ва слушался докладъ *О-хъ*: Къ вопросу о положеніи инородческой женщины Туруханскаго края. Авторъ рисуетъ ея положеніе слишкомъ оптимистически.

Дальній Востокъ. 1903. 51, 53, 54. *Бѣлосельцева Н.* Забытый край. Культуртрегеры. Угасающее племя. Бичъ племени. Со времени занятія Амурской области Геннадіемъ Невельскимъ прошло 50 лѣтъ. Авторъ находитъ, что съ того времени сдѣлано мало для перенесенія культуры въ темную среду аборигеновъ края: гиляковъ, орочопъ и гольдовъ. Эти племена, когда-то многочисленныя, вымираютъ. Имъ привиты лишь отрицательныя стороны культуры: водка, сифилисъ, оспа, кабала и т. д. Во время эпидеміи оспы трупы умершихъ гиляковъ, по гиляцкому обычаю, оставлялись на землѣ, подъ прикрытіемъ бурелома. Дѣтскіе трупики подвѣшивались на деревьяхъ. Медицинѣ пришлось бороться съ этими опасными для заразы обычаями. „Медвѣжій праздникъ“, совпавшій съ эпидеміей, прошелъ шумно. Съѣхались, по обычаю, гиляки со всѣхъ мѣстностей. Пошли церемоніи съ привязаннымъ медвѣдемъ, стрѣльба по немъ въ цѣль, дѣлежъ его мяса, разведеніе костровъ, пиршество. По распоряженію начальства, медвѣжьи праздники были однако воспрещены, всѣхъ медвѣдей, содержавшихся въ поселкахъ, зарегистрировали,—все это въ виду опасности сборищъ при эпидеміяхъ.—**74.** *А. С.* Кое-что объ искусствѣ въ Китаѣ. Изящество, детальность отдѣлки, громадная затрата труда характеризуютъ всѣ мелкія китайскія вещицы, украшенія и т. п. Живопись и скульптура отличается „красивой уродливостью“. Поэзія достигаетъ высшаго разви-

тія изящества. Театръ занимаетъ очень видное мѣсто и вполнѣ есть достояніе народа. Музыка и пѣніе въ зачаточномъ состояніи.

Естествознаніе и Географія. Подъ ред. *М. П. Варавеы.* **1902. 9—10** *). *Z.* Первое 25-лѣтіе Западно-Сибирскаго Географическаго отдѣла.—**1903. 1.** *Житковъ Б.* Новая земля. Путевыя замѣтки (съ 1 картой). Авторъ даетъ, между прочимъ, нѣкоторыя историческія справки и свои наблюденія надъ жизнью новоземельцевъ. — *Кирхгофъ, Альфредъ.* (перев. В. Н.). Человѣкъ и земля. I. Вліяніе земной поверхности на распространеніе культуры.—**2.** *Житковъ Б.* Новая земля (продолж.).—*Кирхгофъ.* Человѣкъ и земля. (Продолж.) II. Море въ жизни народовъ.

Землевѣдѣніе. Періодич. изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е. А. и Э. Подъ ред. *Д. Н. Анучина.* **1903. Кн. I.** *Сѣрошевскій В.* Якутскіе берега Ледовитаго океана. Давъ географическую характеристику береговъ и тундры, авторъ выражаетъ мысль, что, въ связи съ отступаніемъ моря, климатъ этой части земной поверхности станетъ суровѣе, но лѣса, несмотря на это, проберутся далѣе къ сѣверу и займутъ нынѣ безлѣсныя тундры.—*Мушкетовъ, Д., Конради, С.* Замѣтка о сѣверномъ склонѣ Шахъ-дага. Статья геологическаго характера; но въ ней есть цѣнныя указанія на встрѣченныя поселенія и, между прочимъ, на пастушій станъ за селеніемъ Судуръ. Весь этотъ станъ состоялъ изъ одной кибиточки изъ прутьевъ и кошмы; его обитатели, въ числѣ восьми человѣкъ, арендуютъ самые высокіе сѣверные яйляги Шахъдага, на лѣто гоняютъ сюда свои стада овецъ съ побережья Каспійскаго моря и живутъ три мѣсяца: май, іюнь, іюль. Къ статьѣ приложены карты, виды горъ и селеній.—*Г—ко, Н.* Императорскія могилы вблизи Мукдена. Авторъ даетъ краткій очеркъ Мукдена и его историческаго значенія, а потомъ описываетъ могилы императоровъ. Приложены фототипіи: барельефовъ (драконы), аллеи съ каменными изваяніями животныхъ, съ двухъ сторонъ воротъ въ паркѣ кладбища Джаулинъ, стѣнъ, отдѣляющихъ внутренній дворъ кладбища, павильона, въ которомъ почіетъ духъ императора Тай-Дзуна (два вида), плиты при входѣ въ склепъ, кургана надъ гробомъ Тай-Дзуна, изваянія льва въ паркѣ Фулинъ, колонны съ изваяніями длинноухаго животнаго, ворота въ паркѣ Фулинъ, волнообразнаго моста на сводахъ и павильона духа императора Нур-ха-чу. Подъ общимъ заглавіемъ „Отдѣленіе преподавателей географіи Педагогическаго Общества въ 1902 году“ даны свѣдѣнія о нѣкоторыхъ докладахъ.—*В. Д. Соколовъ* въ сообщеніи „Отечествовѣдѣніе, какъ предметъ школьнаго преподаванія“ сводилъ задачу этого курса къ „учету матеріальныхъ элементовъ нашей культуры, намѣчая т. обр., три отдѣла: 1) природа, 2) населеніе, 3) житейская техника.—*А. Н. Максимовъ* сдѣлалъ сообщеніе по вопросу объ этнографіи и этнологіи въ связи съ курсомъ географіи. Авторъ считаетъ важной этнографію, какъ науку, дающую свѣдѣнія о первыхъ соціальныхъ стадіяхъ. Ознакомленіе съ ней учащихся должно идти по преимуществу путемъ внѣкласснаго чтенія. Не надо отдѣлять курсъ этнографіи отъ географіи; можно пройти то и другое по общимъ рубрикамъ. Мелкія извѣстія: число и плотность населенія въ Китаѣ. Приложеніе: *З. Гюнтеръ*: Исторія географическихъ открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. Перев. Л. Д. Синицкаго, подъ ред. Д. Н. Анучина (81—128 стр.).

Міръ Божій. 1903. 3. *Рожковъ, Н.* Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Гл. I. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. II. Народное хозяйство въ Кіевской Руси.—Евреи горнорабочіе. Екатеринославское безплатное бюро по пріисканію занятій сдѣлало опытъ привлечь евреевъ-рабочихъ къ горнымъ работамъ, но опытъ не удался. Объясненіе, что русскій рабочій можетъ устроиться на рудникѣ съ семьей, еврей,—нѣтъ, неудовлетворительно.—**4.** *Рожковъ, Н.* Обзоръ русской исторіи и т. д. Гл. III. Устройство общества въ Кіевской Руси.—*Шейнисъ, Л. д-ръ.* Біо-

*) См. „Этн. Обозр.“ кн. LV.

логическіе и соціальные факторы преступности.—*Покровскій, К.* Кометы въ русскихъ лѣтописяхъ.

Научно-литературный Сборникъ *). **1901. Т. I. Кн. I.** *Свистунъ, Ф. И* „Галичина могила".—*Ильинскій, Г. А.* Къ вопросу объ образованіи старо-славянскихъ нарѣчій.—*Яворскій, Ю. А.* Очерки по исторіи русской народной словесности. I. Легенда о панщинѣ.—*Лавровъ, П. А.* Труды В. Г. Васильевскаго по исторіи славянъ.—Смѣсь:—*Геровскій, Р. Ю.* Угрорусскія народныя пѣсни. I. биліографія. Рец. на кн. Ив. Франко, Апокрифі і легенди українських рукописів Т. I и II. Львовъ, 1896—99. Рец. на статьи Ив. Франко: Апокрифічне Евангеліе Псевдо-Матвія і його сліди въ цер.-рус. письменстві (отт. изъ Зап. Наук. Товар. ім. Шевченка Т. XXXV.) Львовъ, 1900 и Слово о Лазаревомъ воскресеніи. Старорусьска поема на апокрифічні теми (ibid. Т. XXXI). Львовъ, 1901.—Рец. на кн. Перетца В. Н. Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII в. СПБ. 1899.— **Кн. 2.** *Филевичъ, И. П.* По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. I.—*Яворскій, Ю. А.* Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ въ сборникѣ Головацкаго.—Смѣсь: *Яворскій, Ю. А.* Преданіе о смерти Костя Джуловича и его источники. — *Геровскій Р. Ю.* Угрорусскія народныя пѣсни. II—III. Рец. на кн. В. Н. Перетца: Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. Ч. 1 и 2. СПБ., 1900. **Кн. 3.** *Филевичъ, И. П.* По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. II—*Яворскій, Ю. А.* Къ исторіи галицко-русскихъ колядокъ. (Оконч).—*Свистунъ Ф. И.* Опытъ установленія доисторическихъ культурныхъ періодовъ для русскихъ земель.—Смѣсь: *Лагола, В. Г.* Современныя народныя пѣсни о боснійскомъ походѣ 1878 г. и объ убійствѣ австрійской имп. Елизаветы).—Рец. на кн. В. П. Владимірова: Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв. Кіевъ, 1900.—Рец. на статью М. Павлика: Якуб. Гаватович (Гават), автор перших руських интермедий з 1619 (отт. изъ Зап. Наук. Тов. ім Шевченко т. XXXI) Львовъ, 1900.—Рец. на кн. А. И. Соболевскаго: Славяно-русская палеографія. Курсъ I. СПБ. 1901.—Рец. на статью В. Францева: Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси. (Отт. изъ Русск. Филол. Вѣст. (Варшава, 1901).

Пермскія губернскія Вѣдомости. 1903. 39. Среди газетъ и журналовъ: С. Романовскій въ „Православномъ Путеводителѣ" приводитъ справку о „ненелайкахъ". „Ненелайки"—вставки въ текстъ церковнаго пѣнія частицъ „ай най на ни не..." Такъ поютъ нѣкоторые старообрядцы и сейчасъ. Такъ напр.: „Слава ти Господи ай най не ни пи не сотворившему вся"... Происхожденіе „нененаекъ" кроется въ далекомъ прошломъ, когда русскіе подражали грекамъ въ нотномъ пѣніи: вставлялись лишнія частицы, гдѣ не хватило текста и т. п.—57. Въ Музеѣ: *И. Г. Остроумовъ* сдѣлалъ сообщеніе о вогулахъ, обитающихъ въ При- и Зауральѣ. Приведены общія историч. и этнографич. свѣдѣнія.—72. Среди газетъ и журналовъ: „Новости" приводятъ мнѣніе прив.-доцента Петерб. Дух. Академіи о. Михаила о ритуальныхъ убійствахъ у евреевъ. Считая эту легенду иллюстраціей къ вопросу о психологіи „любопытства" и, такъ сказать, „уголовной психологіи", о. Михаилъ говоритъ, что органы, въ родѣ „Бессарабца" и „Нов. Времени", великій грѣхъ берутъ на душу, воскрешая гнусную легенду. Извѣстно, что впервые обвиненіе въ употребленіи крови для ритуальныхъ цѣлей было направлено „противъ христіанъ". Язычники не были допускаемы въ тайны христіанскихъ катакомбъ, и этого было достаточно, чтобы начала дѣйствовать психологія любопытства. Тайна тѣла и крови, жертвоприношеніе „агнца непорочнаго" дали поводъ римской легендѣ о кровныхъ жертвоприношеніяхъ христіанъ. Прошли вѣка, но христіане, т. е. бывшіе римляне-обвинители, удержали въ памяти остовъ римской легенды, обративъ ее сначала на присцилліанъ (христіанскую тайную секту), а въ средніе вѣка, натравливаемые юдофобской католической іерархіей, - на евреевъ. Въ послѣд-

*) Новое періодическое изданіе Галицко-Русской Матицы.

немъ случаѣ поводъ подавало празднованіе еврейской пасхи: для нея, по закону Моисея, нужна была „кровь"; тамъ тоже, какъ и у христіанъ, „таинство плоти и крови".

Приднѣпровскій Край. 1903 г. 1739.—*Мечетинскій, П.* Обряды и колядки. Приведены колядки: 1) У пана, пана... съ припѣвомъ: Радуйся, радуйся, земле, Веселися, Боже нашъ, надъ нами!" 2) два приговора при разбрасываніи зеренъ. Записано въ Таганрогскомъ уѣздѣ.—**1763.** Въ архивной комиссіи. Состоялось открытіе и первое засѣданіе Екатеринославской архивной комиссіи. Выбраны предсѣдатель М. И. Миклашевскій, товарищъ предсѣдателя А. С. Синявскій, правитель дѣлъ И. Ѳ. Вертоградовъ.—**1772.** Мѣст. хроника. Кобзарь Пархоменко пѣлъ на вечерѣ въ пользу архивной комиссіи; наибольшій успѣхъ имѣла „Дума про Морозенка". **1778.** Музей Поля. (Пожертвованія писанокъ и другія).—**1779.** Къ Археологическому съѣзду. Командированъ будетъ В. А. Городцовъ для раскопокъ по лѣв. берегу р. Бахмутки и по правому р. Кальміуса (отъ верховьевъ до устья у Маріуполя).—**1798.** Засѣданіе архивной комиссіи (1-я страница). Первыя начинанія комиссіи. **1800.** *С—ій, А.* Археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ. Авторъ вкратцѣ излагаетъ програму съѣзда. Для Новороссіи онъ можетъ имѣть большое значеніе. Успѣхъ зависитъ отъ сочувствія мѣстной интеллигенціи.—**1801**. Комитетъ по устройству XIII Археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ. На засѣданіи Екатеринославскаго Предварительнаго Комитета предсѣдательствовала гр. П. С. Уварова, которую радушно привѣтствовали представители науки и мѣстнаго Общества Намѣченныя раскопки рѣшено сосредоточить, гл. обр. по Донцу и Кальміусу, гдѣ будутъ работать гг. Большаковъ, Городцовъ, Харламовъ и Покровскій. Въ Таврической губерніи для изученія остатковъ готской культуры будетъ работать Д. И. Эварницкій. Изслѣдованіе Самарскаго района, уѣздовъ Новомосковскаго и Верхнеднѣпровскаго, и береговъ Днѣпра (въ порогахъ) будетъ производиться подъ руководствомъ Д. И. Эварницкаго. Съ помощью мѣстныхъ дѣятелей будетъ изслѣдовано мѣстонахожденіе каменныхъ бабъ. Предположено этнографич. изслѣдованіе Екатеринославской губерніи. Будетъ положено начало труду по изслѣдованью Херсониса, гдѣ раскопки начаты были покойнымъ гр. Уваровымъ. Сообщено о покровительствѣ лирникамъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, о существованіи лирниковъ въ Екатеринославской губерніи, о необходимости изслѣдовать болгарскія древности мѣстнаго района и о проектахъ основанія епархіальнаго хранилища церковныхъ древностей. Губернское Земство приняло на свой счетъ печатаніе трудовъ мѣстнаго комитета съѣзда (см. поправки „къ археол. съѣзду" въ № 1802).—**1804.** Совѣщаніе археологическаго Комитета съ представителями дворянства. 29-го апрѣля, послѣ обѣда, даннаго дворянствомъ гр. П. С. Уваровой, члены комитета собрались въ Потемкинскомъ дворцѣ. Предводитель дворянства въ своей рѣчи указалъ на важность съѣзда и на готовность дворянства идти на встрѣчу всякому просвѣтительному начинанію. Пользуясь случаемъ имѣть въ своей средѣ гр. П. С. Уварову, дворянство имѣло возможность наилучше ознакомиться съ задачами комитета съѣзда. Затѣмъ графиня въ отвѣтной рѣчи освѣтила задачи Екатеринославскаго съѣзда, указала вкратцѣ на програму и развила мысль, что „всѣ слои" общества должны питать любовь къ изученью родной старины,—въ этомъ и цѣль русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Но только съ V-го съѣзда (въ Тифлисѣ) „общество или скорѣе мѣстная публика, зашевелилась", самое же ревностное участіе общество приняло въ X мъ археологическомъ съѣздѣ (въ Ригѣ), и графиня ставитъ „балтійцевъ" въ примѣръ всѣмъ послѣдующимъ съѣздамъ. Кіевъ (XI) представленъ былъ однимъ университетскимъ міромъ; Харьковъ (XII), наоборотъ, напомнилъ Ригу. Нынѣ очередь за Екатеринославомъ. Затѣмъ Д. И. Эварницкій говорилъ о значеніи древностей Екатеринославской губерніи. Всѣ уѣздные предводители дворянства приглашены въ составъ комитета по устройству съѣзда.—**1810.** Къ XIII археологическому съѣзду. Харьковская комиссія по подготовкѣ съѣзда. Въ засѣданіи были выслушаны предложенія М. Г. Халанскаго, Е. К. Рѣдина, Д. И. Багалѣя, В. Е.

Данилевича, Е. П. Трефильева и др., сущность которыхъ сводится къ раскопкамъ, извлеченіямъ старыхъ матеріаловъ и т. п.

Русская Мысль. 1903. 1. *Баловъ А В.* Санитарные недочеты нашей деревни. (Деревенскія письма). Описывается ярославская деревня, ея жилища, бани, питаніе, квасъ (рецептъ), водоснабженіе, деревенская проституція.—*Лебедевъ Н.* Бытъ крестьянъ и рабочихъ въ мѣстахъ посѣва свеклы. Свеклосахарная промышленность измѣняетъ строй жизни крестьянина, устраиваетъ ему вторую „страду" полевыхъ работъ въ осеннее время, въ морозы (сокращается жизнь), отрываетъ отъ земли, порабощаетъ для себя. Одиночки-крестьяне бросили свою землю. Изъ крестьянина рабочаго вырабатывается рабочій-пролетарій (см. у Смирнова: „Фабрика и фабричный рабочій" въ „Русской Мысли" 1902,5).—**2.** *Каллашъ В. В.* Страничка изъ исторіи русскаго народнаго театра. Авторъ касается „заносныхъ драматическихъ элементовъ отъ разнаго рода „перехожихъ людей"—**3.** *Баловъ. А. В.* Санитарные недочеты нашей деревни (продолж.). Описываются деревенскія кладбища, усыпальницы, собаки. — **4.** *Баловъ.* (окончаніе предыдущей статьи; опис. „кутузка", оздоровленіе деревни).—*Каллашъ В. В.* Къ 50-лѣтію научно-литер. дѣятельности А. Н. Пыпина.

Русскія Вѣдомости. 1903. 33. Докладъ Свена Гедина въ Берлинѣ. Общія свѣдѣнія о его путешествіи.— **34.** Московскія вѣсти: Засѣданіе Имп. О-ва Л. Е., А. и Э. 1-го февраля въ память столѣтія со дня рожденія Г. Е. Щуровскаго, перваго его президента. **49.** *И.* Пореформенный мужикъ въ беллетристикѣ. Деревня въ сочиненіяхъ Николая Успенскаго, Слѣпцова, Рѣшетникова, Левитова, Засодимскаго, Наумова, Златовратскаго, Глѣба Успенскаго, Эртеля, Каронина, Чехова, Горькаго.—**50.** Русскій комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи. (По телефону). См. здѣсь „хронику".—**53.** Гастонъ Пари (некрологъ). —**60.** Московское Археологическое Общество. Засѣданіе 28 февраля и отчетъ о дѣятельности о-ва за 39-й годъ его существованія. Въ засѣданіи гр. Уварова сообщила, что отъ министерства внутреннихъ дѣлъ полученъ отвѣтъ на ходатайство XII археологическаго съѣзда о непреслѣдованіи за нищенство кобзарей и лирниковъ, являющихся въ Южной Россіи хранителями стариннаго народнаго пѣснотворчества; министръ изъявляетъ полную готовность принять мѣры къ обезпеченію кобзарямъ и лирникамъ ихъ дѣятельности, предлагая Обществу дать болѣе подробныя указанія о нихъ, мѣстахъ ихъ промысла и т. д. Въ отчетѣ, кромѣ того, есть свѣдѣнія о собранныхъ къ XII-му съѣзду Коллекціяхъ, положившихъ основаніе новому археолого-этнографическому музею при харьковскомъ университетѣ.—**82.** *Корсаковъ В. В.* Изъ Китайской жизни. Праздники весны и бога войны у китайцевъ.—**63.** Новости науки: отъ Русскаго Географическаго Общества текущимъ лѣтомъ изслѣдованія по этнографіи будутъ производиться Гуртомъ въ западныхъ губерніяхъ и Матвѣнымъ въ сѣверо-восточной части Архангельской губерніи. Сѣрошевскій командированъ въ Сѣверную Японію для изслѣдованія племени айновъ.—**69.** *В. В.* Формы аренды удѣльныхъ земель. Авторъ констатируетъ широкое распространеніе *коллективной* аренды (въ частности цѣлыми сельскими обществами), что это „еще не такая вымирающая форма, какою ее склонны представлять писатели, основывающіеся на отрывочныхъ данныхъ объ эволюціи крестьянской аренды частновладѣльческихъ угодій".—**70.** *М-скій Ѳ.* Памяти Ф. Д. Нефедова. Въ пространномъ очеркѣ авторъ даетъ многія подробности, характеризующія жизнь и личность покойнаго беллетриста-этнографа.—*Анучинъ, Д.* Къ годовщинѣ смерти Ф. Д. Нефедова. Этотъ очеркъ дополняетъ предыдущій.—Новости науки: Армянскій епископъ Парзяпцъ пожертвовалъ 6000 р. на изданіе сочиненій арм. лѣтописцевъ.—**79.** Моск. вѣсти: Отчетъ о засѣданіи Этнографич. Отдѣла „Музык. Этн. Комиссіи" 19 марта т. е. въ память 10-лѣтія со дня смерти Ю. Н. Мельгунова.—**80.** Академикъ Ягичъ и Сербская Академія. Имъ помѣщена была статья „Das Macedonische Problem" (въ „Neue Freie Presse"), гдѣ, между прочимъ, академикъ высказался о македонскихъ говорахъ, какъ ближе стоящихъ къ болгарскому языку, а также, что въ Старой Сербіи сербскій элементъ теряетъ подъ собой почву, уступая предъ албанскимъ;

авторъ требуетъ полнаго разоруженія альбанцевъ, чтобы спасти сербовъ. Эта доброжелательная для сербовъ статья не такъ была понята въ Сербіи. Отголоски сербскаго шовинизма дошли до акадеіи, которая однако стала на сторонѣ Ягича.—**83.** Послѣ передой статьи: очеркъ, посвященный пятидесятилѣтію научной дѣятельности А. Н. Пыпина.—**84.** Минусинскъ. Комитетомъ музея представлены правила пользованія процентовъ съ капитала имени Н. М. Мартьянова. Проценты будутъ выдаваться, въ видѣ пособій, экскурсантамъ для изслѣдованія Енисейской губерніи въ естественно-историческомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Капиталъ достигъ суммы 5000 р.—**90.** Исчезнувшіе музеи. Эти музеи были въ Оренбургѣ, обладая многими коллекціями, книгами, рукописями по разнымъ наукамъ. Все это куда-то исчезло безслѣдно.

Русскій Антропологическій Журналъ. Изданіе Антропол. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* **1902. № 4 (кн. XII).** *Майновъ, И. И.* Якуты. (По матеріаламъ Н. Л. Геккера). Авторъ даетъ хорошій антропологическій очеркъ якутовъ, прекрасно дополняющій этнографическіе труды о якутахъ Сѣрошевскаго, Миддендорфа и другихъ. Цѣль очерка, гл. обр., заключается въ выясненіи какъ основного типа якутовъ, такъ и метисація ихъ съ русскими и тунгусами. Метисація (особенно русскіе якутяне) распространена сильно, но зарегистрировать ее генеалогическими таблицами якутскихъ родовъ невозможно, такъ какъ 300 лѣтъ совмѣстной жизни этихъ племенъ слишкомъ большое время для памяти якутовъ. Что касается антропологическаго типа, то авторъ считаетъ одинаково исконнымъ у якутовъ оба типа: 1) широколицый и плосконосый и 2) длиннолицый и горбоносый. Послѣдній, кромѣ того, встрѣчается у многихъ тюркскихъ и монгольскихъ народностей, а потому не можетъ считаться „чисто-якутскимъ" типомъ. Въ статьѣ помѣщены 7 двойныхъ рисунковъ типовъ и антропометрическія данныя.—*Баронасъ, И.* Къ антропологіи литовскаго племени. Давъ краткія, но существенныя указанія изъ существующей литературы объ области разселенія литовцевъ, о дѣленіи ихъ на собственно-литовцевъ (Высокая Литва—Augstaja Lietuva) и жмудиновъ (Нижняя Литва—Lėmaja Lietuva) объ ихъ языкѣ, объ аборигенахъ теперешней Литвы, о происхожденіи самихъ литовцевъ и ихъ родичахъ, о древнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о литовцахъ, авторъ затѣмъ переходитъ къ антропологическому очерку литовцевъ. Указавъ еще передъ этимъ, что лингвистическія данныя не даютъ ни точнаго представленія о жмуди и литвѣ, какъ о двухъ типахъ, ни вѣрнаго представленія о дѣйствительныхъ жмудинахъ и литовцахъ, авторъ думаетъ, что только антропологическія данныя могутъ опредѣлить дѣйствительно эти два типа. Однако въ самомъ очеркѣ нѣтъ выводовъ по этому вопросу. Да и вообще авторъ далъ только сравнительный (часто сводный) матеріалъ, который имѣетъ цѣлью „послужить добавочнымъ пособіемъ при новыхъ, болѣе обширныхъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ литовскаго племени".—*Арутиновъ, А.* Къ антропологіи айсоровъ. Айсоры (ассуры), въ настоящее время живущіе въ Персіи, въ Азіатской Турціи и въ Закавказьи, являются потомками древнихъ халдеевъ и ассиріянъ (по ихъ преданіямъ происходятъ отъ внука Ноя—Ассура, второго сына Сима; халдеи же происходятъ отъ Арфаксада, третьяго сына Сима). За послѣдніе годы эмиграція айсоръ въ Россію значительно усилилась. Сами себя айсоры называютъ сирійцами, а айсоры католики—халдеями. Въ Персіи имъ дано имя „Назранъ" (отъ „Назаретъ"); имя „айсоры" дали имъ армяне. Айсоры Закавказья—православные; въ Персіи и Турціи они—несторіане (нѣкоторые протестанты). Христіанство не на высотѣ у нихъ, нерѣдки случаи многоженства. Айсоры Аз. Турціи, помимо турецкихъ властей, имѣютъ и внутреннее управленіе. Глава айсаровъ-несторіанъ—*маршамунъ* или патріархъ (теперь лицо свѣтское, по раньше духовное); раньше его избирали изъ всего народа, а теперь только изъ фамиліи Шагмиръ (пожизненно). Затѣмъ избираются *мелики*, *старшины*. Соборъ духовный избиралъ себѣ главу—*митрополита* (мѣстопребываніе монастырь „Дерь") и *епископовъ*. Турецкіе айсоры занимаются винодѣліемъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ и

земледѣліемъ; эриванскіе айсоры занимаются, кромѣ того, скотоводствомъ. Одежда русскихъ айсоровъ—какъ у армянъ. Турецкіе айсоры одѣваются по-куртипски: куртка, шаровары, широкій поясъ, высокая войлочная шапка, шерстяныя лапти („рашикъ"). Языкъ айсоровъ, происходящій изъ древне-сирійскаго, потерпѣлъ измѣненія подъ вліяніемъ курдскаго, арабскаго, турецкаго и персидскаго языковъ. Ихъ свящ. книги—на древне-сирійскомъ языкѣ, сходномъ съ древне-еврейскимъ; кромѣ того, они говорятъ по-татарски и почти всѣ знаютъ по-армянски. Антропологическія данныя, приведенныя авторомъ, свидѣтельствуютъ, что ростъ у айсоровъ выше средняго, лицо не широкое, съ узкими скулами, съ довольно высокимъ лбомъ; носъ средней длины; голова довольно велика, съ плоскимъ затылкомъ; большинство (88%)—брахицефалы, брюнеты съ смуглымъ цвѣтомъ кожи; съ карими глазами, съ черными волнистыми волосами, съ волосатымъ тѣломъ. По физич. типу айсоры—типичные семиты. У нихъ находятъ большое сходство съ кавказскими евреями ахалцыхской группы.— *Ивановскій, Ал.* Г. Б. Зеландъ. Некрологъ. (†19 авг. 1902). Его статьи о гилякахъ занимаютъ видное мѣсто. Этнологическій очеркъ „Киргизы", статья „къ антропологіи зап.-сибирскаго крестьянина", „Темпераментъ съ точки зрѣнія психологіи и антропологіи" и др. Н. Л. родился на о. Эзелѣ въ 1833 г., окончилъ Новгородскую гимназію и Петербургскую медико-хирургическую академію, затѣмъ 37 лѣтъ служилъ военнымъ врачемъ на нашихъ окраинахъ.—Критика и библіографія.—Извѣстія и замѣтки: Изслѣдованія Ф. Я. Кона въ землѣ урянховъ. Новыя изслѣдованія и т. д. **1903. № 1. (Кн. XIII).** *Воробьевъ В. В.* Астраханскіе калмыки. Исходя изъ работы А. А. Ивановскаго „Монголы-торгоуты", авторъ даетъ очеркъ астраханскихъ калмыковъ, какъ племени, имѣющаго общихъ предковъ съ этими торгоутами, прожившаго 130 лѣтъ на новомъ мѣстѣ при новыхъ условіяхъ географическихъ, этнографическихъ и соціальныхъ. Общая родословная тарбагатайскихъ торгоутовъ и астраханск. калмыковъ такова: западныя монгольскія орды дѣлятся на три отдѣленія: 1) Чахары или халхасы, 2) буряты и 3) элюты. Элюты подраздѣляются, въ свою очередь, на четыре племени: а) джунгаръ, б) тургутъ или торгоутъ, в) хошатъ или хошоутъ и г) дурботъ или дербетъ. Въ предѣлы Евр. Россіи переселились, гл. обр., торгоуты, съ нѣкоторыми примѣсями и другихъ элютскихъ племенъ.

Астраханскіе калмыки, интересные сами по себѣ, цѣнны еще и тѣмъ, что даютъ возможность сравнить физическій типъ двухъ вѣтвей, въ теченіе 130 лѣтъ существовавшихъ при различныхъ условіяхъ.

Пользуясь литературой о калмыкахъ и своими изслѣдованіями и наблюденіями, д-ръ Воробьевъ даетъ сначала общій этнографическій очеркъ племени: религія (буддисты-ламаиты; главенство Далай-Ламы; собственный Лама, утвержденный русск. правительствомъ; монастыри (хурулы); „манджики", „гецули", „гелюнги"; калмыцкое образованіе, сословно-бытовой строй (родовое дѣленіе; распаденіе, сліяніе и образованіе родовъ; крѣпостная зависимость, выработавшаяся на основаніи родового начала и нынѣ упраздненная: зайсанги, высшіе дворяне-нойоны), администрація: (особое калмыцкое управленіе въ Астрахани, улусныя правленія, судящій на основахъ обычнаго права судъ—„зорго"), занятія (скотоводство, рыболовство, извозъ), семейная жизнь (бракъ, пріобрѣтеніе кибитки, положеніе женщины и т. д.), отношеніе къ другимъ національностямъ (терпимость), физическій типъ.

Послѣдній вопросъ авторъ предварительно освѣщаетъ условіями различнаго существованія калмыковъ въ трехъ различныхъ по этнографическому характеру частяхъ колмыцкой степи: центральной, западной (Эргени) и юго-восточной (Мочаги). Эта разница еще прослѣжена г. Житецкимъ въ его трудѣ „Астраханскіе калмыки" (1892). Останавливаясь затѣмъ подробно на физич. типѣ калмыковъ, авторъ, сравнивая его съ типомъ торгоутовъ, видитъ многія свидѣтельства метисаціи калмыковъ съ великоруссами и вообще съ русскими. Заканчивается этотъ интересный и содержательный очеркъ общей характеристикой психическаго облика калмыковъ. Калмыки — народъ живой, подвижной,

жизнерадостный, цѣнящій земную жизнь и очень боящійся смерти. Работать мужчины не особые охотники (тяж. работа сваливается на женщинъ), но если заставитъ не бходимость, работаютъ добросовѣстно. Интеллектуальныя способности ихъ далеко не слабыя. Они долго еще могутъ выдержать борьбу за существованіе, не вырождаясь, не убывая численно. Тѣмъ не менѣе будущность ихъ мрачна. Они физически не могутъ перейти къ земледѣлію и осѣдлой жизни (страна можетъ дать эти удобства самое большое 2000-амъ душъ, а ихъ 130.000).

Рыболовство, добываніе соли и извозъ поддерживаютъ немногихъ. Они неизбѣжно осуждены на продолженіе занятія скотоводствомъ, которое плохо ихъ кормитъ. Порождается, так. обр., калмыцкій переселенческій вопросъ.—*Королевъ, С. А.* Астраханскіе калмыки. Этотъ чисто-антропологическій очеркъ построенъ на томъ же принципѣ, что и предыдущая статья В. В. Воробьева, т. е. на идеѣ сравнить антропологическіе показатели величинъ, характеризующихъ физич. типъ монголовъ торгоутовъ и калмыковъ. Авторъ приходитъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ и, так. обр., дѣлаетъ еще болѣе цѣнными положенія предыдущей работы. При статьѣ имѣются четыре рисунка типовъ и діаграммы.—*Берви, Н. В.* О методѣ изслѣдованія ископаемыхъ и современныхъ череповъ.—*Аристовъ, Н. А.* Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ. (Продолженіе. См. Кн. XI).—*Бари, К.* Варіаціи въ скелетѣ современнаго человѣчества и ихъ значенія для рѣшенія вопроса о происхожденіи и образованіи расъ.—Критика и библіографія (Отзывъ на книгу Н. Харузина „Этнографія" вып. II).—Извѣстія и замѣтки.

С.-Петербургскія Вѣдомости. (См. „Эти. Об." кн. LVI). **43.** Приведено содержаніе обширной статьи г. *М. Овчинникова*: „Еще объ общинѣ", напечатанной въ февральской книжкѣ журнала „Сельское хозяйство и лѣсоводство". Авторъ—сторонникъ той мысли, что „только эта форма землевладѣнія, не служа препятствіемъ къ прогрессивнымъ теченіямъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, спасаетъ нашего крестьянина отъ полнаго обезземеленія и дастъ ему средство къ болѣе или менѣе независимому существованію".—**45.** Диспутъ въ духовной академіи: доц. *Д. И. Абрамовичъ* защищалъ диссертацію: „Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ". Диссертантъ, между прочимъ, видитъ въ этомъ памятникѣ немало указаній на общественныя и бытовыя отношенія того времени. Оппонентъ проф. П. Н. Жуковичъ указалъ среди недостатковъ диссертаціи на отсутствіе оцѣнки патерика съ народно-поэтической точки зрѣнія.—**46.** Со словъ „Ц. В." передается о враждѣ старообрядцевъ — Федосѣевцевъ, не пріемлющихъ брака, и поморцевъ (пріемлющихъ бракъ) въ деревнѣ Пряхинѣ (Камыш. у.); вражда дошла до вспышки „бунта". — **47.** *Ровинскій, К.* О хуторскомъ разселеніи деревень въ связи съ вопросомъ о нераздробимости крестьянскихъ дворовъ. Авторъ высказывается противъ такого разселенія, видя въ послѣднемъ источникъ раздробленія крест. владѣній. Выводы его таковы: 1) малоземелье препятствуетъ добровольному образованію крестьянскихъ хуторовъ, 2) въ случаѣ, если тѣмъ или другимъ путемъ у крестьянъ образовались односелья, они обращаются въ обычное черезполосное владѣніе подъ вліяніемъ того же фактора малоземелья и 3) существующее и вновь возникающее у крестьянъ хуторское хозяйство можетъ у нихъ сохраниться и принести извѣстную пользу лишь при организаціи на правильныхъ началахъ внутренней колонизаціи, необходимой для постояннаго отлива излишка населенія, а также сельскохозяйственнаго кредита вмѣстѣ съ ипотекой крестьянскихъ земель.—**50.** Изъ Владивостока сообщаютъ о состоявшемся тамъ сообщеніи молодого оріенталиста (изъ забайкальскихъ бурятъ) *Г. Ц. Цыбикова*: „О паломничествѣ изъ Монголіи въ Тибетъ". Будучи ламаитомъ, г. Цыбиковъ успѣлъ проникнуть въ Лхассу, представиться Далай-Ламѣ и прожить тамъ среди ламъ-отшельниковъ. Программа лекціи: 1) Тибетъ въ возврѣніи монголовъ, 2) пути монгольскихъ паломниковъ въ Тибетъ, 3) Лхасса, 4) главные монастыри Центральнаго Тибета, 5) Далай-Ламы и Бань-Чепи Эрдени, 6)

общія свѣдѣнія.—**55.** Изъ писемъ въ редакцію: *Г. А. С.* въ своемъ письмѣ, заступаясь за своего земляка В. Котовича, назвавшаго Гродненскую губернію малорусской, полемизируетъ съ „Нов. Временемъ", которое въ № 9681 пишетъ: „Кому же неизвѣстно, что Гродненскую губ. населяютъ бѣлоруссы, а не малоруссы?" Авторъ письма, утверждая, что бѣлоруссы въ губерніи есть, говоритъ, что „они далеко не составляютъ всего сельскаго населенія". Ссылаясь на работу проф. Е. Ѳ. Карскаго: „Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени" и на другіе источники, онъ утверждаетъ, что преобладающее населеніе Гродненской губ.—малорусское.—**65.** *Богушевичъ, О. Д.* Объ азбукѣ для литовцевъ. Авторъ стоитъ за возстановленіе латиницы для лит. письма.—**68.** *З.* Ренегаты ли? Приводятся свѣдѣнія о недочетахъ христіанской проповѣди въ Осетіи (есть выписка изъ работы свящ. А. Гатуева: „Христіанство въ Осетіи").—**69.** Годичное общее собраніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора. 8 марта 1903 года. (Изъ „Прав. Вѣстн."). Въ минувшемъ году окончены печатаніемъ три тома „Сборника": 114 (V-я часть „бумагъ кабинета министровъ Анны Іоанновны"), 115 (10-я часть изданія бумагъ Екатерининской коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія) и 116 (2-я часть „Сборника" донесеній и бумагъ нидерландскихъ пословъ и посланниковъ, бывшихъ въ Россіи). — **82.** Къ 50-лѣтію академика А. Н. Пыпина. Даны краткія свѣдѣнія о его жизни и трудахъ.

86. *Клеменцъ, Д.* Замѣтки о кочевомъ бытѣ. III. Авторъ продолжаетъ свои разсужденія на эту тему, идеализируя кочев. бытъ въ примѣненіи къ практической жизни. Онъ приводитъ примѣры, иллюстрирующія измѣненія быта инородцевъ подъ вліяніемъ физическихъ и экономическихъ условій, приходя къ выводу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя создать новой формы быта вмѣсто кочевого, что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ исконный земледѣлецъ превращается въ скотовода.—**87.** Древнерусская изба на выставкѣ историческихъ костюмовъ. Эта изба, сооруженная и обставленная собирателемъ русской старины Г. М. Казаковымъ, представляла изъ себя цѣлый музей: манекены, костюмы, украшенія, утварь, мебель, книги, рукописи и т. д.—**89.** Приводятся свѣдѣнія изъ „Волыни" о сильной эмиграціи нѣмцевъ-колонистовъ изъ Россіи. Пустѣютъ цѣлыя колоніи Житомирскаго уѣзда, Дубенскаго (сѣв.-вост. части „лѣсные нѣмцы") и зап. ч. Луцкаго у.—Помѣщенъ некрологъ Н. И. Барсова, автора многихъ трудовъ по церковной археологіи, богословію и расколу. Его перу принадлежатъ: „Исторія первобытной христіанской проповѣди", „Очерки изъ исторіи христіанской проповѣди", „Историческіе, критическіе и полемическія опыты" (сборникъ 39 статей), „Описаніе дѣлъ Синодальнаго архива", „О значеніи Хомякова въ исторіи русс. богословія", „Вопросъ о религіозности русс. народа въ нашей печати" и др.

90. *Бокъ, Викторъ,* П. И. Добротворскій. (Къ сорокалѣтію его литературной и публицистической дѣятельности).—П. И. Добротворскій (Петръ Кармасановъ)—писатель-народникъ—родился въ Симбирскѣ въ 1839 г. Его перу принадлежитъ много очерковъ изъ жизни „глухой Башкиріи" („Въ глуши Башкиріи", „Въ деревнѣ" и др.). Его статьи „О расхищеніи башкирскихъ земель" и др. свидѣтельствуютъ о его искренней преданности народному дѣлу.—**93.** Фельетонъ: Этнографическіе очерки (Алкоголизмъ въ древнемъ Египтѣ.—Профессора и студенты.—Кабаки и прислужницы.—Фараонъ Ахмазъ.—Древній Вавилонъ—Хамураби). — **96.** Приводятся свѣдѣнія изъ „Дальняго Востока" о жизни угасающаго племени гиляковъ: бѣдность, грязь, суровая природа, эксплоатація ихъ русскими и т. п.—**97.** *Котовичъ, Влад.*: „Пока лѣсъ шумитъ". Авторъ этой замѣтки призываетъ этнографовъ и антропологовъ къ изученію Галиціи и Волыни, считая, что съ сѣверныхъ склоновъ Карпатъ „скатились чистыя и безпримѣсныя волны русскаго потока", не малоруссы и не великоруссы; они сохранились особенно въ „лѣсныхъ чащахъ волынскаго полѣсья".—**98.** *Клеменцъ, Д.*: Замѣтки о кочевомъ бытѣ. IV. На бурятахъ авторъ прослѣживаетъ всѣ переходы отъ чистаго кочевого быта вплоть до осѣдлаго, „не выходя изъ

Забайкалья".—Съѣздъ славистовъ (см. „Хронику").—**99**. Съѣздъ славистовъ.—**100**. *Клеменцъ, Д.*: Замѣтки о кочевомъ бытѣ. V. Авторъ проводитъ мысль, что Россія, при ея разноплеменности и разнохарактерности мѣстныхъ условій, не должна стремиться къ однообразнымъ формамъ культуры.—**101**. Закрытіе съѣзда славистовъ. — **102**. *Z*. Какъ устроить семипалатинскихъ киргизъ. Вопросъ идетъ о десятиверстной полосѣ, составляющей достояніе казны и предоставленной и „закрѣпленной" въ 1899 году за сибирскимъ казачьимъ войскомъ. На этой полосѣ кочевали 80.000 киргизъ, оставшихся теперь безъ кочевья.—**102**. Музей имени Петра Великаго (См. „Хронику").—**105**. *Костылевъ Н.* Французскій путешественникъ о Сахалинѣ. Извѣстный путешественникъ, изслѣдователь Азіатской Россіи Поль Лаббе выпустилъ книгу: „Un bagne russe (Ile de Sakhaline)"—серіозный и добросовѣстный трудъ. Съ 1890 г. Лаббе уже пять разъ былъ въ Сибири. На Сахалинѣ онъ ѣздилъ со спеціальнымъ порученіемъ отъ парижскаго музея естественныхъ наукъ для пополненія этнографическихъ коллекцій. Онъ прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ. По содержанію книга распадается на двѣ части: криминологическую и этнографическую. Онъ записалъ много мѣстныхъ замѣчаній, разговоровъ, легендъ, пѣсенъ и т. д.—**106**. Наша печать: Цицикарскій корреспондентъ Пріамурскихъ Вѣдомостей сообщаетъ туземное повѣрье о солнечномъ затменіи. „Какъ только было замѣчено начало затменія, многіе жители, смотря на солнце, стали ударять въ металлическія тарелки, открыли трескотню изъ китайскихъ хлопушекъ, въ кумирняхъ почти безпрерывно раздавался звонъ колокола; люди молили божества, чтобы „жили" (затменіе) продолжалось недолго, чтобы „Тянь-гоу" (небесная собака) скорѣе отошла отъ солнца, чтобы не нарушилось обычное теченіе жизни. Когда солнце стало проясняться, послышались звуки китайской музыки. Это привѣтствовали его появленіе". Къ солнечному затменію своеобразно отнесся случайно встрѣченный г. корреспондентомъ монголъ: „онъ все время молился, вознося руки по направленію къ солнцу, становился на колѣна, клалъ земные поклоны; отъ времени до времени онъ подходилъ ко мнѣ, бралъ у меня прокопченное стекло, смотрѣлъ на солнце и вновь усердно продолжалъ молиться". При посредствѣ переводчика г. корреспонденту удалось узнать отъ монгола по этому поводу слѣдующее повѣрье: „Много лѣтъ тому назадъ богъ послалъ большой дождь и сдѣлалъ всеобщее наводненіе; занятый этимъ великимъ дѣломъ, онъ упустилъ изъ-подъ своего постояннаго надзора солнце, чѣмъ воспользовалось страшное чудовище „Раху", исконный врагъ солнца и луны; оно похитило съ неба солнце и спрятало его въ глубокій колодецъ. Узнавъ объ этомъ, богъ пришелъ въ великій гнѣвъ, разыскалъ солнце, водворилъ его на свое мѣсто, а дерзкое чудовище „Раху" ударилъ своимъ жезломъ, и такъ сильно, что перебилъ его пополамъ. „Раху" взвился и полетѣлъ на небо, но не весь, а лишь голова и верхняя часть туловища, нижняя же половина его осталась на землѣ. Тогда обиженный и озлобленный „Раху" далъ обѣтъ не позже трехъ лѣтъ вновь похитить солнце, а не позже трехъ мѣсяцевъ похитить и луну. Съ тѣхъ поръ въ каждое трехлѣтіе „Раху" накидывается на солнце и проглатываетъ его, но это безполезно, такъ какъ солнце выплываетъ черезъ отверстіе отбитаго туловища. То же самое „Раху" продѣлываетъ съ луной черезъ каждые три мѣсяца". Подобный же разсказъ передавалъ г. корреспонденту другой монголъ, но съ инымъ варіантомъ: „Раху"—чудовище необыкновенно-зловонное, и когда оно приближается къ солнцу, послѣднее закрываетъ всѣ двери и окна, отчего на землѣ бываетъ темно. Тогда нужно усердно молиться богу, чтобы богъ прогналъ „Раху" и чтобы солнце попрежнему лило свой благотворный для людей свѣтъ".

Сѣверный Край. 1903. 67. *Бѣлозерскій, П.* Оброчныя статьи у крестьянъ леонтьевской волости, моложскаго уѣзда. Постоянныя и случайныя. Подробно разсмотрѣны тѣ и другія.—**70**. Смѣсь: Самосудъ надъ колдуньей.—**90**. *Непобѣдимый*. Письма изъ Кинешемскаго уѣзда. I. Валяльщики сапогъ. Въ шевалдовской, никитинской и зименковской волостяхъ населеніе занимается преимущественно валяніемъ сапогъ, гл. обр. изъ коровьей шерсти. Работа, рабочіе и

продуктъ ихъ труда не считается нисколько съ гигіеной. Описаны пріемы валянія. — **93.** Святыя горы. Народная легенда пошехонскаго уѣзда. Провалилась церковь, на мѣстѣ которой образовался холмъ (тарасовская волость). На Пасху раздается глухой благовѣстъ въ этой церкви, а на вершинѣ горы ярко горитъ свѣча во время пасхальной заутрени. Но если войти въ это время, свѣча гаснетъ, — и вновь загорится, если удалится взошедшій. Крестьяне почитаютъ „святую гору". — **95. 96. 98.** *Наблюдатель*, Картофельное хозяйство въ приволожской части Ярославской губерніи.—**104.** Дикій фанатизмъ. Грекъ-отецъ отсѣкъ ножомъ голову сыну-младенцу послѣ того, какъ ему снилось, что Богъ исцѣлитъ его, если онъ принесетъ въ жертву первенца-сына. Онъ обѣщалъ. Черезъ годъ родился сынъ и отецъ „принесъ его въ жертву".

Сѣверозападное Слово. 1903. 1536. Какъ создаются легенды о ритуальномъ убійствѣ. (Ложный доносъ).—**1545.** и **1546.** *И.* По поводу одного спеціальнаго вида сервитутовъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Это—общее пастбище, которымъ многіе крестьяне, въ силу необходимости, пользуются только номинально. Полюбовное соглашеніе не устанавливается.—**1570. 1572.** *А. З.*, Къ статистикѣ населенія Виленской губерніи. Сведены данныя Всеобщей переписи. — **1597.** *Хопровъ Ив.*, Письма изъ деревни. XVI. При неохотѣ „тягаться" по судамъ мѣстный крестьянинъ однако охотно идетъ „у свядки", въ свидѣтели, если дѣло касается общихъ интересовъ деревни. Въ деревняхъ есть особый сортъ всегдашнихъ „свядокъ", бойкихъ, быстрыхъ, къ другой работѣ лѣнивыхъ, охотниковъ „до монопольки".

Новости этнографической литературы.

Адлеръ, Б. Ѳ. Возникновеніе одежды. Очеркъ. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Томъ IV, V и VI. Предисловіе и примѣчаніе Б. А. Бильбасова. Спб. 1902. Ц. кажд. 5 р.

Аѳанасьевъ, В. Къ 350-лѣтію покоренія Казани (1552—1902). Подлинная о Казанскомъ походѣ запись царственной книги 1552 года и сказаніе князя Курбскаго о покореніи Казани. М. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Бантышъ-Каменскій, Д. Исторія Малой Россіи. Изданіе 4-е. (Южно-русское книгоиздательство). Кіевъ, Спб., Харьковъ. 1903. 8°. IX+609 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Бекъ де-Фурьеръ. Игры древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношеніе ихъ къ религіи, искусствамъ, нравамъ. Съ гравюрами по антикамъ. Переводъ съ 20-го франц. изданія. Подъ ред., съ примѣч. и предисловіемъ А. А. Иванова. Кіевъ. 1890. Ц. 1 р. (Изд. Іогансонъ).

Вахевичъ, Б. А. Западно-русская лѣтопись по списку Румянцевскаго Музея. Одесса. 1903. Ц. 75 к.

Вороновъ, И. Городъ Воронежъ. Населеніе и недвижимыя имущества. 1903. Ц. 2 р. 50.

Гербертсонъ, А. и Ф. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Перев. съ англ. съ 97 рис. въ текстѣ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Гессенъ, Ю. И. Евреи въ массонствѣ. Опытъ истор. изслѣдованія. Спб. 1903. Ц. 40 к.

Главное руководство по врачебной наукѣ Тибета, Жуд-Ши. Въ нов. переводѣ П. А. Бадмаева. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Горшкевичъ, В. И. Клады и древности Херсонской губерніи. Книга 1-я. Хер. 1903. 176+II стр.+20 табл. рисунковъ. (157 рис.).

Дагбашьянъ, А. С. Полный армянско-русскій словарь. Вып. I—III Стр. 400. Ц. по 1 р. за выпускъ.

Даль, В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3-е исправленное и значительно дополненное изданіе подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Изд. Т-ва И. О. Вольфъ. Т. I. Вып. 1.

Добровольскій, В. Н. Смоленскій Этнографическій сборникъ. Ч. IV. Изданіе Русск. Геогр. об-ва. М. 1903. больш. 8°. XVI+720 стр. Ц. 2 р.

Добротворскій, Петръ. Въ глуши Башкиріи. Разсказы, очерки и наброски изъ башкирской жизни. Екатеринбургъ. Ц. 50 к.

Жуковскій, В. А. Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Саида. Толкованіе на четверостишіе Абу-Саида. Персидскіе тексты. Спб. 1889. Ц. 4 р.

Его же. Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Съ 10 рис. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Его же. Жизнь и рѣчи старца Абу-Саида Мейхенейскаго. Персидскій текстъ. Спб. 1890. Ц. 1 р.

Заозерскій, Н. А. и Хахановъ, А. С. Номоканонъ Іоанна Постника въ его редакціяхъ грузинской, греческой и славянской. М. 1903. 96+96 стр. Ц. 2 р.

Ковалевскій, Н. Возрастающее оскудѣніе деревни. М. 1903.

Кошкаровъ, Мих. Статистическій очеркъ хозяйственнаго и имущественнаго положенія крестьянъ Орловской и Тульской губерній. Спб. 1902. Ц. 75 к.

Крестьянскіе промыслы Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи. Вып. I. Петроз. 1902.

Кузнецовъ, А. Свадебные приговоры и дружки. По рукописи половины XIX столѣтія. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1903.

Кузнецовъ-Красноярскій, Инн. Замѣтки о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губерніи. Томскъ. 1902. Ц. 30 к.

Кустарные промыслы крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи. Петроз. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Лебедевъ, А. С. Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. По архивнымъ документамъ. Съ портретами и автографами. Харьковъ. 1903.

Ливій, Титъ: Римская исторія отъ основанія Рима. Полный литературный переводъ съ латинскаго. Кіевъ. 1901. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. (Изданіе Іогансона).

Личковъ, Л. Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края. Кіевъ. 1903.

Лоріа, А. Соціологія. Ея задачи, направленія и новѣйшіе успѣхи. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Лѣтопись Радзивилловская или Кенигсбергская. Фотосхематическое воспроизведеніе рукописи, съ приложеніемъ статей о текстѣ и миніатюрахъ рукописи. Спб. 1902. Ц. 40 р.

Ляскоронскій, В. Г. Городища, курганы и длинные (зміевые) валы въ бассейнѣ р. Сулы М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Марковъ, Ев. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, исторіи и природы. Изд. 3-е. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Новомбергскій, Н. По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Носиловъ, К. Среди нашихъ инородцевъ. Очерки и разсказы. Спб. 1903. Ц. 80 коп.

Озеровъ, Ив., проф. Итоги экономическаго развитія. XIX вѣка. Спб. 1902. Ц. 40 коп.

Описаніе рукописей князя Павла Петровича Вяземскаго. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго общества любителей древней письменности въ 1900—1901 году. Съ приложеніями. Спб. 1902. Ц. 60 к. Тоже въ 1901—1902 году. Ц. 30 к.

Паркэръ, Э. Китай, его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Пер. съ англ. Съ 6 картинками. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903. Ц. 40 коп.

Петровъ, Алексѣй (переложилъ). 20 народныхъ пѣсенъ Сибири для одного голоса, съ сопровожденіемъ фортепьяно, изъ собранныхъ въ 1900 г. въ Иркутской губерніи и Забайкальской области *Н. П. Протасовымъ*. Издано съ Высочайшаго соизволенія Пѣсенною Комиссіей Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1902. (?) 8°. 34 стр.

Писаревъ, С. Н. Древне-русскій орнаментъ, съ X по XVIII в. включительно, на парчахъ, набойкахъ и другихъ тканяхъ. Спб. 1903. Ц. 20 р.

Погодинъ, А. проф. Религія Зороастра.

Поповъ, Г. Русская народно-бытовая медицина. По матеріаламъ этнографич. бюро кн. В. Н. Тенишева. Спб. Стр. 404. Ц. 1 р. 25 к.

Пѣтуховъ, Е. В. Императорскій Юрьевскій (бывшій Дерптскій) университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902). Т. I. Юрьевъ. 1902. Ц. 4 р.

Раевскій, Петръ. Новыя сцены изъ малорусскаго народнаго быта. 2-е изд. Кіевъ. 1898. Ц. 60 к.

Райтъ, В. Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы. Перев. съ англ.

К. А. Тураевой. Подъ ред. и съ дополнен. проф. П. К. Коковцева. Спб. 1902. Ц. 3 руб.

Ратцель, Ф., проф. Земля и жизнь. Сравнительное землевѣдѣніе. Томъ I, вып. 1-й. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Риккертъ, Г. Естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Перев. съ нѣмец. М. Я. Фитермана. М. 1903. Ц. 25 к.

Савичъ, Г. Сборникъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ Сибири и Степного края. По новому 1902 года изданію. Спб. 1903. Ц. 4 р. 50 к.

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Культурно-историческій очеркъ. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Сказки шведскія, норвежскія и финскія. Перев. А. Эльвенгренъ. Съ 25 рис. Спб. 1902. П. въ пап. Ц. 1 р.

Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Томъ I. Вып. V-й. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Срезневскій, Б., проф. Вліяніе климатовъ на человѣка. Юрьевъ. 1902. 8⁰. 36 стр.

Стасовъ, В. В. Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ. Спб. 1902. Ц. 10 р.

Статистическій обзоръ Калужской губерніи за 1901 годъ. Годъ 6-й, вып. 1. Кал. 1902.

Статистическій сборникъ Новгород. губ. земства за 1901 г. Новг. 1902.

Танцы, ихъ исторія и развитіе съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (по изданію Г. Вюилье). Спб. 1903. Ц. 2 р.

Тардъ, О. Личность и толпа. Очерки по соціальной психологіи. Спб. 1903. Ц. 1 руб.

Тарновская, П. Женщины-убійцы. Съ 163 рис. и 8 антропометрич. таблицами. Спб. 1902. Ц. 4 р.

Титовъ, Ѳ. И., свящ. Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ Мелитопольскій. Очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. Кіевъ. 1902. Ц. 2 р.

Фартусовъ, В. Д. Изъ жизни иконописцевъ. Очеркъ. М. 1902. Ц. 60 к.

Халютинъ, П. В. Переселенцы Тюкалинскаго уѣзда, Тобольской губ. Описаніе 6 поселковъ Покровской волости. Вып. X. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Цагарели, А. А. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся до Грузіи. Т. II, вып. 2. Съ 1769 по 1801 годъ. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Apocrypha syriaca. The protevangelium Jacobi and transitus Mariae, w. texts from the septuagint, the corân, the peschitta, and fromá syriae hymnin a syroarabic palimpsest of the fifth and other centuries. Edited and translat. by A. *Smith Lewis*, London, 1902.

Barton, G. A. Sketch of semitic origins, social and religions, New-York, 1902. 8⁰.

Bastian, Adolf. Fölkerhass oder Fölkerfrieden? Eine Fragestellung an die Zeit. 28 S. Berlin, Dietrich Reimer.

Bastian, A. Die Lehre vom Denken. T. 1. Berlin, Dümmler, 1903.

Batchelos, R. J. The Ainoce and their Folklore. (См. „М. Бож." 1902 № 3).

Bates, David. The Law of Likeness. Законъ подобія. Много оригинальныхъ мыслей о первобытныхъ обитателяхъ, простотѣ ихъ жизни, общинной организаціи, старинныхъ обрядахъ и символахъ и столкновеніи съ христіанской цивилизаціей).

Becker, M. L. Die Liebe im deutschen Märchen. Leipzig. 87 s.

Behrmann, S. Hamburgs Orientalisten. Hamburg, 1902.

Bérard, V. Les Phéniciens et l'Odyssée. Paris, Colin, 1902.

Bibliographie (Orientalische), bearbeitet und herausgegeben v. d-r *L. Scherman*. Berlin, 1902. Bnd. XV, H. I—III.

Bludau, A. Oberland, Ermeland, Natangen u. Barten. Eine Landes-u. Volkskunde. Stuttgart. XII+339.

Böklen, Ernst. Die Verwandtschaft der jüdisch—christlichen m. der parsischen Eschatologie, Göttingen. IV+150.

Braga, Th. Historia da poesia popular portuguesa. Lisboa, 1902. 3 ed. XIII+480, 8⁰.

Burghold, Jul. Ueber die Entwicklung der Ehe. Breslau.

Chants arabes du Maghreb. Etude sur le dialecte et la poësie populaire de l'Afrique du Nord p. C. Sonneck. Texte arabe. Paris, 1902.

Charencey, comte de, Gaidoy, H. et Gautte, Ch. de. Petition pour les longues provinciales au corps législatif de 1870. Paris, Picard. 1903.

Chauvin, V. La légende égyptienne de Bonaparte. Mons 1902. 8⁰ (оттискъ).

Claretic, G. De Syracuse à Tripoli. Une mission en Tounisie, In. 12.

Clozel et Villamur. Les coutumes indigènes de la Côte d'Ivoire. Paris Challamel, 1902.

Cobb, Sanfard H. The Rise of Religions Liberty in America. (Возникновеніе религіозной свободы въ Америкѣ).

Cock, A. de en Terlinck, J. Kinderspel en Kinderlust in Zuid-Nederland. 2 Deel: Danspelen. Gent, 1903.

Cordier, H. Histoire des relations de la Chine avec les poissances occidentales (1860—1902). 3 tom. Paris, 1901—1902, 8⁰ Av. cartes.

Crawley, E. The mystic Rose; a study of primitive marriage (См. „М. Бож." 1902. № 3).

Curtiss, S. J. Primitive semitic religion to-day. Chicago 1902.

Cushing, F. H. Zuni folk tales. London. 1902.

Czobel, von, Stephan. Die Genesis unserer Kultur.

Dalber, A. Eine Australien u. Südseefahrt. Leipzig, VIII+320.

Das Reichsland Elsass-Lothringen. Landes-und Ortsbeschreibung. Lieff. 1—4, 8⁰.

Davies, H. Amond hillsand valleys in western China. Incidents of missionary worx London.

Decken, R. Manuia Samoa! Samoanische Reiseskizzen u. Beobachtungen. Oldenburg.

De Windt, H. Finland as it is. London, XI+416.

Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. Nach den in öffentlichen und Privatsammlungen befindlichen Originalen Zusammengestelt und herausgegeben von der Direktion des römisch-germanischen Centralmuseums in Mainz. 5. Band, 1. Heft Mainz. Viktor von Zabern.

Diesterweg, M. Aus d. Pionierleben während meines 20-jährigen Aufenthalts in Südafrika. Burg, 1903.

Dietrich, Albrecht, Ueber Wesen und Ziele der Volkskunde.—**Usener, Hermann,** Ueber vergleichende Sitten-und Rechtsgeschichte. 68 S. (Aus den hessischen Blättern für Volkskunde). Leipzig, B. G.

Dorys, G. La femme turque. Paris.

Dvorak, Dr. Rudolph, Chinas Religionen. II. Theil: Lao-tsi und seine Lehre. VIII und 216 S. Münster i. W., Aschendorffsche Buchhandlung.

Einwald, A. 20 Jahre in Süd-Afrika. Reisen, Erlebnisse u. Beobachtgn. Hannover, VIII+136. Mit einer Uebersichtskarte.

Eisensten, R. F. Reise nach Malta, Tripolitanien u. Tunesien. Wien, mit 141 Abbildgn im Texte u. 1 Reisekarte.

Eliaksen muisto. Elias Lönnzotin muistoksi. 19 10/X 02. Памяти Эліаса Лённрута.

Elias Lönnrotin matkat. Hissä, 1902. Путешествіе Эліаса Лённрута. (1828—1844). Двѣ части.

Filchner, Wilhelm, Ein Ritt über den Pamir. Mit 96 Abbildungen und 2 Karten. X und 238 S. Berlin, Ernst Siegfried Mittler u. Sohn.

Foureau, P. D'Alger au Congo par le Tchad. Mission Foureau-Lamy, Paris.

Francke, A. Reynard the Fox in Ladakh. Отт. изъ Proc. of Asiatic Soc. of Bengal, 1902 X.

Franke, Dr. O., Die Rechtsverhältnisse am Grundeigentum in China. VI und 104 S. Lepzig, Dieterichsche Verlagsbuchhandlung. Theodor Weicher.

Frederiksen, N. La Finlande, économie publique et privée, Paris, 1902 (съ 2-мя карт.). Это основательное изслѣдованіе датскаго ученаго заключаетъ въ себѣ главы: 1) Финляндская культура, 2) земледѣльческіе классы, 3) земельная собственность, 4) земледѣліе, 5) лѣса, 6) горная и мануфактурная промышленность, 7) торговля, мореплаваніе и рыболовство, 8) монеты и банки, 9) пути сообщенія, 10) финансы и налоги, 11) правительство, будущность Финляндіи.

Friedländer, M. Der Antichrist in den vorchristlichen jüdischen Quellen. Göttingen. XXVIII+193.

Fruhstorfer, H. Tagebuchblätter. Leipzig, 1899—1901.

Führer durch des Museum für Völkerkunde zu Berlin. Berlin, Reimer, 1903.

Gayet, A. L'art copte. Paris, 1902. 8⁰.

Gloël, H. Die Familiennamen Wesels. Beitrag zur Namenkunde des Niederrheins. Wesel. XII+150.

Haberlandt, Dr. M., Daçakumâracaritam. Die Abenteuer der zehn Prinzen. Nach dem Sanskrit-Originale des Dandin übersetzt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen. IV und 160 S. München, F. Bruckmann.

Hardy, Edm. König Asoka. Indiens Kultur in der Blütezeit des Buddhismus. Mainz, IV+72. Mit 1 Karte und 62 Abbild. Цѣна 4 мр.

Hartmann, Martin, Der Islamische Orient. Berichte und Forschungen. Berlin, 1899—1902, I—V.

Hassert, K. Die neuen deutschen Erwerbungen in der Südsee: Die Karolinen, Marianen u. Samoa Inseln. Lpz 1903.

Hattori, U. Konfucius. Frankf. a. M.

Hedin, Sven. Forskningar i Lop-Nor område̊t. St-h. (Изслѣдованія изъ области Лобъ-норъ). Дополнительный томъ къ „Путешествію въ Азію" 1895—1897 год.

Heger, Fr. Alte Mesallfronmeln aus Südost-Asien. Leipzig, Hirsemann, 1902.

Hesse-Wartegg, E. v. Samoa, Birmarckarchipel u. Neuguinea. Leipzig, VIII+329.

Hillebrandt, A. Vedische Mythologie. Breslau, 1902. Bd. 3 (Schluss), 8⁰.

Hinde, S. L. The Last of the Masai London. (См. „М. Бож." 1902. № 3).

Hirn, Y. Skildryngar ur Pueblofolkens konstlef. H: fors. 1902. (Очеркъ искусствъ у пуэбло).

Hutchinson, H. G. Dreams and their meanings. London.

Kallio, O. A. Elias Lönnrot H: ssä, 1902. (есть шведскій переводъ).—Популярная біографія Лённрута, основанная, впрочемъ, на внимательномъ изученіи литературы.

Kirsch. Der Erstgeborene nach mosaischtalmud. Recht. Frankfurt a. M. I. Th.

Koch, Th. Die Guaikurustämme. Sabd. aus B. XXXIII d. Mitth. d. Anthrop. Ges. in Wien. Wien, 1903.

Krafft, H. A travers le Turkestan russe. Paris. Цѣна—100 фр.

Krahmer, Die Beziehungen Russlands zu Persien. Leip. 1903.

Krämer, A. Die Samoa Inseln. B. II. Stuttgart. 1903.

Krohn, Kaarle, Är Kalevala ett folkepos? (H: fors, 1902 (оттискъ).

Kryptadia. Tome VIII: 1) Chez les Wallons de Belgique, 2) Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven (окончаніе). 3) Glossaire cryptologique du breton, (3-е дополн.), 4) Folklore de l'Ukraine. Usages, contes, 5) Epigraphie Latrinale. Paris, 1902.

Kyylenstjerna, A. Bland mongoler och kineser, Stockholm.

Kuttner, Dr. Bernhard. Jüdische Sagen und Legenden für jung und alt gesammelt und wiedererzählt. 2. Bändhen. 76 S. Geb. Fran-Kfurta. M. I. Kauffmann.

Landau, W. v. Beiträge z. Altertumskunde des Orients. III. Die Stele von Amrinth. Die neuen phönizischen Inschrfiten. Lpz. Pfeiffer, 1903.

Lasch, R. Die Ursache u. Bedeutung der Erdbeben im Volksglauben u Volksbrauch. S. A. aus d. Archiv für Religionswissenschaft, B. V. 3—4. 1902.

Laube, G. Volkstümliche Ueberlieferungen aus Teplitz u. Umgebung. 2 Aufl (Beiträge z. deutch-böhmischen Volkskunde). Prag, 1902.

Lederbogen, W. Kameruner Märchen. Berlin, Meinecke, 1902 (?).

Letourneau, Ch. La Psychologie etnique. 1 vol. 6 fr.

Lindberg, H. The Schrew, argbiggans typi den engelska literaturen intill Shakespeare, Tavastshus, 1901.

Lindner, Th. Weltgeschichte seit des Völkerwanderung.

Linn, William Alexander. The Story of the Mormons. (Исторія мормоновъ).

Liszt, F. von. Das Völkerrecht, systematisch dargestellt. 2 Aufl. Berlin, XIV—412.

Lumholz, Carl. UnKnown Mexico. (Невѣдомая Мексика).

Madrolle, C. Les premiers voyages français à la Chine (La Compagnie de la Chine 1698—1719). Paris 1902.

Martin, R. Wandtafeln für den Unterricht in Anthropologie, Ethnographie u Geografie. Zürich. 1902.

Marquardt, C. Verzeichnis einer ethnologischen Sammlung aus Samoa. Berlin, Reimer, 1902.

Maurras, Ch. Anthinea, d'Athènes á Florence. In 12.

Mielke, R. Museen u. Sammlungen. Ein Beitrag zu ihrer weiteren Entwickelung. Leipzig, Wunder, 1903. брош.

Mitin, Alfred. L'Jnde d'aujourd'hui. Etude sociale. Paris, 1903. (описывается вліяніе англійской цивилизаціи на мѣстное населеніе и его нравы).

Monceaux, P. Histoire litteraire de l'Afrique chrétienne. Paris.

Montet, E. Les corfréries réligieuses de l'Islam marocain, leur rôle politique, religieux et sosial. Paris, 1902. 8⁰ (оттискъ).

Nansen, Fridtiof. Eskimoleben. Aus dem Norvegischen übersetzt von M. Langfeldt VIII und 304 S. Leipzig. Georg Heinrich Meyer.

Nicolay, F. Histoire des croyances superstitions, moeurs, usages et coutumes. 3 vol. gr. in 8⁰.

Ollone, Capitaine. De la Côte d'ivoire au Soudan et à la Guinèe. (1898 1900). Paris.

Otto, E. Pflanzer-u. Jägerleben auf Sumatra. Berlin, 1903.

Peiser-Berensberg, Frz. v. Mittheilungen üb. alte Trachten u. Hausrath Wohn u. Lebensweise der Saar-und Moselbevölkerung, gr. 4⁰.

Perthes Dr. Georg. Briefe aus China. Nebst 25 Bildern nach Originalaufnahmen. VIII und 148 S. Geb. Gotha, Iustus Perthes.

Prichard, Hesketh H. Through the Heart of Patagonia. (Въ нѣдрахъ Патагоніи).

Quiroga, A. La cruy en America. (Arqueologia Argentina) Buenos Aires, 1901.

Ratzel, Frdr. Die Erde und das Leben. Leipzig, I Bd, XIV+706.

Ratzel, Fr. Die Frde u. das Leben. B. II Lpz. 1902.

Regnault, J. Médecine et pharmacie chez les Chinois et les Annamites Par. 1902.

Reuschel, K. Volkskundliche Streifzüge 12. Vorträge über Fragen d. deutschen Volkskunde. Dresden. u. Lpz. Koch, 1903.

Riehel, W. H. Culturskitze aus drei Jahrhunderten. 6-e Aufl. Stuttgart. 1903. (Особенно интересны здѣсь живыя картины старинныхъ эпохъ цивилизаціи).

Rohrbach, P. Vom Kaukasus z. Mittelweer. Eine Hochzeits u. Studienreise durch Armenien. Lpz. Teubner, 1903.

Roth, J.,A. Berger u. O. Graf Zedlitz. Deutsches Weidwerk ..ter der Mittennachtssonne. Berlin, VII+178.

Rozan. Les animaux dans les proverbes, Paris.

Sakuntala. Ein indisches Spiel des Königs Kalidasa In deutscher Bühnenfassung von Marx Möller. II und 117 S. Berlin S. 42. Otto Elsner.

Santini, G. Rassi e usi nuzioli in olcuni vilaggi del preesistito circolo di Zara Zara, 1901.

Sassenbach, Iohann. Die Freimaurerei, ihre Geschichte, Thätigkeit und innere Einrichtung. 72 S. Berlin. Iohann Sassenbach.

Schanz, M. Westafrika. Berlin. Süsserott, 1903.

Schöller, Max. Mitteilungen über meine Reise nach Aequatorial-Ost-Afrika und Uganda 1896—1897. Berlin, 3 Bde

Schömann, G. F. Griechische Alterthümer, Bnd. II, 8⁰.

Seler, E. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach. u. Altertumskunde. B. I. Berlin. 1902.

Sievers, Dr. Wilhelm, Prof., Süd-und Mittelamerika. Eine allgemeine Landeskunde Zweite neubearbeitete Auflage. 1 Lief. Vollständig in 14 Lieferungen mit 145 Abbildungen im Text. 10 Karten und 20 Tafeln in Holzschnitt, Aetzung und Farbendruck. Leipzig und Wien, Bibliographisches Institut.

Skeat, W. Tables a. Folk-Tales from an Eastern Forest. Cambridge, 1901.

Sladen, A. H. In Sicily (1896—1898—1900). London, 2 vols.

Snorre, Sturlason. Kongesagaer, oversat of dr *G. Storm.* Kristiania, 1900 Изящное изданіе „Королевскихъ сказаній“, съ біографіей Снорре Стурласона, рисунками и картами, указателемъ именъ.

Snouck Hurgronje, C. Les confréries riligieuses, la Mecque et le Panislamisme. Paris, 1901. 8⁰.

Steinmetz, S. R. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika u. Ozeanien. Berlin, Springer, 1903.

Stephani, K. G. Der älteste deutsche Wohnbau u. seine Einrichtung. Leipzig, Bnd. I, XII+448.

Stern, B. Medizin, Aberglaube u. Geschlechtsleben in der Türkei. 2 B.

Suau, P. L'Inde tamoule. Gr. in 8⁰ avec 130 illustr.

Sven Lönborg. Finnmarkerna i mellersta Skandinavien. Отт. изъ Imer'a 1902.

Sycz, Dr. S., Ursprung und Wiedergabe der biblischen Eigennamen im Koran. 64. S. Frankfurt a. M., I. Kauffmann.

Talmud, der babylonische. Hrsg naeh der editio princeps (Ven. 1520—1523), nebst Varianten... übers. u. m. kurzen Erklärungen versehen v. *L. Golenschmidt.* Berlin, VII Bd. Civil u. Strafrecht.

The Natives of S. Africa their Economie a Social Condition. Ed. by the S. Afrikan Native Races Cornmitee. L. Murroy, 1901.

Tweedie, Mrs Alec. Mexicoas isaw it. London.

Valtyr Gudmundsson, Islands Kultur ved Aarhundreds Kiftot 1900. Kopenhagen, 1903.

Webber, Thomas, W. The Forests of Upper. (Лѣса верхней Индіи и ихъ обитатели).

Wehle, J. u Mucke, E. Sprichwörter, sprichwörtliche Redensarten u. Ausdrücke der Oberlansitzer. Wenden. (Wendisch) Bautzen, 1902.

Weule, K. Völkerkunde u. Urgeschichte im 20 Jahrhunder. Eisenach u. Lpz. 1902.

Wiklund, K. B. I Kalevalafragan. Upsala, 1902.

Wilutzki, Paul. Vorgeschichte der Rechts. I Band. Mann und Weib, die Eheverfassungen. Breslau. (Говорится о происхожденіи брака, брачномъ правѣ, поліандріи, полигаміи и материнскомъ правѣ).

Wyon, Reginald and Prance, Geralg. The Land of the Black Mountain (Черногорія)

Zabel, R. Durch die Mandschurei u. Sibirien. Reisen u. Studien. Lpz. Wigand, 1902.

Zanne, J. A. Proverbes roumains de Roumanie, Bessarabie, Bucovine, Hongrie Istrie et Macédonie. Vol. 1—6, 8 Budapest, 1895—1901. gr. 8⁰ Mr. 75.

ХРОНИКА.

50-лѣтіе ученой дѣятельности академика А. Н. Пыпина праздновалось его почитателями 25 марта этого года. А. Н. родился въ Саратовѣ въ 1833 году, окончилъ курсъ петербургскаго университета въ 1853-емъ и въ этомъ же году появилась его первая статья въ «Отеч. Запискахъ» о драматургѣ XVIII вѣка Лукинѣ. Въ 1857 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію, потомъ два года былъ въ заграничной командировкѣ, готовясь къ каѳедрѣ исторіи европейскихъ литературъ; въ 1860 г. онъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора, но уже въ 1861-омъ вышелъ въ отставку, сталъ работать въ «Современникѣ», готовить трудъ по апокрифамъ, скоро вышелъ капитальный совмѣстный трудъ его и Спасовича: «Исторія славянскихъ литературъ». Въ 1867 г. былъ основанъ «Вѣстникъ Европы», и А. Н. сталъ его дѣятельнымъ сотрудникомъ. За это время имъ было много напечатано какъ въ журналѣ, такъ и отдѣльно, а именно: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 1820 до 1850-хъ годовъ», «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», «Исторія русской этнографіи», «Исторія русской литературы» и др. Въ 80-хъ годахъ имъ изданы его труды по старой русской письменности: «Сводный старообрядческій синодикъ», «Изъ исторіи народной повѣсти», «Для любителей русской старины», «Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ» и др.

Въ 1899 году А. Н. былъ избранъ и утвержденъ ординарнымъ академикомъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Члены Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. послали юбиляру поздравительную телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Глубокоуважаемый Александръ Николаевичъ! Кружокъ московскихъ этнографовъ, высоко цѣня Вашу полувѣковую научную дѣятельность, какъ историка русскаго общества, изслѣдователя-филолога и этнографа, привѣтствуетъ въ Вашемъ лицѣ знаменитаго русскаго ученаго и, сердечно поздравляя съ исполнившимся семидесятилѣтіемъ Вашей плодотворной жизни, желаетъ Вамъ здоровья и силъ для продолженія трудовъ на пользу и славу русской науки. Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла: Всеволодъ Миллеръ».

Памяти Гастона Пари (Gaston Paris). Въ мартѣ текущаго года скончался въ Парижѣ Гастонъ Пари, членъ французской Академіи и Института, знатокъ своего родного языка и литературы, талантливый профессоръ и дѣятельный литераторъ.

Какъ лекціи, такъ и литературныя работы покойнаго были, главнымъ образомъ, посвящены памятникамъ средневѣковой французской литературы, которыми Гастонъ Пари съ интересомъ и любовью занимался до самой смерти.

Въ своей работѣ «La poésie du Moyen Age», представляющей сборникъ лекцій, читанныхъ между 1866—1884 годами въ Collège de France, Гастонъ Пари разбираетъ нѣкоторые литературные памятники (La chanson de Roland, La chanson du pélerinage de Charlemagne) и излагаетъ свои воззрѣнія на поэзію Среднихъ вѣковъ, выясняетъ ея смыслъ и значеніе, указываетъ на ея отличительныя черты и на ея неотразимую безыскусственную прелесть.

Герою поэтическихъ твореній средневѣковья Карлу Великому Гастонъ Пари посвящаетъ обширный трудъ «L'histoire poetique de Charlemagne»; въ немъ авторъ съ глубокимъ пониманіемъ законовъ поэтическаго творчества изображаетъ, какъ постепенно народная фантазія овладѣваетъ историческими событіями и лицами, и, заключивъ ихъ въ образную форму пѣсни или легенды, измѣняетъ соотвѣтственно своимъ художественнымъ требованіямъ.

Изученіе литературныхъ памятниковъ Среднихъ вѣковъ Гастонъ Пари неразрывно связывалъ съ необходимостью знанія народной словесности, съ серьезнымъ знакомствомъ съ фольклоромъ. Произведенія народной поэзіи всегда привлекали его вниманіе, возбуждали его интересъ и вызывали остроумныя, содержательныя изслѣдованія. Такъ, широко распространенный сказочный сюжетъ «Мальчикъ съ пальчикъ» послужилъ Гастону Пари темою для его работы «Le petit Poucet et la grande Ourse», въ которой онъ, сравнивая многочисленныя сказки разныхъ эпохъ и народовъ, старается опредѣлить происхожденіе этой сказки и, наконецъ, сводитъ ее къ древнимъ легендамъ, относящимся къ созвѣздію Большой Медвѣдицы.—Къ произведеніямъ народнаго творчества Гастонъ Пари обращается и въ сочиненіи своемъ «Le Roman de Renard», приводя въ связь эту повѣсть, плѣнявшую воображеніе людей въ Средніе вѣка, съ многочисленными сказками о животныхъ. При выясненіи этой связи Гастонъ Пари пользовался работами о животномъ эпосѣ различныхъ ученыхъ, между прочимъ, и нашего, преждевременно умершаго, изслѣдователя Колмачевскаго.

Произведеніямъ народной же словесности посвящена статья Гастона Пари, помѣщенная въ журналѣ «Zeitschrift des Vereins fur Volkskunde» 1903 г. Heft I. Въ ней онъ разсматриваетъ сказку о неблагодарной женѣ, сюжетъ которой въ многообразныхъ измѣненіяхъ встрѣчается въ памятникахъ древней Индіи, въ еврейской и магометанской литературѣ, въ старинныхъ рукописяхъ Западной Европы, наконецъ, въ живой устной передачѣ между современными малайскими племенами.

Сравнивая разнообразныя версіи вышеназванной сказки, Гастонъ Пари отмѣчаетъ устойчивость сюжета, особенности варіантовъ и слѣды міровоззрѣнія тѣхъ народовъ, у которыхъ эта сказка появлялась.

Занимаясь литературою былого, Гастонъ Пари не оставался равнодушенъ къ проявленіямъ творческаго духа въ современной ему изящной словесности. Все художественное, носившее отпечатокъ поэтическаго дарованія, привлекало его вниманіе. Результатомъ его интереса къ современнымъ литературнымъ трудамъ явилась книга «Penseurs et Poètes»; въ ней онъ даетъ очеркъ нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ (между прочимъ Мистраля, современнаго пѣвца Прованса), отмѣчая особенности ихъ поэзіи.

Серьезная научная разработка литературныхъ вопросовъ, изящное, образное изложеніе, тонкое пониманіе поэзіи разбираемыхъ памятниковъ заставляютъ видѣть въ Гастонѣ Пари не только серьезный умъ, но и чуткую поэтическую душу. Это дѣлаетъ труды умершаго цѣнными не только какъ ученыя сочиненія, но и какъ произведенія изящной словесности [1]).

Е.

Памяти Валлина. 23 октября нов. ст. 1902 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти арабиста Валлина. Георгъ Августъ Валлинъ родился 24-го октября 1811 года въ семьѣ камеральнаго совѣтника на Аландѣ, и уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ горячее желаніе пробраться въ Святую Землю. Восемнадцати лѣтъ отроду онъ поступилъ въ Александровскій университетъ, гдѣ занимался, главнымъ образомъ, филологіей; однако, художественная его натура иногда не выдерживала, и тогда онъ со всѣмъ пыломъ предавался музыкѣ. Въ 1836 году Валлинъ, уже магистръ, былъ назначенъ аммануэнсомъ университетской библіотеки и, ничѣмъ не тревожимый, посвятилъ свои силы изученію восточныхъ языковъ. Въ 1839 году онъ защитилъ диссертацію (на латинскомъ языкѣ) «О различіи между древнимъ (ученымъ) арабскимъ языкомъ и современнымъ народнымъ». Тогда же онъ задумалъ путешествіе въ Египетъ и Аравію; для этого онъ выучился въ Институтѣ восточныхъ языковъ въ СПБ. (при министерствѣ иностр. дѣлъ) говорить по-арабски и по-персидски, чтобы снискать себѣ довѣріе мусульманъ, слушалъ въ Гельсингфорсѣ, въ теченіе 1841—1842 годовъ, медицинскія лекціи. Скоро онъ покинулъ Финляндію и надолго водворился въ Каирѣ. Непритязательность сыновъ пустыни такъ увлекала Валлина, что онъ жилъ, какъ мусульманинъ (подъ именемъ Вали-эфенди). Отсюда онъ предпринималъ большія путешествія въ Аравію, Сирію и Персію. Въ одеждѣ пилигрима ему удалось даже совершить «хажжъ» въ Мекку, священный городъ мусульманъ. Увѣнчанный славой, онъ въ 1850 году вернулся на родину

[1]) Кромѣ поименованныхъ сочиненій къ трудамъ Г. П. относятся „Chanson du XV siécle", „Deux Rédactions du roman des sept Sages de Rome", сочиненія по исторіи фр. яз. и многочисленныя статьи въ различныхъ журналахъ.

и былъ избранъ на каѳедру восточныхъ языковъ, освободившуюся послѣ Г. Гейтлина. Его работа *«Ueber die Laute des arabirchen und ihre Bezeichnung»* [1]) возбудила большія надежды среди семитологовъ, однако, имъ не суждено было сбыться. Неудачи надломили хилое здоровье Валлина, и онъ внезапно скончался отъ разрыва сердца.

Какъ разсказываетъ Авг. Шауманъ, молодежь немало гордилась своимъ знаменитымъ соотечественникомъ. Съ грустью несли студенты прахъ дорогого своего профессора; западно-финское землячество, къ которому принадлежалъ Валлинъ, украсило его портретомъ университетскую залу.

Вообще, Валлинъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ; но кто возбуждалъ въ немъ симпатію, передъ тѣмъ онъ раскрывалъ свою душу. Къ арабамъ и ихъ быту онъ до конца дней своихъ сохранялъ странную любовь [1]). Однажды, Шауманъ, выискивавшій охотниковъ на курсъ англійскаго языка, объявленный Валлиномъ, зашелъ къ нему въ комнату. Никого не видя тамъ, онъ собирался уже уходить, какъ взоръ его случайно упалъ на стулъ, на которомъ сидѣлъ Валлинъ, одѣтый въ арабскую одежду, и читалъ какую-то восточную книгу, опершись локтями о колѣни. Это внѣшнее подражаніе арабамъ вытекало у Валлина изъ его безпристрастнаго сужденія о народностяхъ: для него нравственныя качества человѣка были дороже его ума; вотъ, почему, изъ-подъ его пера выливались желчныя нападки на европейскую цивилизацію.

Путевыя письма Валлина изданы по-шведски С. Элмгреномъ (H: fors, 1864—1866, Bd. I—IV); отрывки были напечатаны также по-англійски въ *«Журналъ Лондонскаго географическаго общества»*. Кромѣ того, онъ издалъ «Опытъ антологіи ново-арабскихъ пѣсенъ», собранныхъ въ пустынѣ [2]).

Вл. Грдл.

Д-ръ Шерцеръ. Некрологъ. Въ февралѣ текущаго года 82 л. скончался видный научный дѣятель, Dr. K. V. Scherzer, оказавшій существенныя заслуги въ области географіи и этнографіи. Начавъ съ скромнаго ремесла—покойный въ молодости былъ наборщикомъ—онъ быстро, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, составилъ себѣ солидное образованіе. Тридцати лѣтъ онъ является уже путешественникомъ серьезнымъ и наблюдательнымъ. Результатомъ его странствованій по Соединеннымъ Штатамъ, Центральной Америкѣ и Вестъ-Индіи являются нѣсколько трудовъ, написанныхъ частью въ сотрудничествѣ съ его спутникомъ естествоиспытателемъ М. Вагнеромъ.—Reisen in N. Amerika, 1854; Die Republik Kosta Rika, 1856 и др. По окончаніи трехлѣтняго кругосвѣтнаго путешествія Шерцеръ былъ участникомъ извѣстной экспедиціи фрегата Novara въ 1857—59 г.,—имъ была обработана часть

---

[1]) ZDMG, Bd. IX, XII.
[2]) ZDMG, Bd. V—VI (1851—1852).

матеріаловъ, добытыхъ экспедиціей, касающаяся этнографіи и политико-экономическихъ вопросовъ посѣщенныхъ мѣстностей.

Въ 1869 г. Шерцеръ совершилъ еще разъ кругосвѣтное путешествіе. Въ 1872 г. онъ былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Смирнѣ; результатомъ его пребыванія въ краѣ явилось обширное изслѣдованіе: Smyrna, mit besonderer Rücksicht auf die geographischen wirtschaftlichen u. intellektuellen Verhältnisse von Vorderasien, 1873. Онъ высоко цѣнилъ значеніе торговой географіи,—и на поприщѣ этой науки имъ было также поработано не мало. Многочисленныя наблюденія и серьезный матеріалъ, собранный въ теченіе дальнихъ и близкихъ путешествій, на служебномъ поприщѣ генеральнымъ консуломъ въ Смирнѣ, Лондонѣ, Лейпцигѣ, Генуѣ, покойный обработалъ въ своемъ трудѣ: Das wirtschaftliche Leben der Völker. Leipzig. 1885. Неутомимый труженикъ онъ еще въ 1899 г. совершилъ путешествіе по Южной Америкѣ отъ Буеносъ-Айреса въ Боливію и Перу. Признавая его плодотворную научную дѣятельность, философскій факультетъ Гиссенскаго (Giessen) университета призналъ его достойнымъ докторской степени, а въ 1899 г. черезъ 50 л. возобновилъ его.

Фееръ. Некрологъ. «Revue de l'Histoire des Religions» съ сожалѣніемъ упоминаетъ о скончавшемся въ прошломъ году скромномъ труженикѣ ученомъ L. Feer'ѣ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ его труды: 1) переводъ, снабженный многими цѣнными примѣчаніями сочиненія A. Csoma de Körös; Analyse du Kandjour et du Tandjour; 2) Fragments extraits du Kandjour, пер. съ тибетскаго; 3) Avadana Çataka, сто буддійскихъ легендъ, перев. съ санскритскаго (всѣ названные труды появились въ Annales du Musée Guimet, t. II, V и XVIII); 4) Dhammapada, пер. съ тибетскаго (Bibliothèque orientale elzévirienne) и 5) Les trente deux récits du trône (Collection de Coutes et de Chansons populaires). Покойный Feer читалъ нѣкоторое время лекціи въ Collège de France и въ École des Langues orientales vivantes. Онъ принималъ также живѣйшее участіе въ Journal Asiatique.

Музей имени Петра Великаго—такое названіе рѣшено дать бывшему музею по антропологіи и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ, который, въ совершенно преобразованномъ видѣ, предполагается открыть къ 200-лѣтію Петербурга. Въ составъ музея вошло много предметовъ изъ бывшей «кунсткамеры» Петра, въ особенности—изъ антропологическихъ коллекцій ея. Помѣщеніе музея расширено; коллекціи, хранившіяся въ складахъ, извлечены оттуда; все пересмотрѣно; работами руководилъ ак. В. В. Радловъ. Очень много вниманія удѣлено тому, чтобы расположить рядомъ, въ извѣстной постепенности, коллекціи народовъ, живущихъ рядомъ, имѣющихъ одну и ту же религію, культуру, языкъ и, вообще, соприкасающихся почему-либо между собою.

Въ новыхъ залахъ нижняго этажа представлена этнографія всего сѣвера, начиная отъ Америки (Калифорніи): алеуты и американскіе эскимосы, азіатскіе чукчи (полная картина ихъ жизни, богослуженія и т. д. въ обстановкѣ юрты), коряки, юкагиры, обрусѣвшіе комчадалы; далѣе палеазіаты: гиляки и айны, имѣющіе одну и ту же культуру. Далѣе— ламуты, шаманствующіе тунгусы, остяки, самоѣды, лапландцы; затѣмъ— финны, черемисы, мордва. Потомъ тюркскіе народы: якуты, киргизы и т. д. Каждая коллекція систематизирована и даетъ полное представленіе о бытѣ народа.

При выходѣ изъ сѣверныхъ залъ на лѣстницѣ начинается коллекція буддистовъ: картины, кумиры, другіе предметы. Рядомъ помѣщена этнографія Китая; есть рѣдкія коллекціи петровскаго времени, относящіяся къ древне-китайской до-маньчжурской династіи. Этнографія Китая показана, вообще, очень полно. Рядомъ съ ней помѣщена этнографія Индіи. Имѣется большая сіамская коллекція рыболовныхъ принадлежностей, новая коллекція Тонкина, коллекція костюмовъ бомбейскихъ рыбаковъ. Затѣмъ слѣдуютъ коллекціи, вывезенныя съ М.-Зондскихъ острововъ, Явы, Борнео, Целебеса, Суматры, Микронезіи, Меланезіи, Новой Гвинеи; здѣсь очень интересна коллекція изъ быта малайскаго племени карабатановъ.

Въ самомъ концѣ помѣщена этнографія Африки. Начинается она съ центральной темной Африки (коллекція Юнкера) и переходитъ къ африканцамъ, подвергнувшимся вліянію арабовъ, затѣмъ—къ африканскимъ арабамъ и къ Абиссиніи. Кромѣ прекрасной суданской коллекціи, здѣсь имѣется единственная въ Россіи коллекція бенинскихъ древностей, литыхъ изъ мѣди, принадлежавшая Мейру и оцѣненная въ 27.000 руб.

Установка музея еще не вполнѣ закончена.

„С.-Пб. Вѣд“.

Нѣсколько засѣданій славистовъ по организаціи съѣзда дѣятелей по славяновѣдѣнію, въ августѣ или сентябрѣ 1904 г., происходило въ Петербургѣ въ апрѣлѣ текущаго года. Предположено учредить подготовительный комитетъ. Обсуждался вопросъ объ изданіи славянской энциклопедіи. Поднятъ вопросъ о необходимости принять мѣры къ сохраненію народныхъ пѣсенъ и пословицъ славянъ (запись ихъ при помощи фонографа), о необходимости расширенія въ русскихъ университетахъ каѳедры славяновѣдѣнія (съ возстановленіемъ на юридическихъ факультетахъ каѳедры исторіи славянскихъ законодательствъ). Предположено будущій съѣздъ разбить на слѣдующіе семь отдѣловъ: языкъ, этнографія, литература, исторія, археологія, право, общіе вопросы. Поднятъ также вопросъ объ изученіи народовъ балтійской группы.

Поставленъ вопросъ объ изданіи церковно-славянскаго словаря и славянской библіографіи; словари Миклошича и Востокова страдаютъ существенными недостатками и новый словарь предпринимается отдѣленіемъ русс. яз. и слов. Академіи Наукъ. Библіографія же ведется одновременно чешскими и русскими учеными.

Въ съѣздѣ принимаютъ участіе: И. В. Ягичъ, А. Н. Веселовскій, В. И. Ламанскій, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Т. Д. Флоринскій, А. С. Будиловичъ, П. А. Лавровъ, М. С. Дриновъ, А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, А. И. Соболевскій, Ф. Ө. Фортунатовъ, М. Н. Сперанскій, Н. П. Кондаковъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, И. С. Смирновъ, А. М. Ляпуновъ, Н. Л. Пташицкій, В. Н. Кораблевъ, Э. А. Вольтеръ, К. І. Явнисъ, К. Я. Гротъ, А. И. Александровъ и др.

Этнографическій сборникъ Владимирской губерніи предполагался къ изданію Владимирской губ. ученой архивной комиссіей, о чемъ сообщалось еще въ 1901 году. («Влад. губ. Вѣд.» 1901, № 31). Программа намѣчалась широкая: она касается селеній, архитектуры и убранства домовъ, этнографическаго состава населенія, діалектическихъ особенностей говора, характерныхъ особенностей одежды, пищи, занятій, обычаевъ, обрядовъ, игръ, повѣрій и народнаго творчества.

Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, опубликовалъ свой уставъ, Высочайше утвержденный 2-го февраля 1903 года. Комитетъ имѣетъ цѣлью: а) всячески содѣйствовать изученію сохранившихся памятниковъ, какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ, въ существующихъ странахъ; б) путемъ постояннаго сношенія съ мѣстными дѣятелями и учрежденіями, выяснить, какіе памятники подлежатъ скорѣйшему изученію и какія народности должны быть въ ближайшемъ будущемъ изслѣдованы въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ и, такимъ образомъ, спасены для науки; в) охранять памятники, которымъ грозитъ разрушеніе отъ времени и рукъ человѣка; г) намѣтить планъ совмѣстнаго изслѣдованія и обсужденія общенаучныхъ вопросовъ, касающихся всей совокупности народовъ соотвѣтствующихъ странъ; д) облегчить всѣмъ ученымъ участіе въ работѣ «Комитета». «Русскій Комитетъ» состоитъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Комитетъ можетъ открывать филіальныя отдѣленія во всѣхъ пунктахъ изслѣдуемой территоріи, командируетъ соотвѣтствующихъ лицъ, печатаетъ свои протоколы и изданія, безпошлинно и безъ пересмотра цензуры получаетъ всякія произведенія печати, касающіяся занятій Комитета и т. д.

(„Прав. Вѣстн.“ и „Русс. Вѣд.“).

Коллекціи изъ быта болгаръ Бердянскаго уѣзда и брошюра, посвященная этимъ болгарамъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ «Этн. Обозрѣнія», готовится Н. С. Державинымъ къ этнографической выставкѣ на

будущемъ археологическомъ съѣздѣ въ Екатеринославѣ. Ведутся переговоры съ Земствомъ.

«Курячій богъ» былъ описанъ въ прошломъ году г. М. Комаровымъ въ «Костром. губ. Вѣдомостяхъ» (1902, № 3). Это—небольшой камень со сквознымъ естественно-образовавшимся отверстіемъ; онъ охраняетъ куръ отъ кикиморы.

Личность Эліаса Лённрута обрисовывается нѣкоторыми новыми интересными чертами въ двухъ недавно вышедшихъ изданіяхъ: 1) *Elias Lönnrotin matkat.* H:ssä, 1902. Путешествія Эліаса Лённрута (1828—1844). Двѣ части. Очерки, отрывки изъ дневника и письма съ дороги. Книга представляетъ большой интересъ и для русскаго читателя, такъ какъ въ ней авторъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, сообщаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи. Авторъ мягко и тепло отзывается о русскомъ народѣ и выступаетъ его защитникомъ противъ обвиненій, возводимыхъ его врагами. Къ «Путешествіямъ» приложенъ прекрасно исполненный портретъ Лённрута, писанный въ 1845 году Будковскимъ, и двѣ карты. 2) *Eliaksen muisto.* Elias Lönnrotin muistoksi, $19\frac{10}{X}02$. Памяти Эліаса Лённрута. $19\frac{10}{X}02$. Это—небольшой сборникъ, связанный съ знаменательнымъ днемъ въ жизни Лённрута: 10-го октября 1822 года Лённрутъ былъ внесенъ въ матрикульные списки тогда еще Абосскаго университета.—Изъ статей, вошедшихъ въ составъ сборника, наибольшаго вниманія заслуживаетъ характеристика мелочного провинціальнаго общества въ Каянѣ (на сѣверѣ Финляндіи), гдѣ Лённрутъ занималъ должность врача. Статья эта, основанная на дневникѣ Лённрута, написана извѣстнымъ изслѣдователемъ Калевалы, д-ромъ А. Н. (іеми). Къ книгѣ приложенъ портретъ Лённрута съ семьей, и памятникъ, сооруженный скульпторомъ Э. Викстрёмомъ.

Вл. Г.

О названіяхъ мѣсяцевъ и счисленіи времени у финновъ сообщилъ на засѣданіи Финскаго археологическаго общества *д-ръ Г. Грутенфельтъ*. Референтъ указалъ, что въ документахъ начала XVII вѣка, наряду съ обычными названіями мѣсяцевъ, попадаются и народныя названія: такъ, mätäkuu (гнилой мѣсяцъ)—августъ, talvikuu (зимній мѣсяцъ)—декабрь.

Готлундъ и другіе ученые еще раньше отмѣчали названія, уклонявшіяся отъ общеизвѣстныхъ, напр.: syvänkuut (мрачные мѣсяцы)—январь и февраль, vaahtokuu (снѣжный мѣсяцъ), haukikuu (мѣсяцъ щукъ)—мартъ и апрѣль или наоборотъ, mahlakuu (мѣсяцъ распусканія деревъ), sulavakuu (нѣжный мѣсяцъ) и kyntökuu (мѣсяцъ пахоты) — май,

ṙuojakuu (грязный мѣсяцъ)—октябрь, routakuu (мерзлый мѣсяцъ)—ноябрь. Многія изъ этихъ наименованій употребляются также эстами и другими финскими народностями.

Различныя обстоятельства свидѣтельствуютъ, что финны, какъ и многіе другіе народы въ Сибири и на Уралѣ, дѣлили сначала годъ на тринадцать мѣсяцевъ, по двадцати-восьми дней въ каждомъ. Такъ, Лённрутъ записалъ въ Кареліи тринадцать названій мѣсяцевъ. Годъ у финновъ начинался, вѣроятно, въ срединѣ ноября.

Вл. Г.

Этнографическій музей имени Антелля (въ Гельсингфорсѣ) обогатился за истекшій годъ многими коллекціями. Такъ, м-ръ У. Сиреліусъ вывезъ изъ путешествія къ остякамъ и вогуламъ восточной Россіи и Сибири множество предметовъ, освѣщающихъ ихъ рыбный и охотничій промыслы, а также ихъ религіозныя воззрѣнія. Среди идоловъ находится небольшой божокъ, врученный населеніемъ м-ру Сиреліусу передъ его отъѣздомъ въ Финляндію, чтобы тотъ охранялъ его на пути отъ несчастія.

Прибалтійскія провинціи, эсты и ливы, шведы, населяющіе прибрежные острова, представлены въ коллекціяхъ д-ра А. О. Хейкеля, собранныхъ имъ во время его трикратнаго путешествія. Онъ же пріобрѣлъ на кустарной выставкѣ въ СПБ. этнографическіе предметы изъ быта финскихъ инородцевъ въ Россіи. Среди новыхъ пріобрѣтеній музея обращаютъ на себя вниманіе и кустарныя издѣлія южной и средней Эстерботніи. Большое научное значеніе представляетъ и этнографическая коллекція, вывезенная д-ромъ Э. Вестермаркомъ изъ Марокко. Въ ней преобладаютъ ружья (рѣзныя), кинжалы, красные и черные плащи, которыми берберы одновременно покрываютъ спину лошади, ковры и занавѣси, рисунокъ которыхъ походитъ на финскій орнаментъ, кольца (ножныя), запястья, уборы, надѣваемые невѣстой на лобъ, и амулеты. Такъ, на застежкахъ изображенъ крестъ, съ большимъ вызвышеніемъ посрединѣ и малыми на концахъ; это—амулетъ отъ дурного глаза, основанный на вѣрѣ въ чудодѣйственную силу числа 5. Тотъ же символъ (напр., распростертая ладонь-колпачекъ надъ висячей мѣдной лампой) усматривается и на другихъ предметахъ.

Вл. Г.

Годовщина финско-угорскаго общества праздновалась 2-го декабря нов. ст. 1902 года, въ день его основанія. Предсѣдатель Общества, проф. Отто Доннеръ (отецъ), сказалъ слово о великомъ значеніи Эліасса Лённрута въ исторіи изученія народнаго творчества.

Доцентъ Г. Вихманъ прочелъ отчетъ за истекшій годъ. Въ теченіе года вернулись изъ своихъ научныхъ путешествій м-ры: К. Карьялайненъ и Г. Лундъ; м-ръ А. Каннисто все еще пребываетъ среди сибирскихъ вогуловъ. На средства университета были отправлены доценты:

Г. Пасонекъ и Г. Вихманъ; кромѣ того, Общество изъ своихъ суммъ выдавало стипендіи иностранцамъ (обыкновенно русскимъ народнымъ учителямъ инородческаго населенія). Изъ фонда имени проф. А. Альквиста были даны пособія д-ру Г. Ойянсу и м-ру Ф. Эймя.

Доходы Общества за годъ выражаются въ такихъ цыфрахъ: 15,000 мар. сенатъ ассигновалъ на расходы по веденію работъ, начатыхъ въ Китаѣ и Монголіи Лундомъ и Рамстетомъ, 36,000 мар.—на изданіе «Finnisch. ugrische Forschungen» (въ теченіе 6 лѣтъ) и 25,000 мар. (по 2,500 мар. ежегодно)—на изданіе этнографическихъ рисунковъ д-ра Акселя Хейкеля.

Общая сумма капиталовъ Общества равнялась 158,102 мар. 75 пн. (считая и вознагражденіе, выданное управленіемъ Сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ за утрату матеріаловъ Рамстета).

По предложенію проф. Э. Н. Сетэля, Общество намѣревается издать этнографическую карту финско-угорскихъ народовъ.

Вл. Г.

Изслѣдованіе руническихъ надписей. *Шведское литературное общество* увѣнчало въ 1902 году наградой въ 2.000 мар. извѣстнаго языковѣда д-ра Г. Пиппинга, автора «Om runiskrifterna pa de nyfunna Ardréstenarna» и «Gotlöndska studeer». Объявляя объ этомъ, предсѣдатель, проф. М. Г. Шюбергсонъ напомнилъ о большомъ значеніи руническихъ надписей. Старѣйшія рукописи восходятъ къ началу XIII вѣка; такимъ образомъ, для исторіи шведскаго языка руническія надписи, находимыя отъ третьяго вѣка по Р. Х., неоцѣнимы. Онѣ, напр., свидѣтельствуютъ, что уже тогда были тѣ діалектологическія границы, которыя проходятъ въ современныхъ нарѣчіяхъ шведскаго языка. Эти надписи ярко рисуютъ также бытъ населенія, занимавшагося морскими походами и набѣгами; въ нихъ часто упоминаются чужія страны: Греція, Англія и Гордарикъ (т.-е. Русь). Какъ это ни грустно, до сихъ поръ надписи не были найдены ни на восточномъ побережьѣ Ботническаго залива, ни на Аландѣ; между тѣмъ, онѣ могли бы пролить свѣтъ и на діалектическія уклоненія шведскаго языка и даже на время переселенія шведовъ въ Финляндію.

Вл. Г.

Взглядъ на исторію шведскаго языка высказалъ д-ръ Пиппингъ въ засѣданіи Финскаго арх. о-ва. Сперва онъ указалъ на современныя теоріи, объясняющія измѣненія въ языкѣ, и, между прочимъ, формулировалъ тотъ взглядъ, теперь все болѣе и болѣе распространяющійся, что измѣненія языка зависятъ отъ условій, въ которыхъ находится подрастающее поколѣніе. Увеличеніе рождаемости, наступающее за періодами большой смертности, сопровождается и измѣненіями въ языкѣ. Повидимому, исторія шведскаго языка подтверждаетъ это; язычныя измѣненія связываются съ важными моментами въ исторіи сѣвера: эпохой

викинговъ, второй половиной XIV стол. (моръ), stora ofreden. Разрывъ между старымъ шведскимъ языкомъ и современнымъ, происшедшій въ эпоху реформаціи, д-ръ Пиппингъ объяснялъ культурнымъ вліяніемъ, хотя и напомнилъ, что время между концомъ XV вѣка и срединой XVI вѣка ознаменовалось чумой и войнами.

Вл. Г.

Культурно-историческое общество «Урдъ» недавно образовалось въ Упсалѣ. Учредитель Общества, доцентъ Альмгренъ, развивалъ ту мысль, что культурная исторія понимается не въ обычномъ своемъ значеніи; въ понятіе объ этой наукѣ входитъ до-историческая культура и будничный бытъ въ историческую эпоху, иными словами, культурная исторія это—исторія, еще не диффеpенцировавшаяся. Организація Общестка очень не сложна: уставъ будетъ введенъ только впослѣдствіи, если въ немъ явится надобность. На собраніяхъ (ежемѣсячныхъ) будутъ читаться сообщенія, освѣщаемыя снимками и изображеніями. Общество дѣлится на четыре комиссіи: а) для изученія до-исторической культуры, б) для изученія фольклора и топографіи, в) для изученія сельскаго кустарнаго искусства и искусства вообще, г) для архивныхъ изысканій. Предсѣдателемъ Общества избранъ проф. Норенъ.

Вл. Г.

Очеркъ искусствъ у пуэбло далъ въ недавно-вышедшей книгѣ *Hirn, Y.*: Skildringar ur Pueblofolkens konstlif. H: fors, 1902. Пуэбло—это индѣйское племя, населяющее Новую Мексику. Все міровоззрѣніе этого народа проникнуто мистико-символическимъ характеромъ, отражающимся даже на ихъ будничной жизни. Архитектура ихъ напоминаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ древне-классическую архитектуру. Такъ, городъ Бонито, высящійся на дугообразныхъ террасахъ, походитъ на греческій театръ. Сходство увеличивается еще тѣмъ, что на городской площади устроенъ театръ. Въ срединѣ города находится обыкновенно зданіе, изъ котораго выходятъ жрецы, наряженные богами и героями, и исполняютъ драматическія представленія. Странное впечатлѣніе производятъ ихъ, т. наз., «утесные города», зіяющіе изъ высѣченныхъ скалъ и горъ. Изъ религіозныхъ искусствъ у нихъ процвѣтаютъ танцы, особенно извѣстный отвратительный танецъ змѣй: жрецы танцуютъ на площади, держа въ зубахъ живыхъ змѣй.

Вл. Г.

Политико-антропологическій журналъ. Въ Германіи (въ Эйзенахѣ и Лейпцигѣ) предпринято со второй половины прошедшаго года новое ежемѣсячное изданіе Politisch-Anthropologische Revue. Задачи его, по словамъ издателей, заключаются въ «примѣненіи естественной эволюціонной теоріи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова къ изученію органиче-

скаго, соціальнаго и умственнаго развитія народовъ». «Біологія, говорятъ они, т.-е. ученіе о всеобщихъ естественныхъ законахъ жизни, и антропологія, т.-е. естественно-историческое ученіе о человѣкѣ и его жизненныхъ отношеніяхъ, открываютъ его врожденныя, унаслѣдованныя и пріобрѣтенныя качества и силы; въ политическомъ же устройствѣ мы видимъ неизбѣжныя условія, при которыхъ достигаютъ высшаго расцвѣта естественныя способности человѣка». Этимъ взглядомъ обусловлено и названіе новаго періодическаго органа, которое, по мнѣнію издателей, лучше всего выражаетъ его научныя цѣли и намѣренія.

Въ Politisch-anthropologische Revue рамки поставлены очень широкія; представители различныхъ взглядовъ, лишь бы только они были научные, могутъ помѣщать въ немъ свои труды. Въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ довольно мѣста удѣлено и этнографіи. Въ нихъ помѣщены статьи: Kohler'a, Blutrache bei den Albónesen; Geisler'a, Ursprung u. Entwickelung des Schamgefühls; Türck'a, Pandora u. Sündenfoll-Mythus; Kohler'a, Recht u. Völkerpsychologie; Katscher'a, Die neuesten Forschungen über die Naturgeschichte d. Ehe u. Familie; Achelis'a, Ethnologie u. Ethik; Weule, Völkerkunde u. Urgeschichte im 20 Jahrhundert и др. Подписная цѣна новаго журнала 13 м. въ годъ заграницу, 6 м. 50 въ полгода (Leipzig, Türingische Verlags-Anstalt).

Орѳографія этнографическихъ и географическихъ именъ. Въ Globus B. LXXXIII N 11. помѣщена замѣтка W. Sievers'a, (извѣстнаго составителя книгъ: Asien, Afrika, Süd—u. Mittelamerika.—Eine allgemeine Landeskunde)—о правописаніи географическихъ и этнографическихъ названій Ю. Америки: Zur Schreibweise der Orts—u. Stammesnamen in Südamerika. Небольшая и касающаяся частнаго вопроса замѣтка не лишена интереса и для русскихъ этнографовъ. Уже теперь въ русской этнографической литературѣ, особенно переводной, чувствуется настоятельная потребность въ установленіи опредѣленнаго правописанія для названій различныхъ племенъ, особенно американскихъ и австралійскихъ. Дѣйствительно, наименованія различныхъ народностей проникли къ намъ изъ литературъ нѣмецкой, англійской и французской и нерѣдко, благодаря произвольному переводу, являлись передъ русскимъ читателемъ въ разнообразныхъ видахъ. Не говоря о встрѣчающихся несообразностяхъ въ родѣ «фугіяновъ» (Fuegians, fuégiens) и др., у насъ писали, напримѣръ, креки (creek) и крики, гереро и овогереросы (herero и Ovahereros), хихимеки и чичимеки (Chichimeks), гайда, гайдахи и хайдахи (Haida), навахи, навахосы и павапосы (Navajo), чиппевеи, чипеваи, чипевась и чиппевеки (Chippeway), чибчи, чибхасы и чибчасы (Chibcha), ваньямуэзы и уньямуэзы (Waniamouesi), волофы, іолофы и уолофы (Wolof) и т. д. Такую же неустойчивую орѳографію можно отмѣтить и въ западно-европейской литературѣ. Французы и нѣмцы пишутъ и volofs и ouolofs, die Wolofs и die Joloffen; нѣмцы—die Haidahs и die Haidachen, die

Waniamouesi и die Unamuesi, die Navajos, die Navahos и die Navachen и т. д. Французы, напримѣръ, пишутъ roucouyennes, нѣмцы же Rucuyenne и т. д.

Трудность и для нѣмецкихъ, и для французскихъ этнографовъ представляетъ вѣрная транскрипція именъ, изъ которыхъ нѣкоторыя проникли къ нимъ съ англійскаго, другія же съ испанскаго и португальскаго языковъ. Въ настоящее время, пишетъ Сиверсъ, введены нѣкоторыя новыя правила, регулирующія орѳографію именъ народностей Ю. Америки. Буквы С и Qu замѣняются буквой К, буквы Ch—буквами Tch, испанское j точно передается греческимъ χ. Такимъ образомъ, пишется уже не Mataco, но Matako, не Quito, а Kito, не Chiriguano, но Tchiriguano, не Majo, но Maχo. Кромѣ того, принято опускать букву s—признакъ множ. числа, такъ что уже не пишутъ majos, quitos и т. д. Замѣтимъ, что это s привело и въ русскомъ языкѣ къ неправильнымъ, въ сущности, формамъ: нуткасы (Nutka), омагасы (omaka), мокисы, мохосы и т. д. Точно также и французы, и нѣмцы къ иностранному слову присоединяли свое окончаніе множественнаго числа, напр., les osages, die Osagen, die Bakairen, вслѣдствіе чего получились и въ русскомъ формы: осаги, бакаиры, тогда какъ племена носятъ названія: осáга и бакаирú.

Признавъ пользу новыхъ правилъ въ этнографической литературѣ, Сиверсъ дѣлаетъ, однако же, слѣдующія критическія замѣчанія. Новая орѳографія представляетъ, по его мнѣнію, нѣкоторыя затрудненія именно въ томъ, что не всегда одинаково соотвѣтствуетъ интересамъ этнографовъ и географовъ. Многія географическія имена въ Ю. Америкѣ, пишетъ Сиверсъ, происходятъ отъ названій живущихъ еще или вымершихъ туземныхъ племенъ, такъ что географическія и племенныя наименованія вполнѣ совпадаютъ, напр., Bogotà, Caràcas и др. Кромѣ того, многія названія мѣстностей имѣютъ въ концѣ s—окончаніе родительнаго падежа: Achaguas, Maipures, Omaguas, Iquitos и др. Имена рѣкъ тоже оканчиваются на s, т. к. они происходятъ отъ наименованія индѣйскихъ племенъ—Baures, Uaupès, Aporaris и т. д. Разъ этнографы, пишетъ Сиверсъ, уже не говорятъ во множественномъ числѣ названія племенъ, говорятъ, напримѣръ, не Uaupès, но индѣйцы Uaupè—между географическими и этнографическими именами образовалась разница, и придется и рѣку перекрестить въ р. Uaupe, а вышеприведенныя мѣстности въ Iquito, Achagua и т. д. Между тѣмъ данныя наименованія укрѣпились за этими мѣстностями цѣлыми столѣтіями, и измѣнить ихъ представляется довольно затруднительнымъ. Замѣна буквъ: С—буквой К, Ch—буквами Tch и т. д. имѣетъ также нѣкоторыя неудобства. Въ именахъ племенъ недавно открытыхъ легко писать К, напр., Karayà, Kamayurà, Kustenaй и т. д.—географія можетъ вполнѣ воспользоваться этимъ правописаніемъ. Но существуютъ племенныя названія, изстари извѣстныя съ буквой С, которыя успѣли уже дать наименованіе и мѣстностямъ. Неудобно писать названіе племени Karayò, а географическое имя Serra Carayò. Кромѣ того, что Serra da Carayò

имѣетъ полное право гражданства въ литературѣ, само имя—португальское (Serra da), а въ португальскомъ яз. не существуетъ буквы K. Далѣе, если Ch замѣнять буквами Tch, и Qu—буквой K, слѣдуетъ замѣну эту сдѣлать во всѣхъ наименованіяхъ, гдѣ эти буквы встрѣчаются. Получится, такимъ образомъ, напримѣръ, Tchile вмѣсто Chile, Tschako вмѣсто принятаго Chaco, Kito вмѣсто Quito и т. д. Писать же городъ Quito, а названіе племени, давшей ему имя—Kito представляется Сиверсу неудобнымъ. Измѣненіе старинной, общеупотребительной орѳографіи географическихъ именъ согласно новымъ требованіямъ этнографіи, по мнѣнію почтеннаго нѣмецкаго ученаго, можетъ привести къ великой путаницѣ. Поэтому ему представляется болѣе цѣлесообразнымъ вводить новое правописаніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда географическія наименованія не пріобрѣли еще права давности.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“.

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера*. М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записаннныя *А. Марковымъ*, съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера*, изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко*. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ*. М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ*. Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій*, Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій*. Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).